

Библейско-богословская коллекция
СЕРИЯ “БИБЛЕИСТИКА”
Золотой фонд русской библеистики

Дмитрий Сергеевич ЛЕОНАРДОВ

**УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА О
БОГОДУХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ**

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru) при участии интернет-проекта «Синай» (www.sinai.spb.ru). Санкт-Петербург, 2005.

Дополнительная обработка: Кафедра библеистики
Санкт-Петербургской духовной академии, 2016.
<http://bible-spbda.info>

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2005

Об авторе

Дмитрий Сергеевич **Леонардов** (21.10.1871–1915) родился в с. Узуново Веневского уезда Тульской губернии. Окончил Веневское духовное училище, Тульскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию.

Работал преподавателем в Полоцком духовном училище, Витебском учительском институте. Был инспектором народных училищ по Витебском уезду Витебской губернии. Автор работ на религиозно-исторические темы, в том числе — монографии «Полоцкий князь Всеслав и его время» (1912), в котором осветил политику князя Всеслава Брячиславича, направленную на расширение Полоцкой земли и обеспечение ее экономической и политической самостоятельности.

Умер в 1915 году.

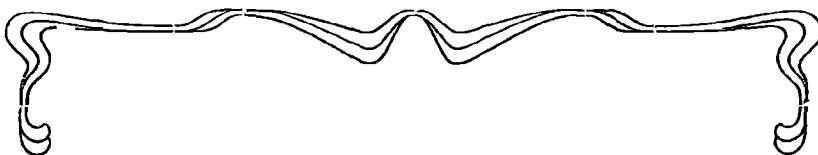
Биографическая справка составлена по материалам:

- События, факты. 21 октября: в этот день // Вечерний Минск (газета), №234 (10329) от 21.10.2003. <http://www.newsvm.com/articles/2003/10/21/21.html>
- Леонардов / Всероссийское генеалогическое древо (интернет-сайт). <http://www.vgd.ru/L/leonov.htm#ЛЕОНАРДОВ>

Статьи Д. С. Леонардова, посвященные учению о богодухновенности Священного Писания

- Учение о богодухновенности Священного Писания мужей апостольских // Вера и разум, 1898, т. I, ч. 1, с. 286–302.
- Учение о богодухновенности Священного Писания апологетов II века // Вера и разум, 1901, т. I, ч. 1, с. 559–580, 722–750; ч. 2, с. 25–54.
- Теория богодухновенности в александрийской школе // Вера и разум, 1906, т. I, ч. 1, с. 17–30, 70–94, 132–150.
- Теория богодухновенности в александрийской школе. Теория Оригена // Вера и разум, 1907, №4, с. 443–465; №5, с. 583–600; №6, с. 764–774; №9, с. 330–348; №12, с. 765–788; №18, с. 711–736.

5. Учение святителя Иоанна Златоуста о богословии Библии // Вера и разум, 1912, №3, с. 344–376; №4, с. 429–448; №5, с. 606–627; №7, с. 69–93; №8, с. 185–205; №9, с. 319–342; №10, с. 464–480; №11, с. 604 – 626; №12, с. 737–758.
6. Учение о богословии Священного Писания в средние века // Вера и разум, 1897, т. I, ч. 2, с. 387–401, 461–487, 623–635, 675–732; 1899, т. I, ч. 1, с. 337–348.
7. Полурационалистические учения среди протестантов о богословии Священного Писания (XVI–XVII в.)// Вера и разум, 1900, т. I, ч. 2, с. 421–442, 501–258.
8. Учение о богословии Священного Писания со времени реформации (XVI в.) // Вера и разум, 1899, т. I, ч. 2, с. 227–248, 329–350.
9. Вербальные теории богословии Священного Писания среди западных богословов в XVII в. // Вера и разум, 1900, т. I, ч. 2, с. 135–157, 219–242.
10. Теории богословии и происхождения Священного Писания на Западе в XVIII и XIX вв. // Вера и разум, 1903, т. I, ч. 1, с. 173–194, 301–323, 451–456, 508–540, 799–822.
11. Догматические определения о богословии и употреблении Священного Писания в Римо-католической Церкви // Вера и разум, 1900, т. I, ч. 1, с. 439–458, 521–535.

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛИИ.

Антіохійська школа була той материнської почвою, на якій вросла Златоустъ (р. около 347 г., † 407), *якъ ежегеть*. Въ лиць этого удивительного по своимъ дарованіямъ ученика Діодора Тарсійскаго, школа эта пріобрѣла для себя самую блестящую жемчужину.

Говоря о Златоустъ, какъ представителъ антіохійской школы, не должно, однако, забывать *тѣсной ея связи съ Оригеномъ*. Для современной эпохи этотъ великий александриецъ былъ какъ бы сборнымъ пунктомъ различныхъ направлений, первоисточникомъ новыхъ развитій богословской мысли. Изъ богатѣйшей сокровищницы его разносторонне образованнаго духа, изъ сокровищницы его твореній, плодовъ колоссальной его учености, постоянно и съ успѣхомъ черпали для себя вдохновеніе многочисленные представители различныхъ школъ вообще и антіохійской въ частности. Въ виду громаднаго наслѣдства, оставленнаго Оригеномъ, почти не представляется возможнымъ разграничить, раздѣлить тѣ направления, которые въ Оригенѣ были еще неразрывно соединены, стояли одно возлѣ другого. Еще мало опредѣлившіяся, внутренно еще примирѣшыя, направленія эти объединялись въ могучемъ духѣ Оригена...

Внутренно связанныя съ Оригеномъ, школа антіохійская съ течеіемъ времени стала развиваться, *якъ естественная и ярко выраженная реакція* александрийскому аллегоризму. Школа александрийская, какъ известно, изслѣдовала и объясняла Слово Божіе путемъ спекулятивнымъ. Простое историческое изслѣдование, буквальное пониманіе Св.

Писанія не удовлетворяли александрийцевъ. Все чувственное, плотское, буквальное представлялось имъ только покрывающимъ высшаго, идейного, въ глубинѣ Писанія лежащаго содерянія. Отсюда происходило и учение о многоразличіи смысла въ Библіи, полное познаніе котораго—доступно только истинному гностику. Не безъ основанія пытаются найти здѣсь, хотя и косвенное влияніе на александрийцевъ учения о Богѣ платонизма и неоплатонизма, почти совершенно удалявшихъ изъ жизни міра отдѣленное въ метафизическое величие Божество,—влияние такого учения, съ точки зрѣнія котораго не могло быть и рѣчи объ истинномъ объединеніи чувственаго, материального съ идеальнымъ, божественнымъ... Своими мыслями о различіи въ Св. Писаніи лежащаго на поверхности, доступного для обыкновенного пониманія смысла отъ глубокаго и сокровенного Оригена, можно сказать, создалъ эпоху въ исторіи учений о богодохновенности Библіи и въ частности объ отношеніи божественного фактора къ человѣческому ¹⁾. Простой фактъ, историческое событие были для Оригена только тѣломъ Писания ²⁾). По аналогии трехъ частей человѣка: тѣла, души и духа онъ различалъ и въ Библіи тройкій смыслъ (ср. Притч. XXII, 20) ³⁾). Если смыслъ тѣлесный (*sensus corporalis*) иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія отсутствуетъ, то высшій, духовный смыслъ всегда былъ на лицо ⁴⁾). Однако, Оригенъ выразительно предупреждаетъ упрекъ, будто онъ налагаетъ руку, уничтожаетъ историческую истину: для него такая истинна только не есть предметъ главный ⁵⁾). Экзегетъ, котораго не безъ основанія почитаютъ „за отца научного изслѣдованія Библіи“, всегда обнаруживалъ достойное уваженія стремленіе изслѣдовать и исторической смыслъ, что онъ и могъ достигнуть, благодаря своему всеобъемлющему образованію и богатству историческихъ познаній. Но, безъ сомнѣнія, догматико-спекуля-

¹⁾ Срав. Guerike. H. E. J. De schola quae Alexandriae floruit catechetica. Halis Sax. 1825. 8°, II, 50. 176.

²⁾ De principiis IV° 14.

³⁾ Ibidem IV°, 11.

⁴⁾ Ibidem IV°, 12. 19.

⁵⁾ На это достаточно доказательствъ у Redepenning'a въ его замѣчательномъ изслѣдованіи: „Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre“ Bonn. 1841—1846. 2. Bde. 8°.

тивные интересы были у него господствующими, такъ что человѣческая и божественная стороны Св. Писанія не находились у него въ гармоническомъ посредствѣ, а скорѣе историческая, человѣческая сторона была только покрываломъ, или скорлупой. Оригену недоставало даже обстоятельного знанія ветхозавѣтныхъ идіомовъ, чтобы съ необходимою остротою и ясностью раскрывать смыслъ исторической. Какъ чрезъ аллегоризированіе и пренебреженіе смысла буквальнаго (*sensus litteralis*) самъ Оригенъ дошелъ до хиліазма въ божественномъ Откровеніи ¹⁾), такъ между учениками и друзьями его были многіе, которые, идя далѣе по этому пути, открывали двери и ворота субъективному произволу чрезъ отбрасываніе смысла исторического и на скользкомъ пути аллегорическаго истолкованія презрѣли всѣ законы языка и безпристрастной критики. Опасность такой односторонности была столь же велика, какъ соблазнительна была возможнѣсть дѣлать изъ св. текста Библіи все, что угодно, и применять его ко всякому возможному доказательству. Неудивительно, что, въ діаметральную противоположность этому, образовалась сильная реакція, которая пыталась уничтожить всякий видъ аллегоріи, выставляла буквальное истолкованіе, какъ единствено правильное ²⁾). Достопримѣчательный споръ, который велъ великий ученикъ Оригена Ціонисій Александровскій съ епископомъ Непотомъ, является доказательствомъ, что въ столкновеніяхъ между двумя противоположными точками зрењія не было недосгатка ³⁾). Послѣдствіемъ было то, что были признаны крайности и ошибки обоихъ расходящихся направлений, была сознана необходимость отыскать средину между ними чрезъ понятіе такого принципа, по которому прежде всего должны быть соблюдены права исто-рико-буквального смысла, такъ чтобы не было отвергнуто и

¹⁾ De principiis II, 11, 2; 6.

²⁾ Срав. у Sieffert'a Theod. Mops. Vet. Testam. sobrie interpretandi vindex. Dissertat. 1827; p. 14: „Multi... allegoricum studium propterea potissimum tenentes, quod in controversiis theologicis omnes sententias Scripturae s. auctoritate munire potuerunt“; pag. 40: „Duplici vitio laborarunt interprete Scripturae s. alterius allegoricum interpretandi genus professi sunt, alteri literalem sensum solum tenuerunt“.

³⁾ Ср. объ этомъ сообщенія Евсевія Кесарійскаго въ Histor. eccles. VII, 24; подробнѣе у Th. Foerster'a въ его „De doctrina et sententiis Dionysii M. ep. Alex. Dissertat. inanq. Berol. 1865; 8°; 33.

право на существование у пониманія аллегорического. Школа антіохійская и явилась лучшей выразительницей реакції противъ доведенного до излишества въ Александрии идеализма какъ въ области религіозно-философской, такъ и въ области собственно экзегетической.

Всей вообще школѣ свойственна—борьба противъ крайнаго аллегоризированія слова Божія, противъ того истолковательного метода, который, вслѣдствіе неразумнаго рвения его представителей, превращалъ, напр., Ветхій Завѣтъ въ одну непрерывную аллегорію, въ книгу, полную однѣхъ тайнъ и загадокъ¹⁾. Какъ въ христологіи антіохійская школа стремилась изобразить во всей ея реальности человѣческую природу Христа, такъ въ отношеніи къ св. Бібліі старалась изучить человѣческую сторону ея богоизбранности. Критические опыты и труды Оригена нашли въ антіохійской школѣ дальнѣйшее развитіе. Она избрала путь простого, осторожнаго, безпредубежденнаго изслѣдованія Бібліі, стремленіе къ критическому анализированію, къ расчлененію св. текста, отвращеніе отъ пути беспочвенной спекуляціи. Основной смыслъ Св. Писанія, находящійся во всѣхъ его мѣстахъ, это—смыслъ буквальный, хотя на ряду съ нимъ въ тицахъ и предметахъ выражается смыслъ, высшій, мистический²⁾. Но этотъ таинственный смыслъ находится не во всѣхъ мѣстахъ Бібліи: Богъ вообще говоритъ въ Св. Писаніи къ людямъ въ такой формѣ, которая не отличается отъ обычнаго способа человѣческой рѣчи.

Уже Діодоръ марсійскій выдвигалъ на первое мѣсто элементъ общепонятнаго и простого изслѣдованія Бібліи, котораго недоставало Оригену. Въ своемъ стремленіи раскрыть чистый историко-грамматической смыслъ Св. Писанія, онъ со всею рѣшительностью выставлялъ законы языка и историческая условія, какъ самые надежные и вѣрные факторы въ пониманіи св. книгъ³⁾. Какъ значительно было вліяніе Діодора, съ какою энержіею сго основоположенія

1) Срав. Kihna. H. Die Schulen von Antiochia, Edessa, und Nisibis. Weiszenburg. 1865—1867; 111.

2) Cp. его же. Theodor von Mopsuestia. Freiburg. 1880. 128. 129.

3) Socrates. Hist. eccl. VI, 3. Срав. A. Neander. Der heilige Joh. Chrysostomus und die Kirche, besonders des Orients, in dessen Leitälter. Berlin. Aufl. III. 1858; Band I, 29.

проводились въ жизнь, свидѣтельствуютъ экзегетическія труды *Ѳеодора мопсустскаго*, бывшаго его ученикомъ.Ѳеодоръ не только стремился дать научное обоснованіе антіохійскому способу пониманія Св. Писанія, но довелъ его до крайности, діаметрально противоположной методу оригенистовъ. Какъ односторонній идеализмъ оригенистовъ привелъ къ искаженію содержанія Св. Писанія, такъ привязанность къ простому пониманію, къ мертвой буквѣ ввергла Ѳеодора въ пропасть раціонализма. Истинную, золотую середину между грубо чувственнымъ, буквальнымъ пониманіемъ іудаистовъ, антропоморфистовъ, раціоналистовъ, съ одной стороны, и аллегоріей эллинистовъ, оригенистовъ и гностиковъ, съ другой, нашелъ именно самый блестящій изъ антіохійцевъ: Златоустъ.

Самая духовная способности и склонности Іоанна соответствовали такой его *примирительной роли*. Свойственные его духу осмотрительность, благоразуміе, любовь къ строгому разграниченню человѣческаго и божескаго, стремленіе къ сохраненію человѣческаго въ его самостоятельности и правахъ,—все это предрасполагало его къ такому отношенію къ Библіи, при которомъ тщательно разграничивались, обозначались божескій и человѣческій факторы богоизбѣжности. Сходясь съ антіохійскимъ экзегесисомъ въ основныхъ его положеніяхъ, Іоаннъ Златоустъ многое въ немъ видоизмѣнилъ и смягчилъ¹⁾.Ѳеодоръ мопсустскій, комментаріи котораго носятъ преимущественно ученый характеръ и обязаны своимъ происхожденіемъ не столько практической, сколько научной потребности, примѣняетъ свои экзегетическія основоположенія со всемъ остротою.

- ✓ Златоустъ, напротивъ, въ своихъ истолкованіяхъ стремится удовлетворить извѣстной потребности общества, предлагаетъ своимъ слушателямъ христіанскоѣ знаніе и потому не впадаетъ въ крайности своего школьнаго товарища. Правда, онъ соприкасается съ Ѳеодоромъ въ критико-грамматическомъ изслѣдованіи Св. Писанія и выставляетъ на первое мѣсто дословный его смыслъ. Но, какъ проповѣд-

¹⁾ Срав. Fr. Böhriinger. Die Kirche Christi und ihre Leugen oder die Kirchengeschichte in Biographieen. B. I, Abth 4; 5. Lürich. 1846.

никъ, онъ оттѣпъль въ Св. Писаніи главнымъ образомъ то, что дѣйствовало, вліяло на чувствованія людей. Наконецъ, въ самомъ духѣ Златоуста критико-реелектрирующая способность дѣйствовала всегда въ связи и параллельно способности созерцательной, устремленной на внутреннее пониманіе спасительной истины. Совершенно естественно, что Златоустъ не могъ удовлетвориться простымъ, дословнымъ смысломъ. Онъ психологически и этически оправдывалъ права на существованіе смысла высшаго, а не относился къ аллегорическому пониманію съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ Феодора мопсустскаго.

Какъ экзегетъ, Златоустъ не блещетъ оригинальностью, подобно Феодору. Зато несравненно превосходитъ его *определенностью и ясностью взгляда, точностью и строгостью логики, практическимъ умомъ и мудростью*. Въ дивной гармоніи соединены въ комментаріяхъ великаго вселенскаго учителя наука и жизнь, теорія и практика, разумъ и чувство. Иоаннъ Златоустъ не былъ столь учень, какъ блаженный Іеронимъ, не имѣлъ столь сильной симпатіи къ таинственнымъ глубинамъ Библіи, какъ Оригенъ, не былъ столь глубокимъ богословомъ, какъ Аѳанасій Великій, Григорій Назіанzenъ, блаженный Августинъ, не былъ, пожалуй, и такимъ текстуальнымъ критикомъ, какъ Юлій Африканъ. Но превосходное краснорѣчіе, изящная учепость, здравый смыслъ, основательное знакомство съ цѣлымъ организмомъ св. Библіи, искусное пользованіе смысломъ буквальнымъ болѣе какъ руководствомъ поведенія, чѣмъ полемъ для метафизическихъ спекуляцій,—всѣ такого рода свойства обусловливали для Златоуста превосходство надъ прочими экзегетами. Великій святитель ставилъ для себя идеаломъ св. апостола Павла, хотя горячая ревность и пламенная любовь скорѣе уподобляютъ его ап. Іоанну, а въ своихъ практическихъ стремленіяхъ онъ напоминаетъ ап. Іакова. Слишкомъ занятый, онъ не имѣлъ, повидимому, возможности ознакомиться съ еврейскимъ языкамъ и потому въ комментаріяхъ своихъ зависѣтъ главнымъ образомъ отъ LXX-ти, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводя Феодотіона, Симмаха, Акилу, безъ указанія ихъ именъ. Не всегда Златоустъ обнаруживаетъ и точное, критическое изслѣдованіе грамматическихъ особенностей рѣчи греческаго текста, несмотря на то, что самъ вла-

дѣть сю съ такимъ поразительнымъ искусствомъ. Связанный традиціоннымъ истолкованіемъ и пониманіемъ, которыя уже успѣли проникнуть во многія мѣста Библіи, Златоустъ, однако, былъ чуждъ крайняго догматизма. Приезжая аллегорію въ теоріи, онъ на практикѣ никогда не выходитъ изъ границъ умѣренности, не вдается въ область беспочвенного фантазированія. Мужественная высоко нравственная его природа, воспитанная въ жизни труда и борьбы, благородная внушительная его индивидуальность, блестящій ораторскій талантъ, обыкновеніе изслѣдовать то или другое мѣсто Библіи, какъ самостоятельное цѣлое, общее правило извлеченія мысли изъ св. текста, но не введенія ея въ текстъ, изысканно геніальная симпатія и откровенное признаніе кромѣ божественного и человѣческаго элемента въ св. книгахъ, выразительное указаніе влиянія личности св. писателя на составленіе св. книги,—все это съ поразительной гармоніей, съ необыкновенною красотою соединилось въ истолкованіяхъ св. Златоуста. Въ отличіе отъ Амвросія чедіоланскаго, Златоустъ хочетъ видѣть христіанство господствующимъ главнымъ образомъ въ индивидуальныхъ сердцахъ, а потому съ болѣшою настойчивостью доказываетъ всю важность изученія богоизбраненныx книгъ для личнаго просвѣщенія, для личной духовной жизни людей. Нерѣдко Златоустъ усвояетъ слову Божію и смыслъ мистической, хотя въ известныхъ границахъ, съ должною умѣренностью. Онъ пользуется и теоріей аккоммодаціи, но не злоупотребляетъ ею. Разсужденія Златоуста о различіяхъ, о разногласіяхъ между богоизбраненными писателями дали ему полное право на титулъ „основателя гармонистики“. Но высшая заслуга Златоуста, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ необыкновенномъ искусствѣ, съ которыемъ онъ раскрываетъ буквальный смыслъ слова Божія чрезъ изученіе самаго контекста рѣчи, чрезъ вниманіе къ особенностямъ стиля того или другого писателя. Златоустъ учитъ, что большая часть св. Писанія ясна, вразумительна, что для пониманія его нужны только добрая воля, даръ мудрости и помощь Духа Святаго.

Таково—мѣсто Златоуста, какъ тезета, въ ряду другихъ истолкователей Св. Писанія вообще и представителей антиохійскаго экзегесиса въ частности.

Собственно ученіе Златоуста о богоизбраненности св.

Библії соотвѣтствуетъ особенностямъ его, какъ экзегета. Лучшій и самый умъренный изъ учениковъ Антіохіи Златоустъ—одинаково чуждъ какъ чрезмѣрной преоцѣнки божественного вліянія на составленіе св. книгъ—александрийцевъ, такъ равно и раціоналистического ограниченія его у крайнихъ антіохійцевъ. Въ ученияхъ о богодохновенности Библіи у Климента александрийского, Оригена и др. отпечатлѣвается общее спекулятивно-мистическое направление ихъ мышленія, свойственный имъ, какъ александрийцамъ, возвышенный идеализмъ. У Златоуста, напротивъ, преобладаютъ логико-реолектирующее направление, трезвый реализмъ. Оригенъ преимущественно настаиваетъ на неизреченномъ, божественномъ величіи, на сверхъестественномъ происхожденіи Библіи. Священное Писаніе для Оригена—это неизмѣримое, безграничное море тайнъ. Чрезъ всѣ части Св. Писанія разлита—полнота божественного величія, божественной премудрости, которая простираются до случайныхъ буквъ св. текста. Златоустъ, напротивъ, главнымъ образомъ говорить объ антропологическомъ характерѣ Св. Писанія, о соотвѣтствии его съ разумомъ. Библія для Златоуста представляется книгой, написанной для людей и по-человѣчески, приспособленной къ потребностямъ пзвѣстнаго времени и мѣста, составленной подъ сильнымъ вліяніемъ вѣнчанихъ, историческихъ условій. Оригенъ, въ противоположность дуалистической теоріи гностиковъ касательно происхожденія св. письменности, нерѣдко впадаетъ въ крайность противоположную, когда утверждаетъ не только единство происхожденія св. книгъ обоихъ завѣтовъ, но и безразличное тождество ихъ въ отношеніи авторитета. Златоустъ, конечно, вполнѣ сходится съ Оригеномъ въ ученіи о Богѣ—Творцѣ міра, какъ единомъ Авторѣ обоихъ завѣтовъ; зато съ болѣшею рѣшительностью учитъ

различіи завѣтовъ по степени авторитета, о превосходствѣ Нового Завѣта надъ Ветхимъ. Оригенъ, какъ человѣкъ идеалистического міросозерцанія, рассматриваетъ Св. Писаніе главнымъ образомъ какъ цѣлостныи, идеини, богодохновенный организмъ. Златоустъ—реалистъ и потому главное вниманіе устремляеть на частныя изреченія богодохновенныхъ писателей. Подъ вліяніемъ трихотоміи Платона, всецѣло господствовавшей въ истолкованіи Библіи у Филона, Оригенъ различаетъ въ Св. Писаніи тройственный смыслъ:

буквальний, нравственный и пневматический. Сама по себе буква для него — пуста, бесодержательна, содержать много противоречивого, невозможного, подающего поводъ къ заблужденіямъ. Историко-грамматическая изслѣдованія св. текста служатъ Оригену только предварительными условіями, необходимыми средствами для отысканія въ буквахъ, словахъ, предложеніяхъ высшаго, идеяного содержанія, для отысканія высшаго, пневматического смысла, какъ самой лучшей и благороднѣйшой части организма слова Божія. При такой точкѣ зрѣнія экзегесисъ у Оригена превращался иногда въ чисто субъективное выраженіе предвзятыхъ мыслей самого составителя. Иначе опредѣляется существо бого-вдохновенности, въ отношеніи къ пониманію слова Божія, Златоустъ. Подлинный смыслъ Писанія—это буквальный, фактический. Онъ содержитя или въ собственномъ, или въ образномъ значеніи словъ св. текста. Иногда, конечно, образный смыслъ называется у Златоуста мистическимъ, вслѣдствіе, вѣроятно, его прикровенности и трудности для пониманія. Но прежде всего, однако, каждому слову, каждому изреченію Библіи нашъ истолкователь усвояетъ значеніе буквальное, смыслъ дословный. Благодаря изслѣдованію св. текста по правиламъ грамматики и логики экзегесисъ Златоуста получалъ для себя твердыя, объективныя основанія. Оригенъ и Златоустъ, наконецъ, сходятся въ признаніи непогрѣшности Св. Писанія, исключающей всякия несогласія и противорѣчія. Но доказательства этой непогрѣшности у того и у другого—различны. Александріецъ ищетъ оправданія кажущихся противорѣчій въ бого-вдохновенныхъ писаніяхъ путемъ аллегорического истолкованія относящихся сюда мѣстъ. Златоустъ, напротивъ, строго держится на почвѣ буквы и довольно успѣшно доказываетъ, что противорѣчія въ Библіи—только кажущіяся, вѣнчанія, недѣйствительныя. Въ разногласіяхъ евангелистовъ Златоустъ даже видитъ прекрасное доказательство достовѣрности ихъ: различие въ мелочахъ блистательно говорить въ пользу писавшихъ, освобождая ихъ отъ подозрѣнія въ предварительномъ соглашеніи, въ предварительномъ уговорѣ.

Свободный отъ крайностей александрийской теоріи бого-вдохновенности Библіи, Златоустъ счастливо избѣгаєтъ и ошибокъ односторонне разсудочного направленія нѣкоторыхъ

антіохійцевъ. Извѣстно, что Феодоръ мопсустскій пришель къ довольно свободнымъ взглядамъ касательно содержанія и авторитета ветхозавѣтныхъ писаній. Если Оригенъ всюду ищетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ только идеального содержания и, такъ сказать, переносить тайны Нового Завѣта — въ Ветхій, то епископъ мопсустскій находитъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ только содержаніе историческое и совершенно обезцѣпываетъ типическое значеніе ихъ для новозавѣтпаго домостроительства. Между тѣмъ, какъ Оригенъ даже въ мѣстахъ историческихъ находитъ смыслъ только мистической и часто впадающей въ произволъ аллегоризированія, Феодоръ злоупотребляется истолкованіемъ историко-грамматическимъ, такъ какъ въ мессіанскихъ и типическихъ текстахъ опредѣляетъ только историческое значеніе. Рационалистическая критика библіи и отверженіе канонического достоинства нѣкоторыхъ изъ богоідохновенныхъ книгъ были послѣдствіями заблужденій епископа мопсустскаго. Златоустъ — свободенъ отъ ошибокъ такого рода. Убѣжденный сторонникъ собственного, буквальнаго пониманія св. Писанія, Златоустъ однако, имъ не ограничивается. „Иное въ Писаніи, учитъ онъ, должно понимать такъ, какъ сказано, а иное — въ смыслѣ перевномъ... а иное нужно принимать въ смыслѣ двоякомъ: чувственному и духовному“¹⁾. Ясное, православное истолкованіе св. Писанія, благоговѣніе къ его св. тексту, положительное отношеніе къ церковному канону — таковы были послѣдствія широты взглядовъ великаго святителя на пониманіе слова Божія.

I.

Богоідохновенность обыкновенно служитъ для Златоуста необходимою, апріористическою точкою отправленія для всякаго практическаго изслѣдованія св. текста Библіи.

Св. Писаніе, для него есть Писаніе „*κατ' ἑρμήνειαν*“, Писаніе божественное²⁾. Въ немъ содержится божественная филосо-

¹⁾ Срав. expositio in psalmum XLVI (Migne Patrol curs. compl. Pars graeca. T. LV, 209.

²⁾ Contra anomoeos de incomprehensibili. Hom. II, 6 (M. XLVIII, 717) и мног. друг.

фія, предложеніа неизреченная божественная пѣснь¹⁾ роса Св. Духа²⁾. Въ св. книгахъ дарованы людямъ письмена, нисшедшія съ неба³⁾, божественныя мысли⁴⁾, божественныя слова, изреченія, опредѣленія⁵⁾, глаголы высочайшаго Царя⁶⁾. Какъ проищешия чрезъ божественное вдохновеніе, св. писанія суть слова ('в. Духа, законы Духа⁷⁾), писанія духовныя тѣ письмена⁸⁾.

Св. писатели предстаютъ у Златоуста живыми одушевленными орудіями Духа Божія. Чрезъ св. писателей бѣсѣдуетъ съ людьми Самъ Богъ⁹⁾, вѣщаетъ Духъ Святый¹⁰⁾. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Духъ говорилъ устами пророковъ¹¹⁾, такъ въ Новомъ-апостолы не говорять намъ ничего человѣческаго, но все изъ глубины Духа¹²⁾. Мысли, выражаемыя богодохновенными писателями въ св. книгахъ, суть мысли. Самого Бога¹³⁾. Так же и ихъ изреченія суть произведенія не человѣческаго ума, размышенія и сочиненія, но божественной благодати¹⁴⁾. Самъ Господь какъ бы соприсутствуетъ св. писателямъ, говоритъ имъ словами. Такъ обѣ ап. Павлѣ Златоустъ выражается: „Если хочешь, будешь иметь у себя Самого Владыку Павла“¹⁵⁾. Подобную мысль выражаетъ Златоустъ и касательно евангелистовъ. Мы не только видимъ Христа, предлагаемаго въ таинствѣ евхаристії, но слышимъ и Его голосъ, какъ какъ Онъ, говорить, чрезъ евангели-

¹⁾ De mutatione nominum, IV, 1 (M. L, 145); Expos. in psalm XLVIII, 1, (M. LV, 513).

²⁾ De utilitate letitioris contemplacionis, (M. LI, 88).

³⁾ Adversus orationes oraculae, qui in monasticam vitam inducent (M. XLVII, 362).

⁴⁾ Expos. in psalm. XLVIII, 1 (M. LV, 499).

⁵⁾ Homilie in ep. II, Senect., XV, I, XVI, 3 (M. LIII, 119, 121, 129), interpretat. in Isaiam prophetam: cap. (M. LXI, 13)

M. LI II

⁶⁾ M. LI II, homil. in Ioann. III, 1 (LIX, 38).

⁷⁾ Expos. in psalm. XLJ (M. LV, 156).

⁸⁾ См. M. LII, L, 90.

⁹⁾ Поміл, επιτα αποφασεως, IV, 4, (M. XLVIII, 732).

¹⁰⁾ Поміл, επιτα αποφασεως, IV, 4, (M. XLVIII, 732).

¹¹⁾ Поміл in Joann. I (M. LIX, 26).

¹²⁾ Поміл in Joann. I (M. LIX, 26).

¹³⁾ Expos. in psalm. VII, 7 (M. LV, 91).

¹⁴⁾ Expos. in psalm. XLVI (M. LV, 184).

¹⁵⁾ Homil. in epistol. ad Romanos: XXV (M. LX, 666).

това¹). Въ величественныхъ образахъ представляеть Златоустъ богодохновенность и апостоловъ вообще. Не съ каменными скрижалями въ рукахъ, подобно Моисею, сошли съ горы св. апостолы. Неся въ своей душѣ Духа, апостолы ходили всюду, источая сокровище и источникъ ученій, духовныхъ даровъ, всякихъ благъ, ставъ по благодати одушевленными книгами и законами, такъ какъ устами ихъ говорилъ ко всѣмъ Богъ²). Самое членіе св. книгъ, какъ проишедшихъ чрезъ богодохновенность, Златоустъ называетъ откровеніемъ неба³).

Признавая богодохновенность св. Писанія безусловно необходимой истиной съ точки зрењія вѣрующаго сознанія, Златоустъ, подобно Оригену, нерѣдко приводить для теоретического ея оправданія *доказательства*.

Самымъ употребительнымъ доводомъ въ пользу божественного авторитета св. Писанія у Златоуста является *чудесный фактъ быстрого распространія* по всему миру содержащагося въ св. книгахъ возвышенного ученія. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что составителями св. книгъ, напр. новозавѣтныхъ, были люди малоучелые въ мірскомъ значеніи этого слова: мытари, рыбари, скіпотворцы и т. п.⁴). Однако, проповѣдь этихъ людей, гонимыхъ, бичуемыхъ, проводившихъ жизнь среди опасностей, приняли со всей охотой простецы и чудрецы, рабы и свободные, варвары и греки⁵). Съ великой увѣренностью и убѣдительностью, не только при жизни, но и по смерти—цѣлымъ городамъ, племенамъ и народамъ, сушѣ и морю проповѣдавали эти люди о томъ, что нѣкогда не могли представить себѣ и во сг҃ъ язычески мудрены⁶). Благодаря св. писаніямъ, вѣщація и глаголы этихъ проповѣдниковъ достигли до крайнихъ предѣловъ вселенной (ср. Ис. XVIII, 5). „Хотя бы ты огиравился къ индійцамъ, которыхъ первыхъ озаряетъ восходящее солнце, хотя бы удалился на океанъ или на британскіе острова, хотя бы приплылъ въ эвксинскій понтъ, хотя бы достигъ сѣвер-

¹) Homil in Matthaeum (M. LVIII, 507).

²) Inter pretat in Isaiam prophetam. II (M. LVI 109).

³) Hom. in Matth. I, (LVII, 20).

⁴) Hom. in Matth. I, 6 (LVII, 20).

⁵) Homil in Matthaeum I, 5 (M. LVII, 19).

⁶) Ibidem, col 19.

ныхъ странъ, вездѣ услышшишь, какъ всѣ любомудрствують о томъ, что содержится въ Писаніи, другимъ языкомъ, но не другою вѣрою, различными нарѣчіями, но одинаковыми умомъ¹⁾). Не краткое время, но всегда живутъ, благодаря св. Писаніямъ, эти мытари, рыбари и скинотворцы²⁾). Такое повсюдное распространеніе св. книгъ произошло благодаря тому факту, что написавъ свои книги, составители не скрыли ихъ въ какомъ-либо уголкѣ вселенной, а распространили всюду: на сушѣ и на морѣ, въ слухъ всѣхъ³⁾). Эти книги имѣютъ не скоропреходящее, а несокрушимовѣчное значеніе. Посланія ап. Павла, напр., суть какъ бы стѣны для церквей. Апостолъ расположилъ эти посланія какъ твердую, несокрушимую ограду для вселенной, такъ что эта ограда спасаетъ отъ нападенія враговъ всѣхъ людей, современныхъ и послѣдующихъ, нынѣшихъ и имѣющихъ быть⁴⁾.

Задаваясь вопросомъ, какъ же могли писанія *людей простыхъ, неученыхъ* заслужить повсюду удивленіе, вѣру и славу, Златоустъ дѣлаетъ вполнѣ логическое заключеніе о происхожденіи этихъ писаній чрезъ божественное вдохновеніе. Простотою содержанія пельзя объяснить быстрого распространенія и необыкновенного дѣйствія писаній и проповѣди такого рода людей. Напротивъ, эти неученые люди, эти рыбари о Богѣ и небесныхъ предметахъ сообщали такія понятія, какія не могли прийти даже на умъ никогда и никому изъ философовъ. Ученіе философовъ отжило, погибло, исчезло, легче паутины. Напротивъ, возвышенное ученіе боговдохновенныхъ писателей было принято, заслужило вѣру, процвѣтаетъ доселѣ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ⁵⁾). Не могла оказать существенного вліянія на быстрое распространеніе св. книгъ и вѣщая ихъ форма. Въ этихъ книгахъ нѣть ни шума словъ, ни напыщенности рѣчи, ни излишняго, бесполезного украшенія или, искусственного сочетанія именъ и словъ, вообще всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя—свойственны книгамъ философовъ и софистовъ⁶⁾). Необыкновенный успѣхъ

¹⁾ Migne: LI, 87. 88.

²⁾ Homil. in Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

³⁾ In Matthaeum Hom. I, 4 (M. LVII, 18).

⁴⁾ Migne: LVI, 274.

⁵⁾ In Matthaeuni; hom. I, 5 (M. LVII, 19).

⁶⁾ In Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

св. писаний, въ связи съ возвышенностью изложенныхъ въ нихъ догматовъ вѣры и превосходствомъ правиль жизни, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что души писателей и проповѣдниковъ были исполнены Духа и Божественной благодати ¹⁾. Непрерывная божественная сила, непобѣдимая крѣпость догматовъ, сочетаніе безчисленныхъ тайнъ разлиты въ богоизбраненныхъ писанияхъ ²⁾. Все это могла произвести, совершивъ только божественная сила ³⁾. Когда человѣкъ необразованный, некнижный, какъ напр., евангелистъ Иоаннъ, возвѣщаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, то уже одно это является великимъ чудомъ. А если сюда присоединить другое важнѣйшее доказательство богоизбранности его словъ, что онъ убѣждаетъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время, то кто не подивится силѣ, обитающей въ немъ? ⁴⁾.

Вторымъ важнѣйшимъ признакомъ божественного происхожденія св. книгъ служить точное *исполненіе содержащихся въ нихъ предсказаний и пророчествъ*. Здѣсь Златоустъ видитъ несомнѣнно доказательство того, что св. писатели были богоизбраны, не говорили ничего отъ себя, но все по вдохновенію божественной и пренебесной благодати, что поэтому, и все Писаніе божественно ⁵⁾.

Для подтвержденія своей мысли Златоустъ пользуется пророчествами трехъ видовъ: одни пророчества *исполнились еще въ Ветхомъ*, другія—*въ Повомъ*, третьи—изречены Самимъ Христомъ и *исполняются въ исторіи св. Церкви*.

Изъ пророчествъ первого вида св. отецъ Церкви особенно отмѣчаетъ тѣ, въ которыхъ съ точностью предуказаны мѣсто, время и видъ *четырехъ тяжелыхъ рабствъ*, которые пережили въ своей исторіи іudeи ⁶⁾. Еще патріарху Аврааму было предсказано рабство египетскаго (ср. Быт. XV, 13, 14, 16). Фактическое во всѣхъ подробностяхъ описание его сдѣлано у Моисея (Исх. V, 16 и др.) ⁷⁾. Рабство вави-

¹⁾ In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

²⁾ Hom. in Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

³⁾ Hom. in Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

⁴⁾ Homil. in Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

⁵⁾ Expos. in. psalm. IV, 11 (M. LV, 57).

⁶⁾ Adversus iudeos et gentiles demonstratio. V, 5 (M. XLVIII, 891).

⁷⁾ Ibidem.

лонское по мѣсту и по числу лѣтъ предызображеніо пророкомъ Іереміей (XXIX, 10. 14), а удостовѣрено пророкомъ Даніиломъ, какъ очевидцемъ (IX, 2. 3 и др.)¹⁾. О третьемъ рабствѣ, когда оно будетъ, какъ и отчего произойдетъ, какимъ образомъ, въ какое время кончится, на что перемѣнится, съ точностью до одного дня, предсказано у Даніила (VIII, 2—5. 6. 7. 8—12; XII, 9, 10 и др.)²⁾. Достовѣрное изображеніе этого рабства, бывшаго въ правлениѣ Антиоха Епифана, дастъ Іосифъ Флавій въ его трогательномъ описаніи бѣдствій еврейскаго народа³⁾. Тотъ же пророкъ Даніилъ предсказалъ иго римское, взятіе Іерусалима, опустошеніе храма римлянами и пр. (IX, 25—27)⁴⁾. Богъ, говорить Флавій, показалъ все это Даніилу, а онъ записалъ и оставилъ намъ, чтобы мы, читая его пророчества и видя исполненіе ихъ, дивились той чести, какой Богъ удостоилъ Даніила⁵⁾. Пророкъ предсказалъ именно запустѣніе іудейскаго святилища „до скончанія времепи“ (Дан. IX. 26—27)⁶⁾. Неудачная попытка іудеевъ, при возстановленіи храма въ правлениѣ Юліана-Отступника, является блестящимъ подтвержденіемъ богоизбѣжности пророчества. „Свидѣтели этого, говоритъ Златоустъ, всѣ мы, такъ какъ это случилось при насъ, не такъ давно“⁷⁾. Такого рода факты доказываютъ богоизбѣжность св. книгъ, силу Божіихъ опредѣленій, могущественное дѣйствіе словъ Божіихъ⁸⁾.

Изъ пророчествъ, нашедшихъ себѣ исполненіе въ Новомъ Завѣтѣ, важны пророчества мессіанскія. Въ нихъ ясно предсказаны вочековѣченіе Бога, рожденіе Спасителя отъ Дѣвы, изъ дома Давида, въ городѣ Виолеемѣ, послѣ потери власти іудейскими правителями (ср. Вар. III, 36—38; Иса. VII, 14; XI, 1, 3; Мих. V, 2; Быт. XLIX, 10—12)⁹⁾. Точно описанъ и самый образъ пришествія Христа, что Онъ явится,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Adver. iudeos. et gentiles demon. V, 5—7 (M. XLVIII, 892—894).

³⁾ Ibidem. V, 8 (M. XLVIII, 896); cp. Ios. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X; cap. XI; n. 7.

⁴⁾ Ibidem: V, 9. 10 (M. XLVIII, 898. 899).

⁵⁾ Справ. Ios. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X: cap. XI, 7.

⁶⁾ Ibid. V 10 (col. 899).

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibidem. Imit. 2. 3 (M. XLVIII, 815—817).

не посылая грома и молний, не колебля землю, не потрясая неба, что родится въ неизвѣстности, будетъ обитать въ домѣ древодѣла, бѣдномъ и неизвѣстномъ (Іс. LXXXI, 6: Иса. XLII, 3. 4) ¹⁾. Испѣленіе хромыхъ, врачеваніе слѣпыхъ и нѣмыхъ, успѣхъ проповѣди, торжественный входъ въ Іерусалимъ, предательство Іуды, безстыдныя совѣщанія враговъ, судъ, исполненный беззаконія, образъ смерти Господа, успѣхъ проповѣди о Распятомъ и побѣда ея надъ вселенной, отверженіе іудеевъ и обращеніе язычниковъ,—все это было предначертано боговдохновенными пророками и нашло для себя полное осуществлѣніе и оправданіе въ Новомъ Завѣтѣ ²⁾. Послѣ пророчествъ, сказанныхъ за столь долгое время, послѣ событий, совершившихся согласно съ предсказаніями, не должно быть мѣста певѣрію. Если же, имъя у себя св. книги пророковъ, люди не вѣруютъ, то это—вина не Того, Кому не вѣруютъ, а тѣхъ, которые даже среди дня ничего не видятъ. Богъ создалъ также и видимый міръ, этотъ прекрасно настроенный органъ, который повсюду проповѣдуетъ и прославляетъ Создателя. Однако, одни почитаютъ все образовавшися само собою, другіе производятъ все видимое отъ вѣчности, иные, наконецъ, приписываютъ сотвореніе и сохраненіе мира случаю, судьбѣ, естественному развитію и т. п. ³⁾.

Пророчества Сынаго Христа отличаются болѣшою ясностью. Блистая яснѣе солнца, свѣтлѣе солнечныхъ лучей, эти пророчества находятся предъ взорами всѣхъ людей ⁴⁾. Одни изъ этихъ пророчествъ исполняются уже въ настоящей жизни, другія сбудутся при самой кончицѣ міра. Взаимно подкрѣпляясь, они доказываютъ съ великою силою свою достовѣрность ⁵⁾. Боговдохновенность собственно новозавѣтныхъ книгъ доказывается главнымъ образомъ пророчествами перваго рода. Изъ нихъ Златоустъ избираетъ и подвергаетъ разбору два пророчества: о неодолимости всемирной Христовой Церкви (ср. Мате. XVI, 18) и о разрушеніи Іерусалима съ его храмомъ (XXIV, 12 и др.).

¹⁾ Ibidem. V, 3 (M. XLVIII, 816).

²⁾ Ibidem. 4. 11 (M. XLVIII, 818—829).

³⁾ Adver. iudeos et gentiles demonstratio. П. 11 (M. XLVIII, 828).

⁴⁾ Ibid. 16 (col. 834).

⁵⁾ Ibidem. 12 (M. XLVIII, 829. 830).

Изреченіе Господа касательно устроенія Своей Церкви во вселенной отличается краткостью. Зато оно блистательно оправдано дѣлами. Какъ дымъ, разсѣяны языческие жертвеники, капища, идолы, ихъ службы, безчинныя празднества и повсюду воздвигнуты алтари истиинному Богу: въ странѣ римской, въ Персіи, Скиѳіи, Мавританіи, Индіи. Даже на бриганскихъ островахъ, лежащихъ за предѣлами моря, въ самомъ океанѣ, воздвигнуты алтари и церкви: слѣдовательно, и они ощутили на себѣ силу изречения Господня. Не только надъ порочными навыками человѣчества была одержана победа, но и надъ предаціями древнѣйшихъ предковъ, философовъ и риторовъ. Свою Церковь, простертую по всей вселенной, Христостъ устроилъ чрезъ одиннадцать человѣкъ неученыхъ, простыхъ, пе знаяшихъ языковъ, бѣдныхъ, не имѣвшихъ ни отечества, ни богатства, ни тѣлесной силы, ни славы, ни знаменитости предковъ, ни силы слова, ни искусства краснорѣчія, ни преимуществъ учености, чрезъ рыбарей, скинотворцевъ, говорившихъ на языкѣ еврейскомъ, чуждомъ и отличномъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ¹⁾.

Заслуживаетъ, впрочемъ, удивленія не одно только то, что во вселенной сдѣлали эти простые, бѣдные, немногочисленные люди, а также и то, что совершено это былоще во время мира, а при безчисленныхъ нападеніяхъ, воздвигавшихся на нихъ. Проповѣдникамъ Христа предстояла борьба въ каждомъ народѣ, въ каждомъ городѣ, даже въ домѣ. Во время проповѣди они подвергались ежедневной враждѣ, непрерывной борьбѣ, тысячѣ смертей. Обращаясь съ ними, какъ съ общими врагами, всѣ ихъ гнали: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы, города; гнали также и тѣхъ, которые были не крѣпки въ вѣрѣ, принявъ ихъ учение. Такъ какъ самое ученіе казалось противнымъ царскимъ постановленіямъ, привычкѣ и отеческимъ обычаямъ, то поднялась война противъ учениковъ и противъ учителей. Несмотря, однако, на все это, ученіе Христа одержало верхъ надъ вселенной²⁾.

На основаніи этихъ данныхъ Златоустъ приходитъ къ естественному выводу, что пророчества о св. Церкви, изложенные въ св. книгахъ, суть слова Божіи. Дѣйствуя силь-

¹⁾ Ibidem. 12 (M. XLVII, 830).

²⁾ Ibidem. 13 (M. XLVIII, 831).

иже огая, именно слово Христа истребило тернія язычества, очистило пивы, посъяло евангельское учение¹⁾. Слѣдовательно, эти пророчества доказываютъ истинность Бога²⁾.

Исполнилось и другое предсказаніе Христа о разрушениіи и запустѣніи храма іерусалимскаго (Мате. XXIV, 2). Нѣкогда этотъ храмъ блисталъ множествомъ золота, красотою и великолѣпіемъ зданій, содержалъ всевозможныя драгоцѣнности искусственныя и вещественныя. Сюда со всѣхъ предѣловъ земли издревле приносили іудеи дары, жертвы, милостины, богатства вселенной. Теперь этотъ храмъ не только уничтоженъ словомъ Христа, истребленъ, разсѣянъ, какъ прахъ, но не могъ быть и возстановленнымъ. Когда императоръ Юліанъ далъ іудеямъ позволеніе возстановить храмъ, то они приступили къ дѣлу, но не могли имѣть никакого успѣха, такъ какъ вырвавшійся огонь разогналъ строителей. Въ этомъ случаѣ іудеямъ противодѣйствовало изреченіе Христа, оказывала препятствіе божественная сила. По этой причинѣ и на будущее время нѣтъ ни надежды, ни вѣроятности возстановленія храма, несмотря на несчетныя богатства, смѣлость, настойчивость, дерзость и многочисленность еврейского народа³⁾.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ боговдохновенности Библіи служитъ, далѣе, благотворное, возрождающе дѣйствіе на души людей содержащагося въ ней слова Божія (=testimonium Spiritus Sancti).

Со свойственною Златоусту силою выразительности, воодушевленія и краснорѣчія, описываетъ онъ муччее дѣйствіе чтенія и слушанія слова Божія на людей. Даже, если человѣкъ и не понимаетъ всего, содержащагося въ св. книгахъ, отъ одного чтенія ихъ бываетъ великое освященіе. Однако, невозможно, чтобы читатель одинаково не понималъ всего. Благодать Духа устроила такъ, что св. книги сложили мытари, рыбари, скинотворцы, пастыри овецъ и козъ, люди простые, неученые. По этой причинѣ всѣмъ можетъ быть удобопонятно то, что говорится въ св. книгахъ: ремесленникъ, слуга, вдовая женщина, необразованнѣйший изъ всѣхъ людей одинаково могутъ получать пользу, назиданіе

¹⁾ Ibidem: 13 (M. XLVIII, 831)

²⁾ Ibidem: 15 (XLVIII, 833).

³⁾ Ibidem: XLVIII; n. 834. 835.

отъ слушанія ихъ¹⁾). Чтеніе божественныхъ Писаній есть лучъ духовный, рай сладости, превосходнѣйший первобытнаго рая. Первобытный рай былъ насажденъ Богомъ на землѣ; рай Писаній, напротивъ, въ душахъ вѣрующихъ. Тотъ рай находился въ Эдемѣ и ограниченъ былъ однимъ мѣстомъ на востокѣ; этотъ—распространенъ по всей землѣ, до предѣловъ вселенной (Пс. XVIII, 5). Въ этомъ обширномъ раю нѣть змія, такъ какъ онъ—огражденъ благодатию Духа. Какъ Эдемъ, рай св. писаній имѣеть источникъ, но изъ этого источника вытекаетъ не четыре, а множество рѣкъ. Не Тигръ, не Евфратъ, не египетскій Нилъ, не индійскій Гангъ, но безчисленное множество рѣкъ изливаетъ этотъ источникъ (ср. Ioan. VII, 38). Удивителенъ этотъ источникъ также и по своей природѣ, такъ какъ въ немъ—не потоки воды, а дары Духа: въ каждую душу вѣрующихъ отдаляется онъ и не уменьшается; раздѣляется и не истощается; распредѣляется и не убавляется; во всѣхъ и каждомъ находится всецѣло²⁾). Внимательно читая слово Божіе, душа какъ бы вступаетъ въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, потому что съ нею чрезъ писанія бѣсѣдуетъ Богъ³⁾). Сухая земля, никѣмъ не поливаемая, изобилуетъ терніемъ и волчками, а воздѣлываемая руками земледѣльцевъ цвѣтеть, красуется и приносить много плодовъ. Такъ бываетъ и съ человѣческою душою: орошаемая божественными вѣщеніями св. писателей, она цвѣтеть, красуется, приносить обильные плоды духа. Напротивъ, оставленная въ засухѣ и пренебреженіи, рѣдко получающая такое орошеніе, она пустѣеть, зарастаетъ травою, производить множество грѣховнаго тернія⁴⁾). При краткости изреченій Св. Писанія, велика ихъ сила. Не по количеству своему, а по природѣ издаются благовоніе ароматы. Такъ и божественные Писанія доставляютъ намъ всякую пользу не множествомъ словъ, а силою своего содержанія. Самъ по себѣ, по свойству своему благовоненъ—ароматъ, но брошенный на огонь, онъ обнаруживаетъ всю свою пріятность. Точно также и божественное Писаніе, весьма пріятное само по себѣ, когда про-

¹⁾ Hom. de Lazarо; III, 2 (XLVIII, 994).

²⁾ De utilitate lection. Scripturac Sanct. 1 (M. LI. 87. 88).

³⁾ Homil. de Lazar. III, 2 (M. XLVIII, 994).

⁴⁾ Contra Anomaeos; XII, 5 (M. XLVIII, 811).

никнетъ въ нашу душу, то наполняеть, какъ бы попавъ въ кадильницу, весь домъ своимъ благовониемъ¹⁾). Чрезъ чтение Св. Писанія душа окрыляется, дѣлается возвышенною, такъ какъ озаряется свѣтомъ Солнца правды²⁾). Если дерево посажено при источникахъ водъ, то оно получаетъ постоянное орошеніе, находится въ безопасности отъ всякой неблагопріятной погоды, не боится пламеныхъ лучей, не страшится сухого воздуха, имѣя достаточную влажность внутри себя. Такъ и душа, стоящая при потокахъ божественныхъ писаній и напояемая ими постоянно, собирая въ себѣ самой струи и росу Духа, бываетъ безопасна отъ всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ³⁾). Если обыкновенное увѣщаніе посредствомъ простого слова сильно дѣйствуетъ на людей, то гораздо большее дѣйствіе оказываютъ увѣщанія, сопровождаемыя дѣйствіемъ Духа. Слово, произнесенное отъ божественного Писанія, сильнѣе огня умягчаетъ ожесточенную душу и дѣлаетъ ее способною на все прекрасное⁴⁾.

Дѣйствіе Св. Писанія *на человѣческое сердце*—необыкновенно. Какая бы болѣзнь, порицаніе, клевета, злословіе, насмѣшки ни нападали, какія бы бѣдствія вселенной не обрушивались на человѣческую душу, она можетъ найти достаточное утѣшеніе въ чтеніи писаній. Ни величие славы, ни высота власти, ни присутствіе друзей,—ничто вообще изъ человѣческихъ вещей не можетъ утѣшать въ скорби такъ, какъ чтеніе божественныхъ писаній. Тѣ вещи—тлѣны и скоропреходящи, почему и утѣшеніе отъ нихъ скоропреходящее. Чтеніе же Писаній есть собесѣданіе съ Богомъ. А когда человѣка, находящагося въ скорби, утѣшаетъ Богъ, то никакое изъ настоящихъ обстоятельствъ не можетъ повергнуть его въ уныніе⁵⁾). Для большей ясности своей мысли Златоустъ пользуется наглядными сравненіями. Пріятель—лугъ, пріятенъ—садъ. Но чтеніе божественныхъ писаній—гораздо пріятнѣе. На лугахъ и въ садахъ люди видятъ увяддающіе цветы, въ Св. Писаніяхъ—находятъ цвѣтущія мысли. Тамъ—дыханіе зефира, здѣсь—вѣяніе Духа; тамъ удоволь-

¹⁾ De verbis apostol; II Timoph. Ш. I (M. LVII, 273.274).

²⁾ Expos. in Genes. cap. IX. Homil. XXIX, 2 (LIII, 262).

³⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2 (LI, 89).

⁴⁾ In Matthaeum. Hom. II, 6 (LVII, 31).

⁵⁾ De utilit. lection. Scriptur. 2 (M. LI, 89. 90).

ествіе отъ зрења, здѣсь польза отъ чтенія. Садѣ подчиненъ перемѣнамъ временъ года, а писанія зимою и лѣтомъ укращены листьями, обременены плодами. Удаляя унынѣ, слово Божіе доставляетъ удовольствіе, истребляетъ злобу, укореняетъ добротель, не допускаетъ людямъ бѣствовать въ вихрѣ заботъ, подобно пловцамъ, обуреваемымъ волнами. Въ то же время, когда бушуетъ море жизни, человѣкъ, внимающій Писанію, плыветъ въ тишинѣ. Чтеніе Писанія служить для него кормчимъ, и его каната не расторгаетъ искушеніе обстоятельствъ¹⁾. Ничто изъ житейскаго не дѣлаетъ человѣческую жизнь беспечальною, даже царскій сань: у царей столько поводовъ къ печали, сколько въ морѣ волнъ. Наоборотъ, изреченіе св. цисателей, напр. ап. Павла (ср. Филип. IV, 4), притомъ краткое и малое, откроетъ памъ это сокровище²⁾. Здѣсь не нужно множество словъ, не потребуется продолжительного разглагольствованія: только размыслимъ о данномъ изречениѣ и найдемъ путь, ведущій къ истинной радости. Вообще же всякое изъясненіе Св. Писанія доставляетъ слушателямъ и читателямъ утѣшеніе и ободреніе. Не только нравоучительные, но и исторические рассказы Библіи сообщаютъ утѣшеніе скорбящимъ человѣческимъ душамъ. Примѣромъ служить библейское повѣствованіе о твореніи міра (Быт. I, I и сл.). Когда слышишь, что небо, землю, море, воздухъ, воды, множество звѣздъ, два свѣтила великия, растснія, животныхъ четвероногихъ, плавающихъ и летающихъ, вообще все видимое создалъ Богъ для человѣка, для спасенія и славы его, что столь прекрасный, великий и чудный міръ призванъ къ бытію для человѣка, столь малаго, то тотчасъ получишь достаточное утѣшеніе³⁾. Человѣкъ, постоянно стоящій на скалѣ, смотрится надъ волнами. Такъ и человѣкъ, орошаемый божественными изреченіями, утвердивъ себя какъ бы на скалѣ правильнаго сужденія о вещахъ, не увлечется ничѣмъ человѣческимъ, становится выше напора житейскихъ дѣлъ, получаетъ великую пользу и душевное утѣшеніе⁴⁾. Такое ободряющее и укрепляющее дѣйствіе слова Божія на человѣческое сердце

¹⁾ Homil. de capto Eutropio et de divitiarum vanitate, I (LII, 396, 397).

²⁾ De statuis ad popul. Antiochenum: XVIII, 2 (XLIX, 182).

³⁾ Ibidem. Hom. VII, 2 (XLIX, 93).

⁴⁾ Homil. de 5. martyr. Lucian. I (M. L, 522).

обнаруживается во всѣхъ обстоятельствахъ жизни людей. Чтеніе божественного Писанія ободряетъ, оживляетъ скорбящія, одержимыя печалью души, уничтожаетъ силу и жаръ скорби, доставляетъ людямъ великое утѣшеніе не только въ потерѣ имущества, не только въ утратѣ дѣтей или въ другомъ подобномъ несчастыи, но и въ грѣховныхъ искушенияхъ. Когда падаетъ человѣкъ, пойманный и низринутый грѣхомъ, когда потомъ его начпеть угрывать совѣсть, то часто онъ, постоянно вспоминая о грѣхѣ, подавляется чрезмѣрною печалью, каждый день горить въ огнѣ и не получаетъ утѣшія, несмотря на множество утѣшителей. Но войдя въ церковь и услышавъ, что многіе изъ святыхъ послѣ паденія возстали и снова вошли въ прежнюю славу, непримѣтно получаетъ утѣшеніе. Паденія праведныхъ для того и описаны въ Библіи, чтобы какъ добродѣтельные люди, такъ и грѣшники получали отъ нихъ величайшую пользу. Видя, что другой галъ и однако могъ опять восстать, грѣшникъ не приходитъ въ отчаяніе и безнадежность. Добродѣтельный же будетъ ревностнѣе, благонадежнѣе, будетъ всегда бдителенъ и покажетъ великую внимательность къ себѣ самому, когда увидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые гораздо лучше его, пали. Когда нась утѣшаетъ въ печали человѣкъ, мы утѣшаемся только повидимому, только на пѣсколько времени, а затѣмъ опять впадаемъ въ прежнюю печаль. Напротивъ, когда примѣромъ другихъ согрѣшившихъ, покаявшихся, спасшихся, Богъ враузмляетъ нась, тогда Онъ дѣлаетъ явною для нась Свою благость, и мы, получая вѣрное и надежное утѣшеніе, не сомнѣваемся уже въ своемъ спасеніи¹⁾. Вообщее великое утѣшеніе и назиданіе получаемъ мы отъ событій, повѣствуемыхъ въ писаніяхъ. По этой причинѣ ап. Павелъ и говоритъ: „утѣшениемъ изъ писаній сокращаемъ надежду“ (Рим. XV, 4) ²⁾.

Многократно и разнообразно описываетъ Златоустъ возрождающее дѣйствіе богодохновенного Писанія *на человѣческую волю*. Одного чтенія словъ Писанія иногда достаточно для очищенія всякой гнилости грѣха. А чѣмъ далѣе человѣкъ внимаетъ этимъ словамъ, тѣмъ болѣе будетъ очищаться гной. Какъ огонь, чѣмъ сильнѣе объемлетъ золото, тѣмъ

¹⁾ De poenitentia; IV, 1 (M. XLIX, 299. 300).

²⁾ In psalm. CXLI, 4. (M. LV, 453).

болѣе истребляетъ ржавчину, такъ и слава богодохновен-
наго Писанія, чѣмъ глубже проникаютъ въ душу, тѣмъ бо-
лѣе очищаются грѣхъ¹⁾). Чрезъ чтеніе писаній душа вво-
дится какъ бы въ нѣкоторую спокойную и безмятежную при-
стань. Упражненіе въ божественныхъ писаніяхъ есть неру-
шимая стѣна, непоколебимая крѣпость, неотъемлемая слава,
несокрушимое оружіе, невозумитое благополучіе, постоян-
ное удовольствіе и всякое добро, какое только можно пред-
ставить. Прогоняя уныніе, сохраняя благодушіе, слово Божіе
бѣднаго дѣлаетъ богаче богатыхъ, людямъ богатымъ доста-
вляетъ безопасность, дѣлаетъ праведнымъ грѣшника, правед-
наго поставляетъ въ безопаснѣмъ убѣжищѣ, исторгаетъ су-
ществующее зло, насаждаетъ несуществующее добро, прого-
няетъ злобу, возвращаетъ къ добродѣти и не только воз-
вращасть, но и укореняетъ ее и дѣластъ постоянною, со-
ставляя духовное врачество и нѣкоторую божественную и
неизреченную пѣснь, умерщвляющую страсти²⁾). Говоря о
Св. Писаніи, какъ врачевствѣ противъ страстей и грѣховъ,
Златоустъ по обыкновенію прибѣгаєтъ къ сравненію. Люди,
сидящіе при источникѣ, наслаждающіеся его прохладою, при-
наступленіи жара, устраниютъ этотъ удушливый жаръ пото-
ками, легко облегчаютъ и мученіе, если беспокоить ихъ
жажда. Такъ и человѣкъ, находящійся при источнике боже-
ственныхъ писаній, если почувствуетъ беспокоюющій его пла-
мень непристойной похоти, легко потушить его, погрузивъ
душу въ эти воды. Отъ всѣхъ порочныхъ помысловъ, какъ
бы изъ среды пламени, избавлять душу чтеніе божествен-
ныхъ писаній³⁾). Никто не можетъ спастись, если не упраж-
няется въ духовномъ чтеніи, въ чтеніи божественныхъ писаній.
Но и то еще хорошо, если мы успѣемъ когда-либо
спастись, непрестанно пользуясь этимъ врачевствомъ. такъ
какъ мы каждый день получаемъ раны. Мастерамъ мѣдныхъ,
золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ орудіями ремесла служать
молотъ, наковалня и клещи. Для христіанъ орудіями спа-
сенія служать апостольскія, пророческія книги и вообще все
Писаніе богодохновенное и полезное (2 Тим. III, 16). Какъ
мастера своими орудіями обдѣлываютъ всякие сосуды, за ка-

¹⁾ De poenitentia VI; num. 3 (M. XLIX, 317).

²⁾ In psalm. XVIII, 17; n. I (M. LV, 513).

³⁾ De utilit. lection. Scriptur I (M. LI, 89)

кіе берутся, такъ и мы этими пособіями устроимъ нашу душу, исправляемъ разстроившуюся, обновляемъ обветшавшую. Какъ хранящіяся въ какомъ-либо домѣ царскія оружія доставляютъ великую защиту жителямъ, потому что злодѣи не осмѣливаются напасть на этотъ домъ, такъ прогоняется всякая злая сила оттуда, гдѣ находятся духовныя книги, и живущимъ тамъ вызываетъ великое назиданіе въ добродѣтели. Даже одинъ видъ такихъ книгъ дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха. Когда мы осмѣливаемся совершить что-либо запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратясь домой и взглянувъ на эти книги, мы болѣе осуждаемъ себя въ совѣсти, дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Если же, напротивъ, будемъ жить благочестиво, то получимъ оттуда еще большую пользу¹⁾.

Вообщее, по учению Иоанна Златоуста, въ Св. Писаніи предложена дивная лѣчебница, лѣчебница не для тѣлъ, а для душъ. Она—духовна и исцѣляетъ не тѣлесныя раны, а грѣхи душевные. Врачевство ея составлено не изъ земныхъ растеній, а изъ небесныхъ глаголовъ. Не руки врачей подготовили его, а уста пророковъ²⁾. Весьма выразительно обозначасть Златоустъ высокія преимущества врачебнаго дѣйствія слова Божія. Врачевство его—всегда действително, не ослабѣвая отъ продолжительности времени, и не теряя силы отъ упорства болѣзней. Лѣкарства врачей, по прошествіи продолжительного времени, становятся слабыми, подобно состарившимся тѣламъ, а упорство болѣзней часто лишаетъ лѣкарства силы: это—лѣкарства человѣческія. Не таково—врачевство божественное. Съ того времени, какъ жилъ, Мойсей (такъ какъ отъ него—начало писаній), оно уврачевало столько людей, не потеряло своей силы, и никакая болѣзнь никогда не лѣлала его недѣйствительнымъ! Въ земныхъ лѣчебницахъ, гдѣ нужно платить деньги, получаетъ нерѣдко пользу только богатый. А бѣдный, за недостаткомъ средствъ для приобрѣтенія лѣкарствъ часто уходитъ, не получивъ пользы. Въ небесной лѣчебницѣ не нужно тратить серебра, а должно только показать вѣру и желаніе. А такъ какъ они суть плата за врачевство, то больше всего получаетъ пользы тотъ, кто принесъ ихъ съ усердіемъ. Богатый и

¹⁾ De Lazaro III, 2 (M. XLVIII, 993, 994).

²⁾ Migne. LI, 354

бѣдный здѣсь одинаково—участвуютъ въ пользу. Лучше сказать: бѣдный часто уходитъ, получивъ большую пользу, чѣмъ богатый. Занятый многими заботами, надменный гордостью, преданный лѣнности и беспечности, богатый принимаетъ врачевство слушанія писаній не съ большою ревностью и усердіемъ. А бѣдный, свободный отъ доскоши, невоздержанія и беспечности, употребляющій все время на праведные труды, пріобрѣтающій отъ этого въ душѣ великое любомудріе, болѣе внимателенъ и усерденъ къ сказанному¹⁾. Такое значеніе слова Божія, касающееся врачающаго средства противъ грѣховъ и страстей, весьма важно и велико. Великъ—плодъ отъ писаній, значительна—польза отъ нихъ (Рим. XV, 4). Слово божественное есть сокровищница всякаго рода врачествъ. Всякій можетъ найти здѣсь помощь, нужно ли смирить надменность, обуздать похоть, подавить пристрастіе къ деньгамъ, преодолѣть скорбь, внушить благодушіе или расположить къ терпѣнію²⁾. Предается ли кто гнѣву, неизрѣнно найдетъ врачевство въ поученіяхъ писаній, гдѣ говорится, что самое движение гнѣва есть паденіе для человѣка (Сир. I, 22) и др., или въ повѣствованіяхъ писаній о гибели, отъ гнѣва фараона и царя ассирийскаго (ср. Исх. XIV, 5; Цар. XIX, 35) и др. Одержимъ ли кто сребролюбiemъ,—пусть послушаетъ, что нѣтъ ничего беззаконнѣе лихоміца. (Сир. XIV, 1—10) или прочтетъ повѣствованія о Гїзайѣ, Іудѣ, старѣйшинахъ-книжникахъ и проч. Гордится ли кто,—пусть послушаетъ, что Богъ гордымъ противится (Прит. III, 34), что начало гордости—грѣхъ (Сир. X, 14), и т. д.³⁾. Хотя бы постигли человѣка безчисленныя бѣдствія, онъ все перенесетъ легко, получивъ изъ божественныхъ писаній достаточное побужденіе къ терпѣнію и любомудрію⁴⁾. Нигдѣ такъ успѣшно не развивается духовная красота, какъ въ томъ дивномъ и божественномъ мѣстѣ, гдѣ апостолы и пророки смыгаютъ, исправляютъ, стираютъ старость грѣха, наводятъ цвѣтъ юности, уничтожаютъ всякое пятно, всякий порокъ, всякую скверну души нашей (Ефес. V, 27)⁵⁾.

¹⁾ Ibidem. col. 355.

²⁾ In Ioann XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

³⁾ In Acta apostolorum; hom. XXIX, 4 (M. LX, 219).

⁴⁾ De s. martyr. Luciano; 1 (M. L, 522).

⁵⁾ Contr. Anom. XII, 5 (XLVIII, 812).

Съ неменышею силою убѣжденія и краснорѣчія говорить Златоустъ о дѣйствіи слова Божія на умъ читателей. При одномъ только взглядѣ на евангеліе, тотчасъ благоустроется умъ, отрѣшась отъ всего житейскаго ¹⁾). Какъ ниша ду ховная, св. писаніе укрѣпляетъ умъ, дѣлаетъ душу человѣка сильною, твердою, мудрою, какъ бы возносить ее на самое небо ²⁾). Чтеніе Бібліи Златоустъ сравниваетъ съ пріобрѣтеніемъ сокровища. Какъ человѣкъ получаетъ изъ сокровищницы великое богатство, хотя бы заимствовалъ изъ нея малую частицу, такъ и читатель божественнаго писанія даже въ его краткомъ выражениіи находитъ полноту мысли ³⁾). Нельзя пренебрегать даже такими мыслями св. писаній, которые почитаются маловажными. Благодать Духа немногими словами внушиаетъ любомудріе всѣмъ, кто ей внимаетъ: часто даже въ одномъ только изрѣчении слова Божія по даются средства на весь путь жизни ⁴⁾). Неисчерпаемая глубина мысли, по учению Златоуста, есть одно изъ существенныхъ свойствъ писанія. Чѣмъ болѣе проникаетъ въ его глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать божественные мысли, Это—источникъ, неизсякающей ⁵⁾). Самыя доказательства писаній отличаются ясностью и убѣдительностію (*ἀπ' ἀὐτῶν πα-ραστήσομαι τὸν Γραφῶν ταφῆ τὴν ἀπόδειξιν* ⁶⁾). Доказанное простыми умственными соображеніями, хотя бы было истиною, не доставляетъ душѣ такого полнаго убѣжденія и достаточной увѣренности, какъ то, что основано на словѣ Божіемъ ⁷⁾). Не слушающій писаній ис послушасть и воскресшихъ изъ мертвыхъ ⁸⁾). Слѣдовательно, знаніе писаній болѣе могучее, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Не столько имѣеть значенія воскресеніе мертвыхъ, сколько чтеніе Писаній ⁹⁾). Даже чтеніе Писанія безъ толкованія—благотворно и дѣйственно. Тотъ, кто постоянно читаетъ божественные писанія и стоитъ,

¹⁾ De Laz. III, 2 (XLVIII, 994).

²⁾ In Genesin; hom. XXIX; n. 2 (M. LIII, 262).

³⁾ In Senesin cap. I; hom. III, 1 (M. LIII, 32).

⁴⁾ De statuis ad populum Antiochenum; hom. I, 1 (XLIX, 18).

⁵⁾ De Lazaro; hom. IV, 1 (M. XLVIII, 1007).

⁶⁾ De Lazarо: IV, 5 (M. XLVIII, 1013).

⁷⁾ Contr. anom. XI, 1 (M. XLVIII, 797).

⁸⁾ De Lazar. IV, 2 (M. XLVIII, 1009).

⁹⁾ Hom. in diem memoriae martyrum. 4 (LII, 833).

какъ бы при его погокахъ, хотя бы не имѣль никакого толкователя, пріобрѣтаетъ себѣ великую пользу постояннымъ чтенiemъ, какъ бы вѣкоторыми корнями¹⁾.

Гдѣ же находится источникъ, гдѣ—причина того, что Библія оказываетъ высоко облагораживающее, возрождающее, освящающее дѣйствіе на души, сердце, волю и умъ своихъ читателей?

Источникъ этого—въ ея богодохновенности. Въ обыкновенныхъ книгахъ дѣйствіе словъ происходитъ отъ человѣческой мысли; въ св. писаніи—отъ силы и благодати Духа (*ἐκείνη μὲν, γὰρ αὐθερψίης ἐστὶ διανοίας, αὕτη δὲ τῆς τοῦ Πνεύματος δυνάμεως καὶ τῆς χάριτος*²⁾). Если въ Библіи можно найти великое сокровище даже въ одномъ слогѣ, то причина этого—очевидна. Въ ней содержатся не простыя слова, а слова Духа Святаго³⁾. Именно потому въ божественномъ писаніи ничего не сказано безъ цѣли, что все изречено Духомъ Святымъ⁴⁾. Даже мысли, кажущіяся маловажными, происходять отъ благодати Духа. А благодать Духа никогда не бываетъ малой и скучной, но великой, удивительной, достойной щедрости Давшаго. Часто достаточно взять изъ Библіи одно только изреченіе, чтобы имѣть средства на весь путь жизни⁵⁾. Именно какъ изліяніе безконечно совершенного Духа Божія, какъ слово Духа Святаго, св. Писаніе заключаетъ въ себѣ безпредѣльное море мыслей, несказанно богатое сокровище любомуудрія⁶⁾. Источникъ писанія удивителенъ по своей природѣ, потому что въ немъ не потоки воды, а дары Духа⁷⁾. Если слово, произнесенное отъ божественного писанія, умягчаетъ человѣческую душу сильнѣе огня, дѣлаетъ ее способною на все прекрасное, то причина этого—въ богодохновенности:увѣщанія отъ писанія сопровождаются дѣйствіемъ Духа⁸⁾. Здѣсь же имѣть основаніе и то, что сокровищница слова Божія никогда не исто-

¹⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2. (M. L, 90).

²⁾ In Ioann. III, 1 (M. LIX, 38).

³⁾ In Senes XV, 1 (M. LIII, 119).

⁴⁾ In Ioann. LI, 3 (M. LIX, 295).

⁵⁾ De statuis; ad popul. antiochen. I, 1 (XLIX, 18).

⁶⁾ In Senes XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; hom. XV 1; cap. II (LIII, 119) и др.

⁷⁾ De utilit. lection. Scriptur. I (M. L, 87, 88).

⁸⁾ In Matth. hom. II, 6 (M. LVII, 31).

щается, не оскудеваетъ. Источникъ Духа Святаго обильно изливаетъ ее ¹⁾. Слѣдовательно, писаніе есть произведеніе Бога, хотя и написано чрезъ людей.

II.

Будучи написана по вдохновенію Духа Святаго, Библія имѣть въ планѣ божественнаго домостроительства определенную цѣль.

Первобытное человѣчество не имѣло Библіи. Если бы Богъ съ самаго начала сталъ учить людей посредствомъ книгъ и письменъ, то познающій грамотѣ, безъ сторонняго наставленія, не получилъ бы никакой пользы. Съ другой стороны, если богатый купилъ бы книгу, то бѣдный не могъ бы ее пріобрѣсть. Кромѣ того, содержаніе книгъ могло быть доступно только человѣку, знающему языкъ, на которомъ они написаны. Скиѳъ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, какъ незнакомые съ языкомъ св. книгъ, не узнали бы ничего. Напротивъ, въ книгу природы можетъ одинаково смотрѣть простой человѣкъ и мудрецъ, бѣдный и богатый. „Небеса повѣдаютъ славу Божію“ (пс. LVIII, 1), хотя не имѣютъ голоса, не получили усть, хотя нѣтъ у нихъ языка. Видя красоту, величие, высоту, положеніе, видъ и столь долговременное существованіе ихъ, человѣкъ покланяется Создавшему столь прекрасное, столь чудное тѣло. Молчаливое небо своимъ видомъ издаетъ звукъ громче трубы. Оно научаетъ насъ чрезъ зрѣніе, а не чрезъ слухъ, такъ какъ первое чувство вѣрнѣе и яснѣе по самой природѣ. Познаніе посредствомъ глазъ—одинаково для всѣхъ и не различно, какъ познаніе посредствомъ языковъ. Скиѳъ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, — словомъ, всякий человѣкъ слышитъ голосъ неба, потому что доходитъ онъ до нашего ума не чрезъ уши, но чрезъ чувство зрѣнія ²⁾. Человѣчеству, собственно, не слѣдовало имѣть и нужду въ помощи писанія, а надлежало бы вести столь чистую жизнь, чтобы благодать Духа служила душамъ, вместо книгъ, чтобы сердца были исписаны Духомъ, какъ книги исписаны чернилами. Дѣйствительно, съ Ноемъ, Авраамомъ, его потомками, равно

¹⁾ In Senes. XVI, 1; cap. II (M. LIII, 126).

²⁾ De statutis ad popul. Antioch. IX, 2 (M. XLIX, 105, 106).

какъ съ Іовомъ и Моисеемъ Богъ бесѣдовалъ не чре兹ъ письмена, а непосредственно, потому что ихъ умъ находилъ чистымъ¹⁾. Авраамъ уже потому не могъ пользоваться книгами, что самыхъ письменъ тогда еще не было изобрѣтено. Однако, происходя отъ предковъ—идолопоклонниковъ будучи варваромъ и воспитанъ среди варваровъ, не имѣя никакого учителя въ благочестіи, онъ позналъ Бога и несравненно превзошелъ всѣхъ своихъ потомковъ, хотя они пользовались закономъ и пророками²⁾. Письмена, скрижали и наставленія чре兹ъ нихъ явились уже въ позднѣйшес время, когда весь еврейскій народъ впалъ въ самую глубину нечестія. Таково же—происхожденіе св. письменности и въ Новомъ Завѣтѣ. Богъ не далъ апостоламъ чего-либо писанаго, но, вмѣсто писаній, обѣщалъ даровать благодать Духа, Который напомнить имъ все (Іоан. XIV¹, 26). Апостолъ Павелъ также говоритъ, что онъ получилъ законъ, написанный не на каменныхъ скрижалахъ, а на плотяныхъ скрижалахъ сердца (2 Кор. III, 3). Необходимость въ наставленіи письменномъ опять явилась тогда, когда одни уклонились отъ истиннаго ученія, другіе—отъ чистоты жизни и нравственности³⁾. Слѣдовательно, съ точки зренія Іоанна Златоуста, богодохновенное Писаніе есть необходимая, существенная составная часть исторіи божественнаго Откровенія, такъ что появленіе св. письменности органически—неразрывно соединялось съ этой исторіей, какъ безусловно необходимое звено ея.

Такою связью со божественнымъ Откровеніемъ опредѣляется и цѣль богодохновеннааго Писанія. „Въ божественномъ Писаніи, учить Златоустъ, ничего не сказано безъ цѣли, такъ какъ все изречено Духомъ Святымъ“⁴⁾. Цѣль эта состоять въ исправленіи, возрожденіи, спасеніи человѣческаго рода. „Цѣль обоихъ завѣтовъ—одна: исправленіе людей“⁵⁾. Не для того даны Писанія, чтобы мы имѣли ихъ только въ книгахъ, но чтобы начертывали въ своихъ сердцахъ⁶⁾.

¹⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13).

²⁾ In epist. ad Romanos; XXVI, 4 (LX, 4).

³⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13—14).

⁴⁾ In Ioann hom. L, 1 (LIX, 277).

⁵⁾ M. LVI, 313.

⁶⁾ In Ioann. XXXII, 3 (M. LIX, 187).

Практическая цѣль Библії и проявляется въ томъ, что люди, въ руя божественному Писанію, хранять въ своихъ душахъ здравые догматы и вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ правильную жизнь, такъ что жизни свидѣтельствуетъ о догматахъ и догматы сообщаютъ твердость жизни¹⁾. Св. Писаніе умудряетъ душу, заставляетъ умъ нашъ постоянно обитать въ небесахъ, побуждаетъ съ величайшею ревнностью стремиться къ подвигамъ добродѣтели, твердо полагаться на обѣтованія Божіи и пр.²⁾. Самая объясненія Писанія предлагаются не для того только, чтобы ихъ поняли, но что бы исправлялись нравы³⁾. Нѣтъ ни одного недуга: ни душевнаго, ни тѣлеснаго изъ всѣхъ, обременяющихъ человѣческую природу, который не получалъ бы соотвѣтствующаго врачевства изъ боговдохновенпаго Писанія. Удрученъ ли кто печальными обстоятельствами житейскими, обремененъ ли—крайнею бѣдностью, претерпѣваетъ ли отъ другихъ оскорблениія и клеветы, унываетъ ли, считаетъ ли, наконецъ, самую жизнь невыносимо—всѣ получаютъ въ словѣ Божіемъ достаточное утѣшеніе⁴⁾. Именно для нашего наставленія изложень въ св. Писаніи рядъ сказаний о жизни праведниковъ, какъ бы нѣкакая златая цѣпь⁵⁾. Цвѣтущій лугъ представляеть взорамъ различные и разнообразные цвѣты. Подобнымъ образомъ въ божественномъ Писаніи показаны намъ добродѣтели праведныхъ. Но мы не должны только наслаждаться благоуханіемъ этихъ добродѣтелей, какъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы должны постоянно собирать съ нихъ плоды⁶⁾. Велико, напротивъ, безразсудство тѣхъ, которые, утративъ достоинство чистой жизни, не пользуются врачевствомъ св. Писанія, презираютъ его, какъ излишнее и непужное⁷⁾.

Исправляя и возрождая человѣческія души, боговдохновенное Писаніе существенно содѣйствуетъ высокой цѣли божественного домостроительства спасенія людей. Св. Иоаннъ

1) In Senes. XIII, 4 (M. LIII, 110); in cap. II.

2) In Senes. cap. XIV; hom. XXXV, 1 (M. LIII, 322).

3) De Vet. Testam. obscuritate; hom. II, 7 (M. LVII, 186).

4) In Genes.; cap. IX; hom. XXIX, 1 (M. LIII, 261).

5) Ibidem. cap. XV; h. XXXVI, I. (M. LIII, 332); ep. cap. XIV, XXXV, 8, (LIII, 331).

6) Ibid. cap. XIX; XLIII, 1 (M. LIV, 395).

7) In Matth. I, 1 (M. LVII, 14, 15).

Златоустъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что нельзѧ спастисѧ безъ постояннаго упражненія въ духовномъ чтеніи¹⁾. Изслѣдованіе св. писаній есть путь къ достиженію спасенія²⁾. Каждое обстоятельство, описанное въ божественномъ Писаніи, предано памяти не для чего-либо другого, какъ только для пользы и спасенія человѣческаго³⁾. Черезъ св. писателей для нашего спасенія ниспосланы съ неба божественные законы⁴⁾.

Въ этой общей цѣли заключены частныя, касающіяся *вѣроученія и нравоученія*.

Устами богоизбранныхъ писателей возвѣщены человѣчеству *высшіе догматы вѣры*, принесенные свыше, не имѣющіе въ себѣ ничего человѣческаго⁵⁾, догматы правые⁶⁾, божественные⁷⁾. Всюду, во всѣхъ своихъ частяхъ Библія служить органомъ для распространенія вышаго религіознаго знанія. Такъ пророкъ Моисей въ своей исторіи происхожденія неба и земли сообщаетъ не человѣческіе гаданія или вымыслы, а только дарованное отъ Господа ученіе⁸⁾. Историки богоизбранные ставятъ себѣ цѣлью показать великую премудрость и попеченіе Бога о людяхъ⁹⁾. Пророческія писанія имѣютъ для себя сосредоточеніемъ Лицо Христа, образъ совершеннаго Имъ искупленія людей и распространенія по вселенной царства благодати¹⁰⁾. Цѣлью псалмовъ также служить религіозное наученіе людей, а именно: наставлениe ихъ въ законъ Божіемъ¹¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ св. апостолы также являются прежде всего учителями небесныхъ догматовъ¹²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ, въ качествѣ таковыхъ догматовъ, указываетъ ученія о единствѣ бессмертнаго, блаженнаго божественнаго Существа, о высшемъ мірѣ небесныхъ силъ, объ Отцѣ, Сынѣ и Святымъ Духомъ, вочеломо-

¹⁾ Dѣ Laz III, 2 (M. XLVIII, 993).

²⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

³⁾ In Genes XXIX I, (M. LIII, 261).

⁴⁾ In Gen XIV 2 (M. LIII 112) cap. II.

⁵⁾ In Ioan II, 3 (M. LIX, 33).

⁶⁾ Ibidem: LIII, 3 (M. LIX, 295).

⁷⁾ Ibidem: II, 4 (M. LIX, 35).

⁸⁾ In. Gen. XI, 3 (M. LIII, 93).

⁹⁾ In Isa VII, 1 (M. LVII, 78).

¹⁰⁾ Advers. iudeos: 2- 17 (M. XLVIII, 815--838).

¹¹⁾ In psalm III, I (M. LV 35).

¹²⁾ De gloria in tribulationibus (Rom. V 3) (M. LI, 158)

въченіи единороднаго и единосущнаго Отцу Сына Божія, Его распятіи, погребеніи, воскресеніи, вознесеніи на небо, будущей безконечной жизни, будущемъ судѣ надъ мыслями, словами, дѣлами, «небесномъ царствѣ и пр.¹⁾). Въ этихъ ученіяхъ св. Писателей нѣть ничего человѣческаго²⁾

Преподать людямъ *совершенное учение о нравственности*, — вотъ вторая частная цѣль Библіи. Именно благодаря св. Писанію, мы узнаемъ, что-такое добродѣтель³⁾). Въ этомъ смыслѣ слово Божіе есть истинная пища душъ, роскошь благочестивыхъ, богатство набожныхъ⁴⁾, источникъ всякой жизни⁵⁾). Въ св. Писаніи мы имѣемъ врачевство для души. Отъ незапашія Писанія происходитъ всякое зло. Нельзя выходить на войну безъ оружія: легко спасаться съ Писаніями, а безъ нихъ невозможно⁶⁾). Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о душѣ человѣческой, какъ любовь къ слову Божію: равно какъ ничто такъ не обличаетъ неразумія души, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ люди, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣчество, утрачиваютъ самое свое природное достоинство⁷⁾). Съ благоговѣніемъ со страхомъ, поэтому, нужно внимать сказаніямъ божественнаго Писанія. Въ немъ ничего не написано безъ цѣли, напрасно, но все съ пользою и къ нашему благу⁸⁾). Назиданіе всюду выставляется св. писателями, какъ опредѣленная и ясная цѣль ихъ книгъ. Такъ пророкъ Моисей пишетъ о твореніи міра именно съ цѣлью назиданія и наставленія рода человѣческаго⁹⁾). Такова же цѣль дивныхъ исторій, изложенныхыхъ въ богодохновенныхъ книгахъ. Какъ бы на высокой, великой и широкой картинѣ изображенія, здѣсь жизнь древнихъ отъ Адама до пришествія Христова, представляя праведниковъ какъ падавшихъ, такъ и увѣнчан-

¹⁾ Ibidem (M. LI, 157); in Matth. 1, 2 (LVII, 16, 17), in Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

²⁾ In Ioann. II, 3 (LIX, 33).

³⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIV, 295).

⁴⁾ Hom. de legislatore (M. LVI, 397).

⁵⁾ „Гραφαι πάσις ειναι αιτια εισιν“; in Ioann. XII, 1, (M. LIX, 255).

⁶⁾ Hom. in epistol. ad Colosseenses: IX, I. (M. LXII, 362).

⁷⁾ De mutatione nominum I (M. LI, 114).

⁸⁾ In Genes. XLIV, 4 (M. LIV, 410).

⁹⁾ In. Genes. IV, 2 (M. LIII, 41).

ныхъ¹⁾). Цѣль псалмовъ состоять въ наученіи людей добродѣтельной и цѣломудренной жизни, чтобы они никогда не дѣлали зла, не презирали Божіихъ законовъ²⁾). Пророчества также изрекались не для того, чтобы люди только узнавали будущее, а чтобы, узнавъ, получали пользу отсюда, дѣляясь отъ страха угрозъ болѣе благоразумными, а отъ обѣщанія благъ—болѣе усердными къ исполненію добродѣтели³⁾). Такая же цѣль и писаній Нового Завѣта Самъ Христосъ въ краткихъ и ясныхъ словахъ евангелія училъ людей тому, въ чемъ состоить справедливое, честное, полезное (*τὸ δικαῖον καὶ τὸ πρεπόν καὶ τὸ σωμφέρον*), училъ любви къ Богу, къ людямъ, вообще училъ всякой добродѣтели⁴⁾), Св. апостолы въ своихъ посланіяхъ также предлагаютъ намъ новый образъ жизни, иную свободу, иное рабство, иную жизнь и смерть⁵⁾). На всѣ основные вопросы о человѣкѣ, о мірѣ, порокѣ, добродѣтели въ богодохновенныхъ писаніяхъ Нового Завѣтаданы необходимые отвѣты⁶⁾). Обо всемъ этомъ богоодхновенные писатели говорять съ точностью, никуда не совращаясь, какъ бы стоя на нѣкоемъ кампѣ⁷⁾). Предлагаемыя ими начала и правила жизни столь возвышенны, что до нихъ не могли дойти лучшіе языческіе моралисты⁸⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

1) См. М. LII, 472, 473.

2) Expos. in psalm III, (M. LV, 35).

3) In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77); cp. in. psalm. XLVIII, 6 (M. LV, 231).

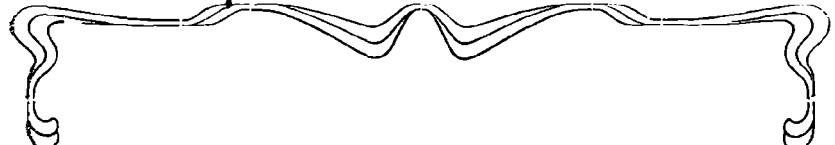
4) In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

5) In Matth. I, 4 (M. LVII, 19).

6) In. Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

7) In Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

8) In Matth. I, 4, 5 (M. LVII; 19).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолжение).

III.

Будучи подлиннымъ источникомъ божественного Откровенія, Библія обладаетъ *такими свойствами*, которыя выдѣляютъ ее изъ ряда обыкновенныхъ произведеній общечеловѣческой литературы.

Боговдохновенные произведенія св. писателей *превосходятъ книги языческихъ поэтовъ и философовъ*. Раскрывая много пошлостей, внушая слушателямъ много пустяковъ, языческая наука отпускаетъ ихъ какъ бы съ пустыми руками. Благодать Духа, напротивъ, немногими словами внушиаетъ любому удріе всѣмъ, кто съей внимаетъ, и часто бываетъ достаточно взять отсюда одно только, изреченіе, чтобы имѣть руководство на весь жизненный путь ¹⁾). Въ Писаніи вообще—бездна вопросовъ, на которые оно даетъ разрѣшеніе ²⁾). Помимо неисчерпаемаго богатства содержанія, Библія превосходитъ человѣческія клиги высотою правиль жизни. Знаменитые философы древности, какъ Платонъ, составившій пресловутую „Политію“, Зенонъ, писавшій объ общественномъ устройствѣ, были врагами нравственной чистоты, извращали уставы человѣческой природы. Напротивъ, боговдохновенные учители не только искореняютъ похоть, не только подвергаютъ наказанію преступное дѣйствіе, но осу-

¹⁾) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. № 3 за 1912 годъ.

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. Hom. I; n. I (M. XLIX, 18).

²⁾ In Acta apostol XXIII, 4 (LX, 183)

ждаются даже безстыдный взглядъ, оскорбительныя слова, непристойный смѣхъ, одежду, поступь, крикъ, простираютъ строгость даже до самого малъшаго¹⁾. Кромѣ басыстыства, ученіе философовъ представляеть много темнаго и труднаго для разумѣнія. Тратя тысячи словъ, философы стараются въ длинной, крайне неясной рѣчи показать, что такое—справедливость. Но таковыя усилія въ практическомъ отношеніи являются довольно бесполезными. Вѣдь простой землемѣдѣлецъ, ваятель, плотникъ, кормчій или кто-либо другой, питающійся трудами своихъ рукъ, долженъ потратить многіе годы на изученіе того, что такое—справедливость, и даже отстать отъ своего занятія, отъ своихъ честныхъ трудовъ. Но прежде чѣмъ узнать это, онъ, ради этой справедливости, изнурилъ бы себя постояннымъ голодомъ и погибъ бы, такъ и не научившись ничему полезному. Не такова—боговдохновенная истина. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ евангеліе Христова научастъ пасъ добродѣтели, любви къ Богу и ближнему (ср. Матв. XXII, 40: VII, 12). Это ученіе—удобопонятно, легкопостижимо для всѣхъ: для землемѣдѣльца, для раба для вдовицы, даже для отрока и самого малосмысленаго²⁾. Въ то время какъ ученіе философовъ напоминаетъ какъ бы дѣтскую забаву, ученіе боговдохновенныхъ писателей—сама истина. Они начертали для насъ въ своихъ писаніяхъ несравненный идеалъ возвышенной жизни, мѣстомъ которой назначили небо, руководителемъ; законодателемъ признали Бога, наградами же—не лавровый вѣнокъ, не масличную вѣтвь, а бессмертіе, усыновленіе Богу, ликованіе съ ангелами, предстояніе царскому престолу и постоянное пребываніе со Христомъ³⁾.

Божественнымъ вдохновеніемъ обусловливаются *внутреннее единство и гармонія* Библіи. Библія—едина потому, что авторъ ея отдѣльныхъ частей и книгъ есть Самъ Господь. Между, обоими завѣтами господствуетъ полное согласіе⁴⁾, такъ какъ одинъ Богъ говоритъ въ нихъ⁵⁾. Слова въ боговдохновенныхъ книгахъ,—часто различны, но мысли

¹⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII, 19).

²⁾ In Matth. I, 5 (LVII, 20).

³⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII 20).

⁴⁾ Contra Anom. XI 3 (M. XLVIII. 799).

⁵⁾ Homilia de Legislatore: 1 (M. LVI 398).

обыкновенно согласны¹⁾). Въ этомъ отношеніи св. Писаніе есть одинъ стройный организмъ, одно цѣлое тѣло²⁾). Отдельныя св. книги обнаруживаютъ свое средство съ цѣлымъ³⁾). Этую мысль Иоаннъ Златоустъ объясняетъ прекраснымъ сравненіемъ. „Если ты, говорить онъ, возьмешь часть, напр., ребра, то найдешь въ этой части все, изъ чего состоитъ цѣлое животное: первы, жилы, кости, артеріи, кровь, словомъ, всѣ существенные части тѣлеснаго состава. Такъ точно и въ св. Писаніи можно видѣть то же самое. Здѣсь всякая часть написаннаго ясно показываетъ средство съ цѣлымъ“⁴⁾). Богоизбранность объединяла и отдельныхъ св. писателей, составлявшихъ св. книги. Если св. писатели обнаруживаютъ совершаенное единомысліе въ своихъ повѣствованіяхъ, то причина этого въ томъ, что одинъ Духъ двигалъ души всѣхъ ихъ⁵⁾). Въ виду этого, Златоустъ называетъ иногда св. писанія „одной христіанской книгой“⁶⁾. Слушаніе же слова Божія сравниваетъ съ вниманіемъ стройной духовной гармоніи, сила которой плѣняетъ, овладѣваетъ и увлекаетъ человѣческую душу⁷⁾.

Богоизбранность сообщаетъ св. Писанію *печать особенной красоты и чистоты*. Въ металлическихъ рудахъ бываетъ весьма трудно найти желаемое, потому что металлы—земля. Кромѣ того, зруніе обманывается общностью природы искомыхъ веществъ. Въ св. Писаніи, напротивъ, предлагается не смѣшанное съ землею золото, но золото чистое. Слова Господни—слова чистыя, серебро, очищенное отъ земли въ горнѣ (ср. Пс. XI, 7). Писанія—это не металлы, требующіе обработки. Они доставляютъ готовое сокровище тѣмъ, которые ищутъ заключающагося въ нихъ богатства. Достаточно только открыть ихъ, чтобы, увидѣть блескъ содержащихся въ нихъ дорогихъ камней⁸⁾). Црагоценные камни получаютъ свою цѣну не отъ тяжести составного вещества, а

1) Interpretat. in Isaiam prophet II, 1 (M. LVI 32).

2) In Matth. V, 1 (M. LVII. 56).

3) In Matth I, 3 (M. LVII, 56).

4) In Matth. I, 3 (LVII, 18).

5) In Ioann IV, I (M. LIX, 47).

6) Ibidem. XXXII, 3 (M. IX 187. 188).

7) Ad Stelechium et de compunctione II, I (M. XLVII, 411).

8) Interpret. in Isaiam prophet II, 2 (M. LVI, 110).

отъ красоты его. Такъ точно и чтеніе божественнаго Писанія¹⁾. Благочестивая душа находитъ для себя въ Библіі духовный, божественный лугъ, рай сладости и восторгается прекрасными восторгами богодохновенныхъ книгъ²⁾. Отмѣтчая духовную красоту Писанія, Златоустъ совершенно определенно указываетъ и причину ея. Обыкновенные писатели обращаютъ все свое стараніе на изложеніе словъ. Напротивъ, Писаніе имѣть въ виду не красоту или искусное сочетаніе словъ. Св. Писаніе имѣть въ себѣ самомъ божественную благодать, которая сообщаетъ блескъ и красоту его словамъ ($\text{ἔχει γὰρ ὄμοθεν τὴν θεάκυ χάριν ἐπανίδοσαν καὶ τὸ καλλός τὰ λεγόμενα}$)³⁾.

Въ божественномъ вдохновеніи имѣть свой корень глубина содержанія св. Писанія. Если не изслѣдовать глубины св. Писанія, то одно чтеніе его еще не покажетъ сокровища заключающихся въ немъ благъ. Напротивъ, когда изслѣдователь не останавливается на поверхности, но нисходитъ въ самую глубину, предъ нимъ откроется великое море мыслей. Такжѣ и всякое сокровище не показываетъ богатства, доколѣ по нему ходить. Надобно прежде раскопать его, спуститься внизъ и только тогда найти скрытое богатство⁴⁾). Говоря о морѣ божественныхъ писаний⁵⁾, Златоустъ называетъ его безпредѣльнымъ⁶⁾. Въ самомъ краткомъ изречениіи св. Писанія можно найти великую силу и несказанное богатство мыслей⁷⁾. Въ этомъ отношеніи Златоустъ справедливо сравниваетъ слово Божіе съ источникомъ, производящимъ обильные потоки и имѣющимъ много воды. Всего содержанія слова Божія невозможно обнять—именно потому, что богатство этого сокровища — велико, потоки этого духовнаго источника — обильны⁸⁾). Даже сравнительно ясныя изречениія Писаній, которые кажутся многимъ маловажными, даютъ поводъ къ высочайшему любомуудрію. Гораздо болѣе это должно ска-

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. I 1 (M. XLIX 18).

²⁾ De utilit. lectionis Scripturarum; I (M. LI, 87).

³⁾ In Senes. XXXVII, I (M. LIII, 341). cap. XV

⁴⁾ In illud I Cor. I, I (M. LI, 148).

⁵⁾ Contr. Anom. VII, I (M. XLVIII; 757).

⁶⁾ De prophetar obseuritate. 2. (M. LII, 166).

⁷⁾ In Genes XVI, I; cap. II (M. LIII, 126).

⁸⁾ Ibidem hom III, I (M. LIII, 32); hom X, 3; cap. I (M. LIII, 85).

зать о такихъ изреченіяхъ, которые и сами по себѣ показываютъ свое богатство и которые наполняютъ безчисленными сокровищами внимающихъ имъ ¹⁾). Въ качествѣ примѣровъ глубины содержанія св. писаній Златоустъ указываетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ на пророчества Исаіи, въ Новомъ—на посланія ап. Павла. Обычно Златоустъ говоритъ объ этомъ свойствѣ св. писаній образною рѣчью. Когда неопытные мореплаватели покидаютъ землю и по обѣимъ сторонамъ корабля не видятъ ничего, кроме морской бездны и неба, они впадаютъ въ какое-то болѣзньное помраченіе. Имъ представляется, будто корабль кружится вмѣстѣ съ моремъ. Подобнымъ образомъ испытываютъ смущеніе и тревогу души читателей, неопытныхъ въ изясненіи св. писаній, вступая въ море мудрости, погружаясь въ глубину мыслей пророка Исаіи ²⁾). Апостоль языковъ какъ самъ исполненъ великой мудрости ³⁾), такъ этою мудростью проникнуты и удивительные посланія его ⁴⁾). Душевное состояніе читателей, вступающихъ въ глубину апостольскихъ мыслей, въ море павловыхъ изреченій, Златоустъ также сравниваетъ съ головокружениемъ неопытныхъ пловцовъ ⁵⁾). Изъ одного изреченія ап. Павла рождаются рѣки мыслей; изъ одного его слова извлекается неизреченное богатство любомудрія ⁶⁾.

Въ связи съ глубиною содержанія Библіи стоить *неисчерпаемое богатство* его. Рядомъ прекрасныхъ сравненій Златоустъ обрисовываетъ и это свойство слова Божія. Когда виноградникъ бываетъ обображенъ, то онъ остается безъ плода, съ одними листьями. Напротивъ, въ духовномъ винограднике божественныхъ писаній всегда остается больше, хотя бы мы взяли все, что видимъ. Таково именно—свойство этого богатаго виноградника. Чѣмъ болѣе проникаешь въ его глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать изъ него божественные мысли: это—источникъ неизсякаемый ⁷⁾). Въ другомъ случаѣ

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. hom. I, 1 (M. XLIX, 17).

²⁾ De prophet. obscuritat. num. I (M. LVI, 163. 165).

³⁾ Contr. Anom. hom. II, 4 (M. XLVIII, 714); срав. de sacerdotio; IV, 6 (M. XLVII, 668).

⁴⁾ Ibidem: IV, 7 (M. XLVII, 670).

⁵⁾ De Melchised. hom. n. 1 (M. LVI, 257).

⁶⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 290).

⁷⁾ De Laz. IV, 1 (M. XLVIII, 1006. 1007).

Златоустъ сравниваетъ богатое содержаніе слова Божія съ неисчерпаемымъ источникомъ. Чѣмъ болѣе черпають изъ духовныхъ потоковъ слова Божія, тѣмъ болѣе умножается духовная ихъ благодать. По мѣрѣ силы черпали изъ этихъ потоковъ наши предки; то же самое будутъ дѣлать наши потомки. Но воды будутъ прибывать снова, потоки будутъ умножаться ¹⁾). Соответственно этому, опять же посредствомъ сравненія, изображасть Златоустъ и дѣйствіе слова Божія на человѣческую душу. Въ богоизданиемъ писаніи содержится какъ бы сладкій источникъ меда. Но медъ вещественный доставляетъ удовольствіе только языку и скоро портится. Медь же учедія не производить пресыщенія, но проникаетъ въ совѣсть, доставляетъ постоянную радость, руководитъ къ бессмертію ²⁾). Изъ книги Нового Завѣта Златоустъ отмѣчаетъ богатство содержанія особенно евангелій и посланій ап. Павла. Невозможно исчерпать смыслъ писаній: это—источникъ не имѣющій предѣла. Много разсуждали о евангеліяхъ и, однако, все говорили нѣчто новое и особенное. Чѣмъ кто болѣе изучаетъ, Св. Писаніе, тѣмъ яснѣе видитъ, тѣмъ лучше созерцаеть чистый свѣтъ ³⁾). Посланія ап. Павла, по ихъ неисчерпаемой глубинѣ, Златоустъ чрезъ сравненіе противополагаетъ земнымъ рудникамъ. Тѣ, которые раскрываютъ золотые рудники, сколько бы ни извлекали богатства, не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не выберутъ всего золота. Мы же, иаслѣдуя божественные изреченія, также выываемъ золото, но не чувственное, а духовное, потому что работаемъ не въ земныхъ рудникахъ, а въ рудникахъ Духа. Посланія ап. Павла суть какъ бы духовные рудники и источники: рудники, потому что доставляютъ намъ богатство драгоцѣннѣе всякаго золота; источники, потому что они никогда не изсякаютъ, но столько въ нихъ пребываетъ, сколько оттуда черпается. До пятисотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ ап. Павелъ. Множество писателей, учителей, толкователей много и часто черпали оттуда, но не истощили богатства, тамъ заключающагося. Такъ какъ это—не чувственное сокровище, то оно и не истощается отъ многочи-

¹⁾ In Genes. III, 1; cap. (M. LIII, 32).

²⁾ In illud Isa. XI, V, 7 (M. LVII, 141).

³⁾ In Acta apostol. XIX, 5 (M. LV, 156).

сленности вырывающихъ его, по растеть и множится ¹⁾). Причина такой неоскудѣваемости духовной сокровищницы слова Божія—очевидна: ее обильно наполняетъ и изливаетъ источникъ Духа Святаго ²⁾.

На божественномъ вдохновеніи основывается *вѣчно-жизненное значение* Св. Писаній, какъ первоисточниковъ религіозныхъ истинъ для человѣчества. Въ этомъ смыслѣ св. Іоанпъ Златоустъ часто говоритъ о значеніи боговдохновенныхъ писаній Новаго Завѣта. Св. апостолы, напр., превзошли царей и властителей. Царскіе законы отмѣняются иногда еще при жизни царей. Законы же апостоловъ-рыбаковъ, несмотря на то, что безчисленныя силы враговъ старались ихъ уничтожить, пребываютъ твердыми, непоколебимыми доселъ ³⁾. Изъ посланій ап. Павла обильно и часто черпали множество писателей, учителей и толкователей съ того времени, какъ жилъ составитель ихъ. Однако, не истощили и не могли истощить всего содержащагося въ нихъ богатства. Сколько многіе послѣ насъ и послѣ этихъ послѣднихъ опять другое будутъ говорить о павловыхъ посланіяхъ. Но не оскудѣвѣть этой богатой источникъ. Будучи духовнымъ, онъ не для того возникъ, чтобы когда-либо истощиться ⁴⁾. Своими писаніями апостолъ языковъ принесъ пользу не только вѣрнымъ его вѣка, равно какъ и жившимъ донынѣ, но будетъносить пользу всѣмъ, имѣющимъ существовать до послѣдняго пришествія Христа. Подобно стѣнѣ изъ адаманта, писанія ап. Павла будутъ ограждать церкви вселенной въ будущемъ вѣка ⁵⁾.

Какъ изліяніе безконечно совершенного Духа Божія, какъ слово Духа Святого ⁶⁾, Св. Писаніе, по учению Іоанна Златоуста, заключаетъ въ себѣ *безпредѣльное море мыслей, несказанно—богатое сокровище любомудрія*. А потому для своего уразумѣнія требуетъ большого труда, тщательного изслѣдованія. Говоря объ этомъ послѣднемъ свойствѣ слова Божія,

1) In illud 2 Cor. IV, 13 (Л, 290).

2) In Senes. XVI, 1; cap. II (М. LIII, 126).

3) Advers iudeos et gentiles demonstratio 6 (М. XLVIII, 821).

4) Hom. in illud: 2 Cor VI, 13 (М. Л, 290).

5) De sacerdotio: IV, 7 (М. XLVII, 670); срав. М. LVI, 274.

6) In Genes, XVI, 1 (М. LIII, 126); cap. II; ham. XV, 1 (М. LIII, 119); cap. II.

Златоустъ, по своему обыкновенію, пользуется образами. Въ естественномъ и общедоступномъ пути есть мѣста ровныя и удобныя. Но есть трудныя, неудобныя. Въ божественныхъ Писаніяхъ также встречаются мѣста, удобопонятныя сами по себѣ для всѣхъ. Но другія мѣста нуждаются въ прилежномъ, внимательномъ изученіи¹⁾. Когда человѣкъ идетъ по пути ровному и удобному, тогда нѣть нужды въ большої осторожности. Но если дорога идетъ по мѣстности наклонной, узкой, простирающейся до самой вершины горы, ограниченной съ обѣихъ сторонъ пропастями, тогда нужна душа бодрая, осторожная²⁾.

Въ качествѣ причинъ неясности и темноты Св. Писанія Златоустъ указываетъ *внутреннія и внешнія*. Въ особенности эти свойства—присущи св. книгамъ Ветхаго Завѣта.

Возвышенность, неизѣяснимость для ума человѣческаго, нѣкоторыхъ истинъ вѣры, неисчерпаемая глубина божественного Откровенія, грубость и неопытность слушателей, педагогическая цѣль домостроительства спасенія людей, свойства еврейской рѣчи и трудность переводовъ ея на другіе языки,—вотъ главныя причины нѣкоторой неудобовразумительности св. книгъ Ветхаго Завѣта³⁾. Со всею рѣшительностью св. Иоаннъ Златоустъ отвергаетъ учение аномеевъ, будто въ настоящее время—возможно совершенное религіозное знаніе. Люди Ветхаго Завѣта, въ особенности пророки не могли собственными сужденіями опредѣлить существа и свойствъ Бога⁴⁾. По этой причинѣ, снисходя къ немощи людей, св. пророки употребляли человѣкообразныя выраженія. Намъ нельзя было бы понять пророческихъ словъ, если бы пророки не удостоили насъ такого снисхожденія⁵⁾. Однако, и до сихъ поръ намъ—непонятны многія таинственные видѣнія пророковъ. Поэтому, говоря о видѣніи серафимовъ Исаіей (VI, 1—2), Златоустъ замѣчаетъ: „Пророкъ сказалъ, что онъ видѣлъ; но умолчалъ, какъ видѣлъ. Я

¹⁾ In proph. Ierem. 1 (M. LVI, 153).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Выясненію этихъ причинъ Златоустъ посвятилъ особый трактатъ подъ заглавиемъ: „Ἀπόδεξις τοῦ χρησίμως τὰς περὶ Χριστοῦ καὶ ἐθνῶν καὶ τῆς ἐκπτώσεως Ἰουδαιῶν προφητείας ἀσπεῖτε εἶναι; см. M. LVI. 168—175.

⁴⁾ Contr. Anom. I, 3, 4 (M. XLVIII 704. 705).

⁵⁾ In Genes. hom. X, 7 (LIII, 88).

принимаю сказанное, но не любопытству знать умолчанное; разумѣю открытое, но не изслѣдую сокрытаго. Для того оно и сокрыто. Объясненіе Писаній есть золотая ткань; основа ея—золото; нить ея—также золото. Не примѣшиваю паутинъ тканей. Знаю слабость силъ моихъ¹⁾.

При столь великой возвышенности откровенного содержанія св. книгъ Ветхаго Завѣта, трудность пониманія ихъ осложняется *приспособленностью къ ограниченному кругозору* современныхъ іудеевъ. Петрудное само по себѣ дѣжалось труднымъ не отъ свойствъ слова, а отъ неопытности слушателей. Такъ ап. Павель, сказавъ, что Христосъ былъ перво-священникомъ по чину Мельхиседекову (Евр. V, 10), называетъ прообразъ этотъ труднымъ для уразумѣнія. Конечно, прообразъ былъ неудобо-разъяснимъ не для самого апостола языковъ, обладавшаго особымъ даромъ духовной мудрости, слышавшаго неизг҃рченные глаголы и восхищенаго до третьего неба. Причина неудобоизъяснимости—именно въ немощи самихъ слушателей (VII, 11: ἡ ἐπειρία τῶν ἀκούοντων), которые оказывались не въ состояніи отнести данный прообразъ къ домірному бытю Христа²⁾.

Кромѣ того, многія пророческія изреченія—неудобопонятны потому, что *изложены въ формѣ притчъ*. Приточная форма пророческой рѣчи была безусловно необходимой, чтобы события будущаго покрыть нѣкоторою темнотою и тѣмъ доставить безопасность говорившимъ. Въ самомъ дѣлѣ, іудеямъ предсказывался цѣлый рядъ бѣдствій: безвозвратное разрушеніе храма, паденіе йерусалима, скитаніе и разсѣяніе по всему миру, прекращеніе гражданскаго устройства, пророчество, жертвъ, священства, царства и т. д. Если бы іудеи услышали обо всемъ этомъ ясныя предсказанія пророковъ, то они ихъ умертили бы, истребили бы и книги, не пощадили бы божественныхъ писаній³⁾.

Прикровенность пророчествъ обѣ отмѣнѣ закона Моисея въ царствѣ благодати имѣла для себя полное оправданіе *въ педагогическихъ цѣляхъ*. Справедливо св. ап. Павель говорить о покрывалѣ на лицѣ пророка Моисея (2 Кор. III, 12—14). Извѣстно, что постѣ принятія на горѣ скрижалей отъ лица

¹⁾ In Gen. VI (M. LVI, 136).

²⁾ De prophet. obscur. n. 1 (M. LVI, 165).

³⁾ Ibidem: n. 3. (M. LVI, 168); n. 5 (M. LVI, 171).

Моисея возсияла такая дивная слава, что никто из народа не могъ подходить къ нему для бесѣды. Тогда и явилось покрывало на лицѣ пророка, чтобы онъ не былъ совершенно недоступенъ для народа. Законодатель пріобрѣталъ чрезъ это довѣріе тѣхъ, для кого предназначался его законъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предначертанъ и образъ домостроительства Христа, Который пришелъ къ людямъ не съ обнаженнымъ Божествомъ, а облекся плотю. Какъ іудеи не могли созерцать всей славы законодателя, чему препятствовала лежавшая на его лицѣ завѣса, такъ не было бы нужно и покрывало на Ветхомъ Завѣтѣ, если бы законъ не имѣлъ славы неприступной ¹⁾). Покрывало Моисея не могло служить ни укоризной законодателя, ни осужденiemъ закона. Оно только указывало на помощь слушателей, потому что Моисей носилъ его для тѣхъ, которые не выносили славы лица его. Онъ немедленно снималъ покрывало, когда обращался ко Господу. Точно также и законъ имѣлъ покрывало, снисходя къ іудеямъ, вслѣдствіе невозможности преподавать имъ совершенное и полное любомудрія ученіе о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ ²⁾.

Относясь къ отдаленному времени, пророчества Ветхаго Завѣта по самому существу своему не могли не быть *прикровенными*. Всякое пророчество, даже если оно относится къ ближайшему будущему, не ясно до своего исполненія. Въ качествѣ примѣра Златоустъ приводить предсказаніе Господа о Своемъ воскресеніи. Господь предрекъ „о разореніи церкви Своего тѣла и возсозданіи ея въ три дня“ (Іоан. II, 21). Пророчество это оставалось закрытымъ до воскресенія Христа изъ мертвыхъ (II, 22) не только для іудеевъ, но даже и для ближайшихъ учениковъ Христа ³⁾). Самъ Господь говорилъ іудеямъ, что они не имѣли бы грѣха, если бы Онъ не пришелъ и не говорилъ имъ (Іоан. XV, 22). Конечно, іудеи не имѣли бы грѣха, такъ какъ пророчества были не ясны и прикровенны. Если бы пророчества Ветхаго Завѣта были ясны и понятны для іудеевъ, то и до пришествія Господа они имѣли бы грѣхъ ⁴⁾.

¹⁾ De prophet. obscur. n. 6 (M. LVI, 173. 174); n. 7 (M. LVI, 174).

²⁾ De proph. obscur. n. 1 (M. LXI, 176).

³⁾ Ibidem: I, (M. LVI, 177).

⁴⁾ De proph. obscur. n. 2 (M. LVI, 177).

Неудобовразумительность св. книгъ Ветхаго Завѣта была *не безполезна для самихъ читателей ихъ*. Человѣколябивый Богъ для того и не соблаговолилъ, чтобы въ св. Писаніи при простомъ его чтеніи все вдругъ было удобопонятно и ясно, чтобы самъ человѣкъ показалъ бдительность въ его изслѣдованіи и чрезъ это получилъ пользу. Обыкновенно глубже вѣдряется въ сознаніе то, что пріобрѣтается путемъ труда и усиленія мысли. Но скоро улетаетъ изъ него то, что усвоется съ легкостью¹⁾). Составители псалмовъ нерѣдко употребляютъ рѣчь загадочную и весьма трудную для разумѣнія и говорять притчами. Причина въ томъ, что прикровенное слово предохраняетъ многихъ отъ невнимательности и возбуждаетъ къ работѣ мысли. По этой причинѣ и Христосъ о многомъ говорилъ въ притчахъ²⁾). Иные псалмы представляютъ какъ бы закрытое сокровище именно потому, что слова ихъ поють или произносятъ устами, но не стараются вникнуть въ силу мыслей, въ нихъ заключенныхъ³⁾). Поэтому, нужно точное, обдуманное испытаніе Писаній (ср. Ioan. V, 39), чтобы найти положенное въ глубинѣ ихъ сокровище⁴⁾). Здѣсь необходимо требуется помочь божественной благодати. Пророческія писанія, напр., подобны безпредѣльной морской безднѣ, со множествомъ пучинъ. Только съ помощью дарованной свыше благодати мы смѣло можемъ плыть по этой беднѣ⁵⁾). Тотъ читатель, который съ усердіемъ и усилиемъ занимается словомъ Божімъ, не оставляется Богомъ. Самъ Духъ Святый руководить имъ въ разумѣніи написаннаго, проникаетъ въ сердце, просвѣщаетъ умъ, озаряетъ смыслъ, наставляетъ въ невѣдомыхъ предметахъ⁶⁾). Такъ иноплеменникъ, евнухъ ефіопской царицы, именно за свое усердіе и вниманіе получилъ небеснаго руководителя, когда не понималъ содережанія Писанія⁷⁾). Нужна именно постоянная молитва, чтобы прозрѣть въ святилище слова Божія⁸⁾.

¹⁾ In Genes XXXII I, (M. LIII, 292. 293).

²⁾ In psalm. XLVIII, 3 (LV, 225. 226).

³⁾ In psalm. 140; 1 (M. LV, 427).

⁴⁾ In Ioann. XLI, 1 (M. LIX, 235).

⁵⁾ De proph. obscур. 1. 2. (M. LVI, 163. 164. 166).

⁶⁾ In. Genes. XXXV, I (M. LI, 321), cap. XIV.

⁷⁾ Ibidem. (M. LIII, 322); ср. de Lazar. III, 3 (M. XLVIII, 925).

⁸⁾ In. Ioann. XXI, I (M. LIX, 127).

Изъ виѣшнихъ причинъ большой трудности въ понимаіи св. книгъ Ветхаго Завѣта Златоустъ, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ то, что писанія этого Завѣта, написанныя на языкѣ еврейскаго народа, были *переведены на греческий языкъ*. Сдѣланный при египетскомъ царѣ Птолемеѣ, переводъ этотъ самъ по себѣ полезенъ и необходимъ. Благодать Божія чрезъ этотъ переводъ сдѣлала пророчества какъ бы нѣкоторыми входами и путями. Чрезъ эти входы и пути, открытые со всѣхъ сторонъ, не только іудеи, но и язычники съ большимъ удобствомъ могли придти къ Царю пророковъ и поклониться Единородному Сыну Божію. Но переводъ съ одного языка на другой всегда сопровождается большими трудностями. Да и не возможно со всею ясностью передать рѣчъ оригинала на другую¹⁾.

Впрочемъ, *не все* ветхозавѣтное Писаніе прикрыто темнотою и неясностью сказаний. Покрывало таинственности собственно было положено для іудеевъ па события отдаленаго будущаго, каковы: призваніе Церкви, отверженіе синагоги, отмѣна закона и пр. Все же, что говорилось о современныхъ историческихъ событияхъ, было въ большей или меньшей степени ясно. Въ противномъ случаѣ Писаніе было бы безполезно²⁾. Зато Новый Завѣтъ—яснѣе, удобопонятнѣе Ветхаго, хотя въ немъ и говорится о предметахъ болѣе важныхъ, которые—выше человѣческаго ума³⁾.

Вообще же содержаніе Св. Писанія, при всей возвышенности излагаемыхъ въ немъ истинъ вѣры и правилъ жизни, въ достаточной мѣрѣ *вразумительно*. „Если мы“, по словамъ Златоуста, „захотимъ прииматъ съ разсужденіемъ то, что говорится въ божественномъ Писаніи, то ни одно слово не покажется намъ труднымъ“⁴⁾. Не только для людей образованныхъ, но и для простыхъ, даже для мало-смысленныхъ, для земледѣльцевъ, для рабовъ и отроковъ слово Божіе—удобовразумительно⁵⁾. Устроеніемъ божественной благодати авторами св. книгъ оказались люди простые: пастыри, рыбари, скинотворцы. Въ этомъ Ioannъ Златоустъ

¹⁾ De proph. obscur.; n. 2. 3 (M. LVI, 178. 179).

²⁾ De prophet. obscurit. n. 6 (M. LVI, 173).

³⁾ Ibidem: n. 3 (M. LVI, 167).

⁴⁾ In Genes. cap. II; hom. XVI, 5 (M. LIII, 131).

⁵⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

видить особое выражение промыслительной любви Божией къ человѣчеству¹⁾). Въ разъясненіе данного факта св. Иоаннъ напоминаетъ о конечной цѣли св. книгъ. Тѣ, которые удостоились благодати Духа, сложили свои писанія не для суетной славы, какъ мудрецы вѣнчніе, а ради спасенія слушателей²⁾. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ обращалъ вниманіе не на Свое достоинство, а на спасеніе людей. Не о томъ Онъ заботился, чтобы сказать что-либо великое, но о томъ, чтобы привлечь насъ. Поэтому, въ словахъ Христа —немного высокаго, немного великаго. Да и это немногое облечено въ прикровенную форму. Зато много въ нихъ—уничиженаго, много обыкновенаго³⁾). То же самое въ сущности нужно сказать объ апостолахъ и пророкахъ. Будучи общими учителями вселенной, они преподавали ученіе ясное, понятное для всѣхъ. Каждый самъ собою, при одномъ чтеніи могъ понять ихъ слова. Въ этомъ отношеніи богоизбранные писатели представляли полную противоположность языческимъ философамъ, риторамъ и писателямъ, которые имѣли въ виду только возбудить удивленіе къ самимъ себѣ, а слова свои прикрывали обычною неясностью, какъ бы какимъ мракомъ⁴⁾). Все богоизбранное Писаніе, напротивъ, полно „словъ снисхожденія“. А таковыя слова приближаютъ его содержаніе къ разумѣнію людей. Когда мы бесѣдуемъ съ варварами, то употребляемъ ихъ языкъ, когда говоримъ съ младенцемъ, лепечемъ, подобно ему, снисходя къ малолѣтству его, хотя бы сами были мудрецами. Также разсуждаешь, выражается и слово Божіе, чтобы подѣйствовать на людей болѣе грубыхъ⁵⁾.

Сообразно своей практической цѣли: служить спасенію людей, Св. Писаніе избѣгаетъ лишнихъ подробностей, постороннихъ сообщеній. Слово Божіе—кратко, точно, безпристрастно. Въ немъ не замѣтно обычай рассказывать обо всемъ подробно. Начиная обыкновенно съ того, что по содержанію наиболѣе важно, Св. Писаніе прочее предоставляетъ разсмотрѣнію тѣхъ, которые имѣютъ къ тому доброе

1) De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994).

2) Ibidem (M. XLVIII, 994).

3) In Ioann. LXIV, 1 (M. LIX, 353).

4) De Laz. III, 3 (M. XLVIII, 994).

5) Expos. in psalm VI, 2. 1. (M. LV, 71).

расположеніе¹⁾). Въ качествѣ образца краткой и сжатой рѣчи, Златоустъ справедливо указываетъ повѣствованіе Моисея о міротвореніи. Пророкъ не говоритъ о каждомъ твореніи въ отдельности, не перечисляетъ всѣ члены твореній по порядку, но упоминаетъ только о главныхъ. Такъ, сказавъ о сотвореніи и происхожденіи неба и земли, Моисей предсталяетъ намъ доразумѣвать обо всемъ, что—на небѣ и на землѣ (I, 1). Упомянувъ о произрастеніи травы (Быт. II, 4—7), онъ разумѣлъ подъ этимъ понятіемъ всѣ сѣмена и пр.²⁾. Все лишнее, не относящееся къ существу поставленной задачи, оставляется богохваленнымъ писателемъ³⁾. Причина такой формы рѣчи пророка—очевидна. „Не отъ себя говоритъ Моисей: что внушила ему благодать Духа, то и произносить онъ своимъ языкомъ для наученія человѣческаго рода“⁴⁾. То же необходимо сказать и о всѣхъ прочихъ св. писаніяхъ. Именно богохваленность сообщаетъ силу и выраженіе каждому слову св. писателей. Даже въ писаніяхъ, составленныхъ людьми, важенъ иногда одинъ слогъ. Тѣмъ болѣе—въ божественныхъ писаніяхъ, составленныхъ Духомъ Святымъ, когда мы не поверхности пробѣгаемъ ихъ, а тщательно рассматриваемъ, не уступая въ усердіи людямъ, изслѣдующимъ предметы чувственного міра⁵⁾.

Въ связь, съ краткостью, исключающей все лишнее, Златоустъ ставитъ точность рѣчи въ богохваленныхъ книгахъ. Всюду въ св. книгахъ примѣтны точность выраженій и яснѣйшее различеніе предметовъ⁶⁾. Свой восторгъ по сему поводу Златоустъ нерѣдко выражаетъ въ видѣ вопроса: „кто можетъ достойно восхвалить точность божественного Писанія“?⁷⁾ Точность Писанія выражается и въ томъ, что оно ничего положительно не говоритъ безъ нужды⁸⁾. Опять въ качествѣ примѣра точной рѣчи, Златоустъ приводить библейскія повѣствованія Моисея. Пророкъ точно обозначаетъ,

¹⁾ In Genes. cap. II: hom. XII, 1 (M. LIII, 99).

²⁾ Ibidem: XII, 2 (M. LIII, 99—100).

³⁾ Ibidem: III, 1 (M. LIII, 33).

⁴⁾ Ibidem: hom. IV, 2 (LIII, 41).

⁵⁾ In. Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. V—VI

⁶⁾ In psalm. XLVIII, I (M. LV, 531).

⁷⁾ In Gen X 6 (M. LIII, 87); cap.

⁸⁾ Ibidem. XLIX, I. (M. LIV 444).

напр., число лѣтъ жизни патріарха Ноя и не безъ цѣли. Этимъ показано величіе долготерпѣнія и снисхожденія Господа къ послѣпотолному человѣчеству¹⁾. Такая же точность замѣтна и въ обозначеніи числа лѣтъ жизни Исаака (Быт. XXV, 19, 20). Причина—въ томъ, что далѣе разсказывается о неплодіи Ревекки и о прекращеніи такового исключительно по молитвѣ праведника²⁾. Точенъ—и разсказъ Моисея о рожденіи отъ Адама Сиеа „по виду и образу отца“ (V 3). Здѣсь дается знать о добродѣтельныхъ свойствахъ послѣдняго сына, въ противоположность злымъ наклонностямъ Каина³⁾. Точно указывается Монсеемъ и число душъ, пришедшихъ съ патріархомъ Іаковомъ въ Египетъ (Быт. XLVI, 26, 27). Этимъ доказывается исполненіе Божія предсказанія Аврааму о происхожденіи отъ него великаго народа⁴⁾. Такую же точность выраженій, свидѣтельствующую о богодохновенной мудрости и проницательности составителей, находитъ Іоаннъ Златоустъ во псалмахъ⁵⁾. Изъ писателей Новаго Завѣта точность изложенія особенно при изложеніи высокихъ догматическихъ истинъ, отмѣчается, Златоустомъ у ап. Павла (ср. Кол. I, 16), и св. Іоанпа (I, 3 и др.)⁶⁾. Вслѣдствіе такого свойства, въ божественномъ Писаніи нельзя пропускать безъ вниманія ни одного краткаго изреченія ни даже одного слова⁷⁾. Источникомъ, производящимъ и это свойство Библіи, также служить богодохновенность. Въ библіи содержатся „не простыя слова, но слова Духа Святаго. Поэтому великое сокровище можно найти и въ одномъ слогѣ“⁸⁾,

Въ то же время, при своей точности, св. Писанія предлагаютъ читателямъ вполнѣ *объективныя и беспристрастныя* свидѣтельства истины. Мужи святой жизни, св. писатели въ своихъ книгахъ чужды зависти, тщеславія и другихъ чувствъ. Евангелистъ Матвей, напр. совершенно беспристрастно го-

1) In Gen. XXII. I (M. LIII, 187).

2) In Gen. XLIX, I (M. LIV, 444).

3) In Gen. XXI 3. (M. LIII, 177, 178); cap. V.

4) Ibidem: XLV, 2 (M. LIV, 561).

5) In psalm. XLVI, 3 (M. LV, 212).

6) In Ioann. V, 2 (M. LIX, 59—56) (Кол. I, 16), (Іоан. I, 3). Το γὰρ αὐτὸν Πνεῦμα ταῦτην ἔχινει τὴν φυχὴν.

7) In Genes. XV, I. (M. LIII, 119); cap. II.

8) In Genes. XV, I. (M. LIII, 119).

ворить о тѣхъ апостолахъ, которые были предпочтены другимъ па горѣ Преображенія (XVII, 1). Евангелистъ Иоаннъ съ полюю правдивостью описываетъ всѣ тѣ отмѣнныя похвалы, которыхъ были обращены Христомъ къ ап. Петру и т. п. ¹⁾.

Благодаря происхожденію, чрезъ божественное вдохновеніе, печать особенной духовной красоты и *сверхъестественной чистоты* лежитъ на св. Библіи. Для поясненія этого свойства св. отецъ Церкви по обыкновенію пользуется образами и сравненіями. Драгоценные камни получаютъ цѣну не отъ тяжести составного вещества, а отъ красоты его. Такъ точно и св. Писаніе, написанное благодатію Духа Божія ²⁾. Впрочемъ, нерѣдко общность природы ископаемыхъ веществъ въ металлическихъ рудахъ легко обманываетъ зрѣніе. Нужна большая тщательность для золотопромышленниковъ, чтобы узнать, что—дѣйствительно земля и что—золото. Между тѣмъ въ св. Писаніяхъ предлагается не золото, смѣшанное съ землею, но золото чистое. Достаточно только открыть Писанія, чтобы тотчасъ увидѣть блескъ содержащихся въ нихъ дорогихъ камней ³⁾. Справедливо слова Божіи сравниваются съ серебромъ, очищеннымъ чрезъ огонь, освобожденнымъ отъ земли въ горнилѣ (Пс. XI, 7) ⁴⁾, Самъ Златоустъ называетъ поэтому, чтеніе Писаній раемъ сладости, превосходящимъ рай первобытный ⁵⁾.

Весьма опредѣленно учить Златоустъ *о безошибочности и непогрѣшимости* Библіи. Св. отецъ Церкви безусловно исключаетъ возможность того, чтобы св. писатели гдѣ-либо могли допустить погрѣшность, сознательно или безсознательно могли поставить себя въ противорѣчие съ истиной. Противорѣчие или ошибка могли бы имѣть мѣсто въ св. книгахъ, если бы ихъ составители отступали отъ истины. Но съ точки зрѣнія боговдохновенного происхожденія св. книгъ это безусловно исключается. При этомъ, конечно, безразлично, засвидѣтельствована ли истина, съ которой будто бы приходитъ въ столкновеніе тотъ или другой писатель, въ самой Библіи или внѣ ея.

¹⁾ In Matth LVI, I (M. VLII, 549).

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. I, I (M. XLIX, 18).

³⁾ In Isa. VI, I; hom. II, 2 (LVI, 110).

⁴⁾ Abver iudeos: V, I (M. XLVIII, 883).

⁵⁾ De utilitat. lection, Script. Sacv. (M. LI, 87).

Обыкновенно Златоустъ утверждаетъ свойство непогрѣшности слова Божія *въ отрицательной форме*, напр.: „Писаніе не говоритьъ неправды“ или „Писаніе не ложно“ и т. п. Поскольку св. текстъ той или другой книги совпадаетъ съ оригиналомъ, ошибки въ немъ не возможны. Приводя, напр., слова псалма „о насыщениі евреевъ медомъ изъ скалы“ (LXXX, 17), Златоустъ замѣчаетъ, что нигдѣ въ Библіи не сообщается, что Моисей изводилъ медъ изъ камня. Вездѣ читаемъ только о потокахъ, о водахъ, о прохладныхъ источникахъ. Что же означаетъ цитата псалмопѣвца, если Писаніе не говоритъ неправды? Очевидно, псалмопѣвецъ говорить истолковательно: называетъ воду медомъ не въ отношеніи ея природы, а по причинѣ состоянія истомленныхъ жаждою людей, каковое состояніе содѣжало водный источникъ столь сладостнымъ¹). Въ томъ обстоятельствѣ, что составитель Дѣяній называетъ Корнилія сотникомъ (Х, 1—4), Златоустъ видеть особую цѣль. Это дѣлается для того, „чтобы кто-либо не сказалъ, будто историческое поѣстествованіе Писаній говорить неправду“²). Иногда слова того или другого богоизбранныго писателя представляются несообразными, вслѣдствіе того, что берутся отдѣльно, безъ ихъ взаимной связи, отрываются отъ всего тѣла Св. Писанія. Пророкъ Йеремія, напр., пишетъ, что „не въ волѣ человѣка путь его, не во власти идущаго давать направление стопамъ своимъ“ (Х, 23). Если взять это выраженіе въ контекста рѣчи, то оно можетъ дать поводъ къ дурнымъ мнѣніямъ. У людей ревностныхъ оно ослабить руки и охладить усердіе; въ беспечныхъ, напротивъ, усилить малодушіе и увеличить пера-дѣніе. Однако, мы отнюдь не можемъ допустить, что пророкъ сказалъ неправду. Этого не могло быть, такъ какъ онъ изрѣкалъ слово Божіе³). Для устраненія затрудненія въ пониманіи словъ пророка, Златоустъ, во-первыхъ, ставитъ ихъ въ связь съ современной исторіей, во-вторыхъ, рассматриваетъ въ отношеніи къ человѣческой природѣ. Въ первомъ случаѣ св. писатель хочетъ показать, что историческій путь, который привелъ вавилонскаго царя къ побѣдѣ надъ Іудеей, былъ предначертанъ Промысломъ Божіимъ, а не зависѣлъ

¹⁾ De statuis ad popul. Antioch. II, 7 (M. XLIX, 44).

²⁾ In Acta apostolorum: XXII, I (M. LX, 171).

³⁾ In Ierem. X, 23; п. 2 (M. LVI, 156).

только отъ него одного. Во второмъ случаѣ пророкъ желалъ, очевидно, пояснить, что Богъ раздѣляетъ съ человѣкомъ трудъ добродѣтели, что отъ нашей воли зависятъ выборъ лучшаго, желаніе, стараніе, но высшая благодать доводитъ желаніе человѣка до конца, даетъ ему успѣхъ въ дѣлахъ¹). Недостатокъ въ надлежащемъ изслѣдованіи Св. Писанія есть другая причина, побуждающая дѣлать возраженія противъ достовѣрности его. Извѣстно, что само по себѣ Писаніе—не можно: по тѣ, которые не изслѣдуютъ всего написанного съ надлежащимъ тщаніемъ, нерѣдко заблуждаются²).

Божественное вдохновеніе безусловно исключаетъ въ Св. Писаніи возможность какихъ-либо противорѣчій. Чѣмъ чаще даже въ тотъ вѣкъ раздавались возраженія противъ Св. Писанія со стороны естественного человѣческаго разума, тѣмъ съ большею настойчивостью утверждалъ Златоустъ совершенное отсутствіе въ немъ противорѣчій. Это дѣлается св. отцомъ Церкви по различнымъ поводамъ и въ разнообразной формѣ. Такъ по поводу нѣкотораго различія между пророкомъ Моисеемъ и псалмопѣвцемъ (Быт. I, 1. 8 срав. пс. CXLVIII, 4) въ повѣствованіи о созданіи небесъ Златоустъ рѣшительно предупреждаетъ отъ мысли, будто Св. Писаніе въ чёмъ-либо противорѣчитъ себѣ. Познавъ истинность сказанного, необходимо тщательно сохранять его ученіе и заграждать слухъ отъ говорящихъ противное³). Обычно путемъ искуснаго истолкованія, по методу антіохійской школы, Златоустъ устраниетъ мнимыя самопротиворѣчія св. Писанія. Извѣстно, что Моисей, напримѣръ, разсказываетъ, что Авраама, Нахора, Лота и Сарру вывелъ изъ земли халдейской собственно Фарра, который вскорѣ умеръ въ Харранѣ (ср. Быт. XI, 31. 32). Между тѣмъ первомученикъ Стефанъ (ср. Дѣян. VII, 2. 4) представляетъ событие въ такомъ видѣ, что переселеніе совершается по рѣшенію именно Авраама, согласно божественного откровенія, полученнаго имъ въ Месопотаміи до прибытія въ Харранъ. „Что же“, спрашивается Златоустъ, „Божественное Писаніе, противорѣчитъ самому себѣ? Да не будетъ“⁴). Первомученикъ Стефанъ—

¹⁾ In Ier. X, 23; num. 4 (M. LV, 159. 160).

²⁾ In epist. I. ad Corinthios, XXXIV, 6 (M. LXI, 294).

³⁾ In Genes. IV, 3 (M. LIII, 42).

⁴⁾ In Gen. XXXI, 3 (M. LIII, 286).

правѣ, поскольку богоявление Аврааму имѣло рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе. Но справедливо пишеть и Моисей, поскольку Чарра, очевидно, по любви къ сыну рѣшился пойти въ Харранъ вмѣстѣ съ Авраамомъ¹⁾). Такимъ же путемъ примѣряются Златоустомъ и другія мѣста Св. Писанія. Пророкъ Моисей говоритъ, что Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ въ день седьмой (II, 3). Христосъ же свидѣтельствуетъ: „Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“ (Иоан. V, 17). Никакого противорѣчія, при снесеніи этихъ изреченій, по Златоусту, не представляется. Въ содержаніи божественного Писанія нѣть ничего противорѣчащаго. Пророкъ говоритъ о прекращеніи творческой дѣятельности Бога, т. е. произведенія какого-либо бытія изъ небытія. Христосъ же — о непрерывности божественного Промышленія на сохраненіе, продолженіе существующаго и управленіе имъ²⁾.

Въ положительной форме о непогрѣшимости слова Божія Златоустъ учитъ тогда, когда говоритъ о безусловной достовѣрности его, о высшемъ авторитетѣ, доказательной силѣ и пр. Ничего не можетъ быть сильнѣе по доказательному значенію Св. Писанія³⁾). Это—совершенно естественно. Вѣдь св. Біблія предлагаетъ намъ не умствованія человѣческія, а изреченія Божіи. А гдѣ говорить Богъ, тамъ никто противорѣчить не можетъ⁴⁾). Никто не долженъ говорить противное, словамъ Божіимъ, хотя бы кто преисполненъ былъ безумнаго самомнѣнія⁵⁾). Никто не долженъ задаваться праздными и излишними вопросами⁶⁾). Должно устраниться, какъ отъ безумнаго, отъ такого человѣка, который, увлекаясь собственными соображеніями, пожелаетъ противорѣчить божественному Писанію, а лучше просто сожалѣть о невѣжествѣ его⁷⁾). Великой опасности подвергаются люди, отваживающіеся не только не вѣритъ тому, что содержится въ божественномъ Писаніи, но и вводить другое отъ ума своего (*εἰδεῖσθαι διανοίας*)⁸⁾. Кто не желаетъ слѣдовать правилу (*τὸν κανόνι*)

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem: X, 7 (M. LIII, 89); cp. in psalm. CIX, 2 (LV, 265).

³⁾ In psalm. III (M. LV, 36).

⁴⁾ Ibidem (M. LV, 36).

⁵⁾ In Genes II, 3 (LIII, 29); cap. I.

⁶⁾ Ibidem: VII, 4 (M. LIII, 66).

⁷⁾ Ibidem: X, 6 (LIII, 88).

⁸⁾ In Gen. XIII, 3 (LIII, 109); cap. II.

божественного Писания, а напротивъ даетъ мѣсто собствен-
нымъ умозаключеніямъ, тотъ не только возмущаетъ свой
собственный умъ, но и въ здравое ученіе о православныхъ
догматахъ вносить безконечные споры и словоцренія ¹⁾. На-
противъ, тотъ, кто убѣждается отъ писаній, не подвергается
сомнѣнію ²⁾. Такой авторитетъ св. писаній обусловливается
именно ихъ божественнымъ происхожденіемъ. Такъ какъ
Писаніе—божественно, то и все сказанное въ немъ о Богѣ
истинно ³⁾. Между тѣмъ, какъ обыкновеннымъ чувствамъ че-
ловѣка—свойственно обманываться, благодать Духа сооб-
щаетъ истины непреложныя ⁴⁾. На этой почвѣ опредѣляется
и отношение человѣка къ слову Божьему: съ великою благо-
дарностью нужно принимать наставлениія бож. Писанія ⁵⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

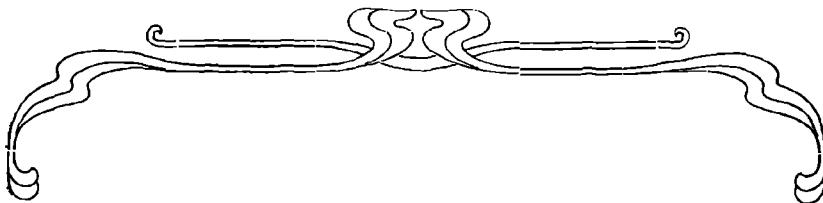
¹⁾ Ibidem: XIV, 2 (M. LIII, 113).

²⁾ In Act. apostol. XXXVII, 1 (M. LX, 264).

³⁾ In psalm. IV, 1 (M. LV, 57).

⁴⁾ In Isa, VII, 5 (LVI, 84).

⁵⁾ In Gen. III, 3 (LIII, 35).

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение).

Собственно непогрѣшимость св. текста богословская наука усвояетъ *автографамъ* богоизбранныхъ писателей. Несмотря на большую тщательность, на стараніе переписчиковъ, въ отдѣльные экземпляры и даже полное собрание св. книгъ могли вкрасться и некоторые погрѣшности чрезъ посредство списковъ, копій и переводовъ. Особенно это было возможно при передачѣ или перепискѣ названий мѣстъ, лицъ, обозначеній чиселъ и т. п. Св. Златоустъ вполнѣ *сознаетъ* здѣсь *важность различія между автографами и копіями, оригиналами и переводами* Св. Писаній. Это доказывается двумя примѣрами изъ комментаріевъ св. отца Церкви на евангеліе отъ Иоанна и на книгу пророка Даниила. Въ существовавшемъ въ то время текстѣ четвертаго евангелія мѣстомъ Иоаннова крещенія указано было Виѳанія (Іоан. 1, 28). Св. Златоустъ справедливо замѣчаетъ, что Виѳанія была не по ту сторону Іордана и не въ пустынѣ, а близъ Іерусалима. Поэтому, ссылаясь на списки болѣе исправные, Златоустъ утверждаетъ, что мѣстомъ крещенія была Виѳавара ¹⁾, какъ доказывалъ и Оригенъ. Въ комментаріи на книгу пророка Даниила подобное замѣчаніе дѣлается о хронологической датѣ сновидѣній царя Навуходоносора. Въ спискахъ книги, употреблявшихся въ вѣкъ Златоуста, говорилось о второмъ

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 4 за 1912 годъ.

¹⁾ In Ioann. XVII, 1 (M. LIX, 107).

годъ царствованія Навуходоносора (II, 1). Самъ Златоустъ доказываетъ, что сны видѣлись вавилонскому царю не во второй, а въ двѣнадцатый годъ. Если Иерусалимъ былъ взятъ, въ девятомъ году правленія Навуходоносора и послѣ этого прошло три года, то годъ сновидѣнія, очевидно, былъ двѣнадцатымъ. Въ виду того, что у евреевъ однимъ и тѣмъ же знакомъ обозначаются числа: два и двѣнадцать, возможна была ошибка переписчика. Но, можетъ быть, пророкъ разумѣлъ второй годъ послѣ того, какъ отроки были представлены ко двору царя ¹⁾). При истолкованіи св. писаній, особенно псалмовъ, Златоустъ, слѣдя традиціямъ антіохійской школы, изслѣдуетъ и сравниваетъ различные переводы. Въ этомъ обнаруживается его горячее стремленіе приблизиться къ первоначальному состоянію богоиздѣненнаго подлинника ²⁾). Однако, Златоустъ сравнительно рѣдко отмѣчаетъ разногласія между оригиналомъ и наличнымъ текстуальнымъ преданіемъ. Слѣдовательно, его истолкованія опираются на предположенія полной или по крайней мѣрѣ, весьма существенной гармоніи между ними.

Разсматривая Біблію въ ея отношеніи къ читателямъ, Златоустъ учитъ, что по своей формѣ она *обязана своимъ происхожденіемъ снисхожденію* Божію къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ говоритъ „о снисхожденіи словъ, по причинѣ немощи человѣческой“. Это снисхожденіе есть нечто большее, чѣмъ простая аккоммодация. Богъ говоритъ съ людьми чрезъ людей. Слѣдовательно, говорить ихъ же словами, ихъ же языкомъ. Грубость стиля нѣкоторыхъ изъ богоиздѣненныхъ писаній объясняется грубостью (*παχύτης*) читателейихъ—іудеевъ. Именно божественная благость, или человѣколюбіе служатъ источникомъ божественного снисхожденія. Великое начало, выраженное Златоустомъ въ ученіи о „снисхожденіи“, имѣть весьма широкое приложеніе. Какъ въ историческомъ воиплощеніи вѣчное Слово содѣжалось плотью, такъ въ богоиздѣнной Біблії Божія слава облеклась плотскою одеждой человѣческой мысли, человѣческаго языка. Біблія одновременно есть книга и сущность, лѣто-

1) In Dan. II, 1 (M. LV, 199).

2) Срав. in psalm. VIII (LV, 106. 116); IX, 3 (LV, 125); X, 1 (M. LV, 140); XI, 2 (LV, 145); XLIII, 6 (LV, 177); CXXXI, 3 (LV, 382), CXXXV, 1 (LV, 400); CXXXVII, 1 (M. LV, 408. 409) и др.

пись и содержание исторического Откровения. Въ Библії Господь научаетъ человѣческий родъ такъ же, какъ отецъ наставляетъ сына своего въ дѣтствѣ, отрочествѣ, юности. Уроки богодохновенной Библіи соответствуютъ различнымъ періодамъ и переломамъ жизни, огвѣчаютъ все возрастающимъ потребностямъ человѣческихъ способностей.

По учению Златоуста, Библія есть именно книга, написанная Духомъ Божіимъ чрезъ людей и для людей. Какъ таковая, она отпечатлѣвается на себѣ постепенное развитіе божественного Откровенія, соответственно различнымъ періодамъ человѣческой исторіи. Божественное снисхожденіе къ людямъ выразилось какъ въ *формѣ*, такъ и въ *существѣ* изложенного въ богодохновенныхъ писаніяхъ Откровенія.

Св. писатели излагаютъ возвышенныя истины Откровенія по-человѣчески (*γνῶστε τὸν θεόν*), въ человѣкообразныхъ формахъ, выраженіяхъ, приспособительно къ людямъ. Св. отецъ Церкви выражаетъ эти мысли весьма часто по различнымъ поводамъ и въ различныхъ формахъ. Божественное Писаніе обо всемъ говорить по снисхожденію къ намъ 1). „Божественное Писаніе повѣствуетъ обо всемъ приспособительно къ нашей немощи“ 2). Все излагается Писаниемъ по человѣческому обычаю, такъ какъ оно принимаетъ простонародную рѣчь людей 3).

Иногда это снисхожденіе къ людямъ представляется у Златоуста какъ преднамѣренное вполнѣ *сознательное дѣло* самихъ св. писателей. „Говорящій Духомъ все рассказывалъ, сообразно, приспособительно къ слушателямъ“ 4),—такъ характеризуетъ св. отецъ Церкви повѣствованіе Моисея о происхожденіи міра и человѣка. Точно также о пророкѣ Исаїи сказано, что онъ приспособлялся къ человѣческому обычаю въ виду того, что и рѣчь его обращена къ людямъ 5). Составители псалмовъ употребляли весьма чувственныя выраженія (ср. пс. VII, 13; СІІІ, 32; ХСІІІ, 4; СХЛІІІ и др.). Это они дѣлали съ тою цѣлью, чтобы люди самые нераумные видѣли, что не на словахъ должно останавливаться, а вы-

1) In Genes. cap. I, hom. X, 7 (M. LIII, 88).

2) Ibidem. XXII, cap. V (M. LIII, 191).

3) In Isa. XIII, 19–20; издание мокитаристовъ. Венеция 1887; col. 165.

4) In Gen. IV, 3 (LIII, 29).

5) In Isa. VI, (M. LVI, 69).

водить изъ нихъ богоприличныя мысли ¹⁾). Иногда составители псалмовъ начинаютъ свою рѣчь съ изображеній чувственныхъ, а слушателей руководятъ къ предметамъ духовнымъ ²⁾). Но бываютъ и обратные случаи, когда они, подобно искуснымъ художникамъ, идутъ обратнымъ путемъ, а именно: отъ высокихъ выражений къ чувственнымъ (ср. пс. XLIV и другое) ³⁾).

Такъ какъ приспособленіе св. писаній къ людямъ органически связано съ самымъ божественнымъ ихъ вдохновеніемъ, то и снисхожденіе (*сυγκατάβασις*) усвояется Златоустомъ *Духу Святому или вообще Богу*. Такъ вся библейская исторія міротворенія, по учению св. отца Церкви, носитъ печать такого снисхожденія. Въ вѣкъ Моисея родъ человѣческий былъ еще слабъ и не могъ понять совершеннѣйшаго ученія. Поэтому Духъ Святый, двигавшій устами пророка Моисея, говорить памъ *обо всемъ* приспособительно къ слабости слушающихъ ⁴⁾). Богъ допускаетъ о Себѣ слова недостойныя, чтобы, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ люди могли открыть глаза и понять великія и высокія истины вѣры ⁵⁾, Богъ употребляєтъ слова снисхожденія, выраженія грубыя, чтобы приблизить предметъ къ разумѣнію людей болѣе грубыхъ, чтобы подѣйствовать на пихъ ⁶⁾.

Происхожденіе божественного снисхожденія (*сυγκατάβασις*) объясняется Златоустомъ также *изъ самаго существа божественного Откровенія*. Какъ всесовершенный и безконечный Духъ, Богъ непостижимъ для людей вполнѣ: не только въ Своемъ Существѣ, но и въ Своихъ свойствахъ. Это должно сказать не только о людяхъ обыкновенныхъ, но также о пророкахъ и апостолахъ ⁷⁾). Если бы Откровеніе не удостоило часъ снисхожденія, не говорило съ пами по человѣческому обычаю, то намъ не понять бы изъ него ни одного слова ⁸⁾. Самъ Христосъ много и часто говорилъ о Себѣ по-человѣ-

¹⁾ In psalm. VII, 11 (M. LV, 97).

²⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

³⁾ In psalm. XLIV, 7 (M. LV, 193).

⁴⁾ In Gen. III, 3 (M. LIII, 34—35), cap. 1.

⁵⁾ In Ioann. XL, 2 (M. LIX, 100).

⁶⁾ In psalm. VI, 1 (M. LV, 71).

⁷⁾ Confr. Anom. I, 4 (M. XLVIII, 704—706).

⁸⁾ In Gen. X, 7 (M. LIII, 88).

чески, но благоприлично и достойно Своего высокаго происхождения, одновременно снисходя къ немощи слушателей и соблюдая вѣрность догматамъ. Если бы Христосъ не приспособлялся къ людямъ, то преподаваніе людячъ высокихъ догматовъ Его ученія было бы излишне, такъ какъ люди ихъ не поняли бы ¹⁾.

Божественное снисхожденіе вполнѣ согласуется съ ходомъ домостроительства спасенія человѣческаго рода. Богъ воспитываетъ человѣческий родъ по образу и подобию Своему. Но въ воспитаніи этомъ нельзѣ и не могло быть внезапныхъ переходовъ, разобщенныхъ скачковъ. Съ этой точки зреянія Библія представляетъ изъ себя полную лѣтопись религіозно-нравственнаго возрастанія чудовѣчества. Свою мысль Златоустъ поясняетъ прекрасными сравненіями. Учителя, принимающіе дѣтей непосредственно отъ родителей, преподаютъ имъ первые начатки ученія. Принимающіе же дѣтей отъ этихъ учителей должны сообщать имъ уже болѣе совершенныя познанія. Также поступаютъ и богодохновенные писатели. Моисей, напр., когда обращалъ рѣчь свою къ грубымъ іudeямъ, то говорилъ преимущественно о предметахъ чувственныхъ, чтобы чрезъ нихъ возвести своихъ читателей къ Создателю вселенной. Между тѣмъ писатели Нового Завѣта, какъ жившиѣ уже во времена благодати, наприм., ап. Павелъ въ посланіи къ колосянамъ (I, 16 и др.), Іоаннъ, сынъ громовъ въ евангеліи (ср. I, 3 и др.) идутъ уже другимъ путемъ ²⁾.

Сообразясь съ постепеннымъ развитіемъ людей, св. Библія отображаетъ, слѣдовательно, на себѣ различныя ступени его. Эту мысль Златоустъ доказываетъ чрезъ указаніе различія двухъ отдѣловъ св. письменности: Ветхаго и Нового Завѣтовъ. Руководство Ветхаго Завѣта—подобно корылленію молокомъ, любомудріе Нового Завѣта это какъ бы твердая пища. Не вскормивши молокомъ, никто не подаетъ твердой пищи ³⁾. По причинѣ нравственнаго усовершенствованія наученныхъ, нѣкоторыя изъ религіозно-нравственныхъ правилъ, изложенныхъ въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта, стали менѣе совершенными не по существу, а относительно. Луки

¹⁾ Contr. Apom. VII, 4 (M. XLVIII, 761).

²⁾ In Gen. II, 3 (M. LIII, 29).

³⁾ Hom. in 2 epist. ad Corinth. IV, 13 (M. LXI, 284).

и стрѣлы, сдѣланные для упражненія малолѣтнему царскому сыну, становятся безполезными, когда сынъ этотъ выростетъ и научится отличаться въ сраженіяхъ. Такъ точно и Господь—Богъ одво Откровеніе низшее замѣнилъ высшимъ и совершиеннѣйшимъ, когда люди возрасли въ нравственномъ отношеніи 1).

Какъ слѣдствіе изъ вышеизложенныхъ свойствъ бого-вдохновенного Писанія является ученіе Иоанна Златоуста о пользѣ Св. Писанія для читателей его. Глаголы Господа для того и преданы письмени дѣйствіемъ благодати Духа, чтобы люди получали предохранительныя врачаства противъ страстей своихъ²⁾. Человѣкъ, бесѣдующій съ Богомъ, слушающій бесѣду Божію, необходимо получаетъ пользу для своего духа. Мы поправляемъ на себѣ одежду, мы умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библію. Уже эта виѣшность является провозвѣстникомъ великой пользы отъ чтенія слова Божія³⁾. Особенно полезно чтеніе евангелія. Какъ только откроемъ эту книгу, тотчасъ видимъ предъ глазами имя Христово, видимъ Дѣву, сподобившуюся Духа, видимъ ангела, бесѣдующаго съ Нею (ср. Мате. 1, 18 и др.). Читая евангеліе, отвергнемъ все земное. Когда услышишь, что обрученная плотнику Дѣву, происшедшая изъ смиренного дома, сдѣлалась Матерью Владыки, то за ничтожество почтешь богатство, будучи богатъ. Зная, далѣе, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома, не будешь стыдиться бѣдности своей, если ты, дѣйствительно, бѣденъ. Видя Владыку лежащимъ въ ясляхъ, не будешь прилагать стараніе къ тому, чтобы украсить золотомъ дитя свое, чтобы устроить серебряное ложе для жены своей. Наконецъ, когда сдѣлаешься любителемъ бѣдности и презрителемъ богатства, то перестанешь лихоимствовать и похищать чужое⁴⁾. Также полезно чтеніе апостольскихъ посланій, особенно павловыхъ. Златоустъ сравниваетъ посланія апостола языковъ съ прекраснымъ благоуханнымъ лугомъ. На лугу глазъ видить множество разнообразныхъ цвѣтковъ, обиліе розъ, фіалокъ, апілій; такъ и въ писаніяхъ ап. Павла всюду разсѣянъ

1) Contr. Апом. X, 5 (М. XLVIII, 790).

2) De Lazarо: VII, 2 (М. XI. VIII, 1048).

3) In. Ioann. LIII, 3 (М. LIX, 295).

4) In. Ioann. LIII, 3 (М. LIX, 296).

разнообразный плодъ духа, разлито обильное и великое благоуханіе¹⁾.

Вообще, польза отъ божественныхъ писаній—значительна. Справедливо ап. Павель говоритьъ, что все, написанное прежде, написано намъ въ наставлениѣ, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшненіемъ изъ Писаній сохраняли надежду (Рим. XV, 4)²⁾. Справедливо и великій пророкъ Давидъ, зная пользу отъ Писаній, уподобляется человѣка, постоянно внимавшаго Писаніямъ, наслаждающагося бесѣдою съ пими, — стоящему при потокахъ водъ и всегда цвѣтущему растенію, называется блаженнымъ мужа, воля которого въ законѣ Господнемъ, который день и ночь поучается въ семъ законѣ (ср. Пс. I, 1—3)³⁾. Ничто, дѣйствительно, не можетъ такъ способствовать праведности поведенія и чистотѣ жизни, какъ усердное слушаніе божественныхъ Писаній. Что—пища для тѣла, то—изученіе божественныхъ вѣщаній для души: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Мате. IV, 4). По этой причинѣ обыкновенно испытываютъ голодъ тѣ, которые въ этой трапезѣ не участвуютъ. Но безумно дѣлать все и принимать всѣ мѣры для избѣженія тѣлеснаго голодса, а духовный голодъ на себя навлекать. Насколько духовныя блага выше вещественныхъ, настолько велика бываетъ потеря для человѣка, оставляющаго чтеніе божественныхъ Писаній, хотя бы, взамѣнъ этого, было найдено цѣлое сокровище золота. Вещественные блага не будутъ сопровождать насъ въ будущую жизнь, не переселятся съ нами на небо, не предстанутъ предъ страшнымъ престоломъ, но часто, напротивъ, оставляютъ насъ еще прежде смерти. Духовное же сокровище есть приобрѣтеніе неотъемлемое. Оно повсюду слѣдуетъ за нами и на пути, и при нашемъ отшествіи, доставляя намъ великое дерзновеніе предъ Божіимъ престоломъ⁴⁾. Поэтому всѣмъ, привязаннымъ къ этой жизни, Златоустъ настойчиво совѣтуетъ приобрѣтать богодохновенные книги св. Писанія, какъ лучшее врачевство для души. Если кто не пожелаетъ приобрѣсти чего-либо другого, то пусть, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ De stat. ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17).

²⁾ In Ioann. XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

³⁾ De utilit. lection Scriptur. 2 (M. LI, 89).

⁴⁾ Contr. Anom. XI, 3 (M. XLVIII 800, 801).

пріобрѣтеть Новый Завѣтъ, Дѣянія св. апостоловъ, Евангелие—постоянныхъ паставниковъ нашихъ. Если постигнетъ кого скорбь, пусть приникаетъ къ нимъ, какъ сосуду, наполненному цѣлебнымъ веществомъ. Случится ли утрата, смерть, потеря близкихъ—оттуда нужно почерпать утѣшеніе въ своемъ несчастии. Впрочемъ, не приникать только къ имъ должно, но принимать всецѣло и хранить въ своемъ умѣ. Отъ пезпанія Писанія происходитъ всякое зло¹⁾. Обстоятельное чтеніе слова Божія, соединенное съ глубокимъ истолкованіемъ его смысла, Златоустъ сравниваетъ по приносимой ими пользу съ дождемъ, который медленно исходитъ на лицѣ земли, подобно елею, проникаетъ въ ея глубину проходами, какъ пѣкоторыми жилами, и дѣлаетъ ее способною къ произведенію плодовъ. Писанія въ этомъ отношеніи подобны духовнымъ облакамъ, а слова и мысли ихъ дождю²⁾). Но этой причинѣ велика вредъ отъ небреженія чтеніемъ слова Божія. Отъ незнанія Писанія произошли безчисленныя бѣдствія. Отсюда произрасла великая зараза ересей, отсюда—перадивая жизнь, бесполезные труды. Какъ лишенные свѣта не могутъ идти прямо, такъ не визиравшіе на лучъ божественнаго Писанія вынуждаются много и часто грѣшить, потому что, дѣйствительно, ходятъ въ самой глубокой тьмѣ³⁾.

Высокое возрождающее дѣйствіе слова Божія на духовную жизнь людей побуждало Златоуста горячо призывать всѣхъ къ усердному чтенію и внимательному изслѣдованію его. Ничто, по учению ов. отца Церкви, не свидѣтельствуетъ такъ о человѣческой душѣ, какъ любовь къ слову Божію. Напротивъ, ничто не обличаетъ столько души неразумной, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣческое достоинство⁴⁾. Постоянное чтеніе богодохновеннаго Писанія должно происходить не только въ Церкви, но и дома. Оно должно быть занятіемъ не только отшельниковъ, но и мірянъ. Въ этомъ отношеніи никто пусть не дѣлаетъ холодныхъ, достойныхъ всякаго осужденія отговорокъ: я привязанъ къ

1) In epist. ad. Colossenses; IX, I (M. LXII, 361—362).

2) De utilit. lection, Scriptur. 2 (M. LI, 90).

3) In epist. ad Romanos; praeface. 391—392 (M. LX, 391. 392).

4) De mutat. nominum I (M. LI, 114).

судилицу, я занималась общественными дѣлами, я упражняюсь въ ремеслѣ, имѣю жену, воспитываю дѣтей, управляю домомъ, я—человѣкъ мірскон; не мое дѣло—читать Писанія, а тѣхъ, которые отказались отъ міра и поселились на вершинахъ горъ. Напротивъ, именно обращающіеся среди множества дѣлъ имѣютъ больше всего нужду въ помощи божественныхъ Писаній. Отшельники, устроивъ келіи въ пустынѣ, безпрепятственно любомудрствуютъ въ своей мирной тишинѣ, какъ бы сидя въ пристапи. Мы же, міряне, волнуемся какъ бы среди моря, впадаемъ во множество грѣховъ, а потому и нуждаемся въ непрерывномъ утѣшенніи отъ Писаній¹⁾. Глубокій вредъ происходитъ именно отъ мысли, будто чтеніе божественнаго Писанія подобаетъ однімъ только монахамъ. Наоборотъ, для того, кто живеть въ мірѣ и каждый день получаетъ новые раны, особенно и нужно врачевство. Считать излишнимъ чтеніе Писанія—гораздо хуже, чѣмъ не чигать его. Такая мысль—сатанинское внушеніе²⁾. Для болѣе нагляднаго изображенія пользы отъ чтенія Бібліи Златоустъ прибѣгасть къ сравненію. Царскія орудія доставляютъ великую защиту жителямъ тѣхъ мѣстъ, где они хранятся. Точно также оттуда, где находятся духовныя книги, прогоняется всякая злая сила и живуцимъ подается великое назиданіе въ добродѣтели³⁾. Въ виду этого Златоустъ убѣждаетъ внимательно читать и изучать каждое изреченіе, каждое слово св. Писанія. Желающіе получить какой-либо плодъ отъ того, что прочитывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Многое, что съ первого взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокій сокровенный смыслъ⁴⁾. По прекрасному сравненію Златоуста, человѣкъ опытный не оставитъ безъ вниманія въ золотыхъ рудникахъ ни малѣйшей жилы; потому что и она можетъ доставить великое богатство. Точно также и въ божественныхъ Писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту. Надобно въ нихъ все изслѣдовать, потому что все въ нихъ сказано Духомъ Святымъ и нѣтъ ни-

¹⁾ De Laz. III, 1 (XLVIII, 992).

²⁾ In Matth II, 5 (M. LVII, 30).

³⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994).

⁴⁾ In Ioann. LVII, 1 (M. LIX, 311).

чего излишняго¹⁾). Когда при очисткѣ руды, бросаютъ ее въ плавильную печь, то вынимаютъ не только одни цѣльные куски золота, продолжаетъ далѣе свое сравненіе Златоустъ, но собираютъ съ большой тщательностью и маленькия крупинки. Такоже и при очисткѣ золота, извлеченаго изъ рудниковъ св. Писанія, нужно собирать тщательно и маленькия крупинки, или краткія изреченія, имѣющи, однако, великое значеніе²⁾.

Убѣждая всѣхъ читать Библію, св. отецъ Церкви, какъ это—вполнѣ естественно, преподаетъ касательно этого чтенія рядъ руководственныхъ наставлений. Слово Божіе необходимо читать съ благоговѣніемъ и вѣрою. Чтеніе Писаній безъ вѣры не можетъ принести пользы читающимъ³⁾. Слова Писанія не только должно прочитывать, но и понимать. Иначе никакой пользы отъ чтенія не будетъ. Какъ необходимо спускаться внизъ для раскопки и отысканія сокрытаго въ землѣ сокровища, такъ необходимо внимательно изслѣдоввать глубины Писаній, потому что одно чтеніе не показываетъ сокровищъ заключенныхъ въ нихъ благъ⁴⁾. Кромѣ того, Писаніе не приносить намъ пользы, если мы не видимъ цѣли его⁵⁾. Необходимо тщательное чтеніе, внимательное слушаніе Писаній: чтеніе Писаній есть откровеніе неба⁶⁾. Подобно искателямъ золота, раскапывающимъ рудники до тѣхъ поръ, пока не выберутъ всего золота, читатели должны оказывать усердіе и стараніе въ изслѣдованіи божественныхъ изреченій⁷⁾. Если со тщаніемъ будемъ изслѣдовать Писанія, то окажемся въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если постоянно станемъ упражняться въ Писаніяхъ, то узнаемъ правые доктрины и добродѣтельную жизнь⁸⁾. Не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностью необходимо приступать къ словамъ Писанія. Кто станетъ слушать, что читается въ немъ безъ разсужденія

¹⁾ Ibidem. XXXVI, 1. (M. LIX, 203).

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17. 18).

³⁾ Contr iudeos I, 5 (M. XLVIII, 851).

⁴⁾ Hom. de mutat. nom IV, 3 (in illud: 1 Cor I, 1). (M. LI, 148).

⁵⁾ In psalm. III, 1 (M. LV, 35).

⁶⁾ In Isa. II, 2 (M. LVII, 109).

⁷⁾ De verbis. apostoli 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 291).

⁸⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

нія и все принимать буквально такъ, какъ сказано, тотъ можетъ предполагать много нелѣпаго о Богѣ. Пожалуй въ такомъ случаѣ онъ допустить, что Богъ есть и человѣкъ, что онъ—гнѣвливъ, яростенъ и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то всякой такой пелѣпости избѣжитъ ¹⁾. Если да гдѣ мы будемъ смѣшивать порядокъ его изреченій, то такое чтеніе никакой пользы намъ не принесетъ ²⁾. Не знающіе порядка мыслей, не вникающіе въ особенности и законы Писанія, пробѣгающіе его невнимательно и безразлично не найдутъ сокровища, скрытаго въ немъ ³⁾. Тѣ, которые ссылаются на неясность или непониманіе св. Писанія, обыкновенно только дѣлаютъ изъ этого предлогъ, отговорку, прикрытие своей лѣноты предъ наслѣдованіемъ его ⁴⁾. Между тѣмъ богодохновенныя книги потому и составлены людьми простыми и неучеными, чтобы быть всемъ удобопонятными ⁵⁾. Если же читатель той или другой богодохновенной книги не пойметъ того, о чёмъ въ ней говорится, то онъ долженъ обратиться къ мудрѣйшему или же идти къ церковному учителю. Если, несмотря на это, читатель не изъяснить искомаго, то Самъ Богъ, впія стараніе и усердіе его, несомнѣнно откроетъ ему смыслъ даннаго мѣста ⁶⁾.

IV

Св. Златоустъ учить о богоодѣйственности Библії *въсякою обѹихъ отदѣлахъ*, т. е. о богоодѣйственности книгъ Ветхаго и Нового Завѣтovъ.

Касательно ветхозавѣтныхъ книгъ въ вѣкъ Златоуста существовали *две крайности*. Вопреки волѣ Божией, *iudei и ѹдействующіе* такъ почитали писанія Ветхаго Завѣта, что признавали необходимымъ соблюдать всѣ ихъ постановленія, хотя время для этого уже прошло ⁷⁾. Но одновременно существовало направлѣніе противоположное. Рядъ еретиковъ

¹⁾ In Ioann. XV, 1 (M. LIX, 97.) Cp. ibid. LVIII, I (M. LIX, 315).

²⁾ In Ioh. XXX, 8 (LIX, 174).

³⁾ In Ioh. XL, 1 (M. LIX, 229),

⁴⁾ De Laz. III, 3 (M. XLVIII, 995).

⁵⁾ Ibidem: III, 2 (M. XLVIII, 994).

⁶⁾ Ibidem: III, 3 (XLVIII, 995).

⁷⁾ De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII 667).

исключалъ ветхозавѣтную письменность и, главнымъ образомъ, письмія Моисея изъ состава книгъ богодохновенныхъ¹⁾. Главное мѣсто среди послѣднихъ направленій занимать гностицизмъ. Постоянныя упоминанія о гностикахъ въ рѣчахъ и проповѣдяхъ, произнесенныхъ Златоустомъ въ Антиохіи и Константинополѣ, достаточно доказываютъ, что жизненность секты этой еще не была истощена. Однако, ея мантія въ это время уже попала въ руки другой секты, назвавшей проявлять значительную энергию. Уже сдѣлавшися архіепископомъ Царя-града, Златоустъ неоднократно начиная упоминать о манихеяхъ, какъ сектангахъ еще новыхъ и юныхъ. По отношенію къ св. книгамъ Ветхаго Завѣта эти сравнительно еще юные лжеучители повторили заблужденія болѣе древнихъ предшественниковъ.

Среди вышеуказанныхъ двухъ крайнихъ направленій св. Церковь занимала положеніе *совершенно определенноетвердое*. Вся древнехристіанская литература представляеть памъ св. Церковь съ Ветхимъ Завѣтомъ въ рукахъ, изъясняющу и доказывающую, что Иисусъ есть Христосъ. Библія Ветхаго Завѣта является авторитетнымъ богодохновеннымъ первоисточникомъ для наставленія, проповѣди, оглашенія, споровъ съ ересями и язычествомъ. „Избѣгая крайностей послѣдователей лжеученія Валентина, Маркіона и іудеевъ, замѣчаетъ по этому поводу Златоустъ, Церковь идетъ среднимъ путемъ. Она не соглашается подчиниться игу закона и не доцукраиваетъ хулить его, но хвалить и по прекращеніи за то, что онъ былъ въ свое время полезенъ. Поэтому, кто памѣревается бороться съ тѣмъ и другими, долженъ сохранять это равновѣсіе. Если, желая научить іудеевъ, что они неблаговременно держатся древняго законодательства, онъ начнетъ порицать его безъ пощады, то подастъ этимъ желающимъ изъ еретиковъ немалый поводъ его хулить. Когда же стараясь заградить уста этимъ еретикамъ, намѣренно станетъ превозносить и восхвалять законъ, какъ необходимый въ настоящее время, то откроетъ уста іудеямъ“²⁾.

Гностики и особенно Маркіонъ усвоили происхожденіе Ветхаго Завѣта правосудному, лишеному благости Богу³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII, 667).

³⁾ In 2 epist. ad Corinth VIII, 2 (M. LXI, 455).

По учению гностиковъ, „не одинъ и тотъ же Богъ ветхаго и новаго завѣта“¹⁾. Манихеи производили ветхозавѣтную письменность отъ злого Начала²⁾, обвиняли ветхозавѣтный законъ въ погрѣшностяхъ³⁾. Вопреки своимъ противникамъ, Златоустъ рѣшительно утверждаетъ единство происхожденія и божественнаго авторитета обоихъ завѣтовъ. Свою точку зрѣнія св. отецъ Церкви выражаетъ въ разной формѣ. Оба завѣта другъ отъ друга нераздѣльны⁴⁾; оба завѣта имѣютъ одного Законодателя⁵⁾. Таковымъ Законодателемъ былъ Самъ Единородный Сынъ Божій⁶⁾. Самъ Богъ говорилъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ завѣтѣ⁷⁾. Слѣдовательно, слова ветхаго и новаго завѣтовъ принадлежать однѣмъ устамъ одному Владыкѣ⁸⁾. Выражаясь болѣе точно, Златоустъ учитъ, что одинъ и тотъ же Духъ дѣйствовалъ въ обоихъ завѣтахъ⁹⁾, что ветхій и новый завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ¹⁰⁾. Какъ одинъ и тотъ же хозяинъ можетъ выносить новое и старое, такъ точно возможно, чтобы одному и тому же Богу принадлежали новый и ветхій завѣты. Въ томъ, что Богъ не только создаетъ новое, но и въ ветхомъ обнаруживаетъ изобиліе, Онъ показываетъ Свое богатство и изобиліе¹¹⁾. Между обоими завѣтами пѣтъ противорѣчія и противоположности, а только различіе—въ названіяхъ. Ветхое бываетъ ветхимъ, при новомъ, но въ этомъ противорѣчія нѣтъ¹²⁾.

Единство происхожденія двухъ завѣтовъ доказывается *существеннымъ сродствомъ* ихъ. Ветхій Завѣтъ имѣть сродство съ Новымъ¹³⁾. Сродство ихъ Златоустъ доказываетъ на-

¹⁾ In illud I Cor. XI 3 (M. I LI, 245).

²⁾ In 2 epist ad Corinth VIII, 2 (LXI, 455).

³⁾ In ep ad Roman. XII, 4 (M. LX, 500).

⁴⁾ Hom. de Legislatore I, (M. LVI, 398).

⁵⁾ De poenitent 5 (M. XLIX 320).

⁶⁾ In Isa II, 4 (LVI, 31).

⁷⁾ Hom de Legislatore: I, (M. LVI, 398).

⁸⁾ Hom. De Legislatore I, (M. LVI 398).

⁹⁾ In 2 epist. ad Cor. IX, 2 (LXI, 416).

¹⁰⁾ In psalm IX V 2 (LV 321).

¹¹⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (LI 282).

¹²⁾ Ibidem. col 283.

¹³⁾ In illud: 1 Cor X, I (M. LI. 247).

глядно сходствомъ добрыхъ дѣлъ двуихъ вдовицъ: сарептской въ Ветхомъ Завѣтѣ, удостоившейся принять пророка и—въ Новомъ Завѣтѣ положившей дѣлъ лепты¹⁾). Два завѣтга—это какъ бы дѣлъ сестры, рожденныя отъ одного отца. По этой причинѣ оба завѣтта говорять согласно: у нихъ почти одинъ и тотъ же видъ и полное сходство. Какъ между сестрами, рожденными отъ одного отца, существуютъ черты сходства, такъ имѣютъ большое между собою сходство и два завѣтта, какъ рожденные отъ одного Отца. Если въ ветхомъ завѣтѣ первое мѣсто занимаетъ законъ, а за нимъ слѣдуютъ пророки, то въ Новомъ, благодатномъ завѣтѣ предшествуетъ евангеліе, а за нимъ слѣдуютъ апостолы. Тамъ дѣнадцать пророковъ: Осія и другіе, и кромѣ того еще четыре: Ісаія, Іеремія, Іезекійль и Даніилъ, здѣсь—дѣнадцать апостоловъ и четыре евангелиста²⁾). Всѣ части обоихъ завѣтловъ соединены между собою неразрывнымъ единствомъ цѣли; цѣль эта—исправленіе людей³⁾.

Такъ какъ Ветхий Завѣтъ соединилъ съ новымъ Сынъ Божій⁴⁾, то знаніе и ученіе о Христѣ и служили связью между богодохновенными писателями этихъ завѣтловъ. Пророки Ветхаго Завѣтта не писали бы о Христѣ, если бы не знали Его⁵⁾. Одинъ и тогъ же духъ вѣры двигалъ устами Давида и дѣйствовалъ на душу Павла (ср. пс. CXV, 1 и 2 Кор. IV, 13). Отсюда—очевидно, что между пророками и апостолами есть великое сродство, что между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ—великое согласіе⁶⁾. Благодаря такой идейной гармоніи, писатели Нового Завѣтта могли въ совершенствѣ понимать рѣчь писателей Ветхаго Завѣтта, объяснять образъ ихъ мыслей, какъ напр. ап. Павель—прор. Ісаіи (ср. Ис. LXV, 1 и Рим. X, 20⁷⁾).

При единствѣ Ветхаго Завѣтта съ Новымъ⁸⁾, первый уступаетъ второму въ славѣ. Дѣлъ великия метафоры ап.

¹⁾ Hom. de Ilia, I (M. LI, 338, 339).

²⁾ De creat mundi I, 3 (M. LVI, 433).

³⁾ Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 313).

⁴⁾ In Matth. II, 2 (M. LVII, 26).

⁵⁾ In Ioann. XLI, 2 (LIX, 237).

⁶⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13; num. 2 (LI, 291).

⁷⁾ In Isa. praef. (M. LVI, 11).

⁸⁾ Cpal. in Matth. XXXV, I, (M. LVII, 406).

Павла обыкновенно предносятся мысли Златоуста, когда онъ опредѣляетъ значеніе ветхозавѣтнаго Откровенія въ общей исторіи спасенія человѣчества. Первая—состоитъ въ параллели между Ветхимъ Завѣтомъ и покрываломъ на лицъ законодателя (ср. 2 Кор. III, 12—16). Не па буквахъ закона собственно лежало покрывало, а на чтеніи этихъ буквъ, на сердцахъ читателей. Пророкъ покрывалъ лицо свое не ради самого себя, а по причинѣ грубаго, плотскаго разумѣнія іудеевъ¹⁾. Не для того положено было покрывало, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы іудеи на эту славу не смотрѣли: къ этому іудеи не были достаточно способны²⁾. Слѣдовательно, законъ имѣлъ свойственную ему славу. Но іудеи не могли, по причинѣ плотскаго своего разумѣнія, созерцать ее вполнѣ. Слава закона приводила ветхозавѣтное человѣчество ко Христу³⁾. Другая метафора имѣеть для себя основаніемъ понятіе о Ветхомъ Завѣтѣ, какъ пѣстунъ воспитателъ человѣчества. Двоякую пользу приносилъ Ветхій Завѣтъ человѣчеству: онъ руководилъ людей къ посильной добродѣтели и въ то же время возбуждалъ въ нихъ сознаніе грѣховности. Какъ бы въ какихъ стѣнахъ, въ страхѣ и жизни по закону содержалъ людей законъ Ветхаго Завѣта. А чрезъ это онъ соблюдалъ ихъ для вѣры, распологалъ искать Сына Божія и Спасителя. Пѣстунъ не противодѣйствуетъ, а напротивъ, содѣйствуетъ учителю (ср. Гал. III, 24). Пѣстунъ удерживаетъ юнаго питомца отъ всякаго порока, со всякимъ тщаніемъ приготавляетъ его къ принятію учительскихъ уроковъ. Но пѣстунъ оставляетъ питомца, когда онъ приобрѣтѣтъ навыкъ въ жизни (Гал. III, 25—26). Такъ какъ древнее человѣчество было заключено подъ стрѣжею Ветхаго Завѣта, какъ пѣстунъ своего, то ветхозавѣтный законъ былъ, очевидно, сотрудникомъ, а не противникомъ благодати. Посему, по пришесгвіи благодати, законъ не могъ болѣе удерживать людей подъ игомъ своимъ. Этую мысль с отецъ Церкви поясняетъ сравненіемъ. Свѣтильникъ даетъ свѣтъ ночью, но съ наступленіемъ дня дѣлается излишнимъ, да и препятствуетъ видѣть солнце. Такова же была бы и роветхозавѣтного откровенія при яркомъ сіяніи солнца правда.

¹⁾ In 2 epist. ad Corinth. III, 7. 8, hom. VII, 3 (M. LXI, 446).

²⁾ Ibidem (M. LXI, 447).

³⁾ Ibidem: VII, 2 (M. LXI, 445).

Также и пъстунъ поставилъ бы себя въ смѣшное положеніе въ томъ случаѣ, если бы удерживалъ при себѣ своего питомца, когда время требуетъ оставленія его¹⁾.

Говоря объ отпосительномъ песовершенствѣ Ветхаго Завѣта, Златоустъ, подобно апостолу языковъ, учить, что Завѣтъ этотъ написанъ буквами и чернилами, между тѣмъ какъ Новый—начертанъ Духомъ²⁾. Разъясняя свой образъ, Златоустъ продолжаетъ: скрижали Ветхаго Завѣта начертаны буквами на камняхъ; Новозавѣтныя же написаны Духомъ на сердцахъ апостоловъ³⁾. Совершенно естественно, что древнія скрижали и начертанія *приносили смерть тѣмъ*, которые преступали письмена⁴⁾. Между тѣмъ Новый Завѣтъ не только сообщалъ жизнь, но даровалъ и Духа, дающаго жизнь, что—важнѣе самой жизни⁵⁾. Безъ ветхозавѣтнаго закона грѣхъ былъ слабъ; грѣхъ былъ совершаємъ, но не могъ такъ подвергать осужденію, потому что зло, хотя и существовало до закона, но не обнаруживалось съ такою ясностью. Законъ, слѣдовательно, содѣйствовалъ какъ большему познанію грѣха, такъ и увеличенію наказанія. Если, имъ цѣлью ограничить грѣхъ, законъ сдѣлалъ его болѣе тяжкимъ, то вина не во врачѣ, а па томъ, кто худо пользовался врачевствомъ⁶⁾. Дѣйствіе закона, поэтому, Златоустъ противополагаетъ дѣйствію благодати (срав. 2 Кор. III, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать освобождается отъ него. Какъ законъ, обличая, обнаруживаетъ грѣхъ, такъ благодать, прощаю, не позволяетъ оставаться подъ грѣхомъ⁷⁾. Если законъ и былъ духовенъ (ср. Рим. VII, 14), то не могъ подавать Духа, потому что Моисей принесъ не Духа, а только письмена⁸⁾. Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ и могли давать жизнь, напр. пророки, то это была жизнь низшая, но и этой жизни пророки безъ Духа Божія не могли сообщить⁹⁾.

¹⁾ In Gal. cap. III (M. LXI, 655. 656),

²⁾ In 2 epist. ab Corinth VI, 3 (M. LXI, 438).

³⁾ Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 441).

⁴⁾ Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 442).

⁵⁾ Ibidem. VII, 1 (col. 443);

⁶⁾ In 1 epist. ad Corinth. XLII, 2 (M. LXI, 365).

⁷⁾ In epist. ad Rom. XI, 3 (LX, 488).

⁸⁾ In 2 epist. ad Corinth. VI, 2 (LXI, 438).

⁹⁾ In. epist. 2 ad Corinth. VI, 3 (M. LXI, 439).

Самый способъ сообщенія откровеній обоихъ Завѣтovъ, по мысли Іоанна Златоуста, показываетъ различіе между ними по степени. Законъ древній данъ былъ въ пустынѣ, на горѣ Сипаѣ, въ огнѣ и дымѣ, при звуки трубы, среди грома и молніи, по вступленіи Моисея въ самый мракъ. Новый Завѣтъ даруется не въ пустынѣ, не на горѣ, пе среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступленіи дня въ домѣ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ, когда все происходило въ глубокой тишинѣ. Для людей грубыхъ, необузданыхъ, очевидно, нужны были явленія чувственныя, поразительныя, какъ пустыня, гора, дымъ, звукъ трубъ. Между тѣмъ для болѣе вышенныхъ, болѣе покорныхъ, ставшихъ выше чувственныхъ понятій людей ни въ чемъ подобномъ не было необходимости¹⁾.

Опредѣляя взаимоотношеніе между собою двухъ откровеній, Златоустъ, подобно другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, часто указываетъ и опредѣляетъ *прообразовательное, типическое значеніе* Ветхаго Завѣта въ отношеніи Нового. Образы Ветхаго Завѣта, какъ прообразованія, предварительно предначертали домостроительство, имѣвшее совершиться въ Новомъ, съ пришествіемъ Христа²⁾. Ветхій Завѣтъ содержалъ въ себѣ только прообразы будущихъ благъ: прощеніе грѣховъ, крещеніе, таинственная трапеза евхаристіи и др. были преднаписаны и прообразованы въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта³⁾). Такъ какъ іудеи были несмыслены и дѣтски ма-лоумны, то Богъ бесѣдовалъ съ ними прикровенно. Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ, когда люди были удостоены великой свободы и стали способны къ участію въ совѣтѣ, Богъ сталъ бесѣдовать съ ними ясно и открыто, какъ съ друзьями (1 Кор. X, 14—16)⁴⁾. Покрывало неясности на св. письменности Ветхаго Завѣта обличало немощь читателей и слушателей, по причинѣ которой не возможно было преподавать ученія совершенного и исполненного любомудрія, ученія о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ⁵⁾). Въ качествѣ примѣра, св.

¹⁾ In Matth. I, 1 (LVII, 15).

²⁾ In Ioann XIV, 3 (M., LIX 95).

³⁾ In. 1 epist. ad Corinth, IX, 24; hom. XXIII, 3 (M. LXI, 192); ер. hom. XXIV, 2 (LXI, 200).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth.; XXIV, 1 (M. LXI, 199).

⁵⁾ De proph. obscur. II, 1 (M. LVI, 176. 177).

Златоустъ указываетъ на повѣствованіе Моисея о происходѣніи міра, въ сравненіи съ началомъ евангелія отъ Иоанна. Моисей приспособляется къ слабости, къ несовершенству ума своихъ современниковъ, а потому и повѣствованіе свое начинаетъ съ мира видимаго: „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“ (Быт. I, 1). Въ Новомъ Завѣтѣ родъ человѣческій сдѣлалъ успѣхи въ совершенствованіи. Поэтому, сынъ громовъ ведеть слушателей своихъ къ высшему ученію уже другимъ путемъ, когда говоритъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Иоанн. I, 1¹). Объясненія существо взаимнаго отношенія ветхозавѣтнаго типа къ новозавѣтной дѣйствительности, Златоустъ говоритъ: „прообразъ—не противоположенъ истинѣ, но сроденъ ей“ ²). Для нагляднаго объясненія своей мысли Златоустъ указываетъ на работу живописцевъ въ ея постепенномъ развитіи. Желая сдѣлать царское изображеніе, живописецъ проводить по темному фону бѣлныя полосы и какъ бы тѣнями начертываетъ царя, царскій престолъ, коней, коньесцевъ, враговъ связанныхъ или поверженныхъ. Смотря на всѣ эти первоначальные тѣни, зритель не все узнаетъ, не все понимаетъ, но только неясно различаетъ, что изображается человѣкъ или конь. Пока не будуть наложены пастоящія краски, не изобразятъ лицъ, не сдѣлаютъ ихъ яснѣйшими, зритель отчетливо не можетъ увидѣть, какой царь или какой врагъ изображены на картинѣ. Какъ прежде наложенія пастоящихъ красокъ нельзѧ требовать отъ картины полнаго совершенства и совершенно достаточно получить иѣкоторое неясное представленіе о предметѣ, такъ и отъ ветхозавѣтныхъ книгъ нельзѧ требовать всей точности въ представленіи истины посредствомъ образа, а достаточно только оттѣнковъ этой истины. Отсюда открывается, какъ сходство образа съ истиной, такъ и превосходство истины предъ образомъ. Образъ не долженъ быть вполнѣ чуждъ истины: иначе онъ не будетъ образомъ. Но, съ другой стороны, онъ не долженъ быть равенъ истинѣ: тогда онъ былъ бы самою истиной. Образъ долженъ оставаться въ своихъ предѣлахъ: не имѣть всего и не быть лишеннымъ всего, что имѣеть истина. Если бы образъ имѣлъ все, то былъ бы

¹⁾ In Genes. Hom. III, 2 (M. LIII, 34)

²⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI 285); пим. 5

самою истину; а если бы лишенъ всего, то не могъ быть образомъ. Образъ долженъ имѣть одно, а другое—оставить истину¹⁾). Прообразъ называется такъ до тѣхъ поръ, пока не явилась истина. Когда же пришла истина, онъ уже теряетъ свое название. Когда живописецъ набросалъ эскизъ царя, то его не называютъ еще изображеніемъ царя, пока не наложены еще краски. Когда же краски наложатся, прообразъ закрывается истиной, дѣлается невидимъ, и мы говоримъ тогда: вотъ—царь²⁾.

Такъ какъ Ветхій Завѣтъ былъ несовершенъ, то онъ и былъ замѣненъ *Новымъ*. Отмѣна эта, впрочемъ, совершила не потому, что древній законъ былъ несовершенъ по самому своему существу, а потому, что его сдѣлало несовершеннымъ теченіе времени. Для того времени, когда законъ былъ данъ, онъ былъ достаточно совершенъ и пригоденъ. Но, вслѣдствіе того, что руководимый закономъ родъ человѣческій сдѣлался нравственно совершеніе, законъ сталъ менѣе совершеннымъ. Когда мы были менѣе совершенны и занимались упражненіями, Богъ далъ намъ и соответственное оружіе, которое мы легко могли носить. Затѣмъ мы возросли въ нравственномъ отношеніи, и отъ этого самое оружіе стало несовершеннымъ³⁾). Кромѣ того отмѣна древней религіи должна была произойти вслѣдствіе развращенія и отверженія іудейства⁴⁾). Самъ по себѣ древній законъ Христу не противорѣчитъ. Этого не могло быть, потому что законъ данъ Христомъ и къ Нему насы руководитъ⁵⁾. Между Моисеемъ и Христомъ противорѣчія нѣть (ср. Мате. V, 32; XIX, 4—19 и Втор. XXIV, 1—4)⁶⁾. Если бы древній законъ произошелъ отъ злой силы, то Христосъ разрушилъ бы власть ея. Между тѣмъ Господь не нарушалъ закона, не противился ему, но исполнялъ, одобрялъ (ср. Мѳ., V, 17; Рим. X, 4; III, 31)⁷⁾, превозносилъ, называя сокровищемъ (Мѳ. XIII, 52)⁸⁾. Съ другой стороны, если бы законъ былъ

¹⁾ In illud: 1 Cor. XI, 1; num. 4 (M. LI, 247. 248).

²⁾ In epist. ad Phillip. X, 2 (M. LXII, 257).

³⁾ Adver. anom. X, 5 (M. XLVIII, 790).

⁴⁾ Adv. iud. VII, 3. 4 (M. XLVIII, 920—921).

⁵⁾ Ibidem: II, 2 (XLVIII, 859); ср. I, 5 (M. XLVIII, 852).

⁶⁾ De libello repudii II (M. LI, 219—221).

⁷⁾ In Matth. XVI, 2 (M. LVII, 241).

⁸⁾ Ibidem: XLVII, 3 (M. LVIII, 484).

худъ, то не слѣдовало бы снимать съ него покрывала. Закону надлежало бы оставаться прикровеннымъ и послѣ благодати. Но благодать дѣлаетъ приступающихъ къ ней болѣе проницательными въ дѣлѣ разумѣнія закона. Христосъ открываетъ очи людямъ, приступающимъ къ Нему, чтобы они могли видѣть руководство закона, а, сдѣлавшись яснымъ, законъ съ легкостью можетъ руководить разумѣющихъ дѣла Христовы. Это составляетъ лучшее доказательство сродства закона съ благодатю. Ни Христосъ, слѣдовательно, не враждуетъ противъ закона, ни законъ—противъ Иисуса. Напротивъ, законъ приготовляетъ людей къ великому любомудрію, а Христосъ принималъ³ ихъ оттуда и возводилъ на верхъ совершенства¹). Законъ заслуживаетъ похвалы именно за то, что сдѣлалъ людей способными подняться надъ мелочностью написанного въ немъ и возвыситься до высочайшиль догматовъ Христовыхъ²).

Новый Завѣтъ, слѣдовательно, есть *высшая ступень божественного Откровенія*, по отношенію къ которой Ветхій Завѣтъ имѣеть значеніе подготовительное. Въ этомъ именно смыслѣ Златоустъ излагаетъ свое ученіе о превосходствѣ новозавѣтнаго Откровенія. Новый Завѣтъ названъ таковымъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ всякая вещь называется новою тогда, когда она содержитъ въ себѣ что-либо болѣе, въ сравненіи со старою. Такъ старый, готовый разрушиться домъ называется новымъ, послѣ того какъ разбирается его основаніе, вынимается одно, вставляется другое: уничтожается одно, остается другое; небо называется новымъ, когда ниспосыпаетъ дождь; земля,—когда не остается безплодною, но измѣняется въ плодоносную (ср. Ис. LXV, 17) и т. п.³). Не разноглася и пе противорѣча Ветхому Завѣту, Новый превосходитъ его. Ветхій—это письма, камень, служеніе смерти и имѣеть конецъ. Новый есть духъ, правда и пребываетъ вѣчно⁴). Христовы заповѣди, какъ заповѣди любви, во всемъ совершеннѣе повеленій закона⁵). Если бы высокія и великия заповѣди Нового Завѣта Законодатель предложилъ

¹⁾ De proph. obscur. I, 7 (M. LVI, 175).

²⁾ Adv. iud. II, 2 (XLVIII, 860).

³⁾ In epist. ad Hebr. XIV, 3 (M. LXIII, 114).

⁴⁾ In 2 epist. ad Corinth. VII, 4 (M. LXI, 447).

⁵⁾ De poenitent. 2 (M. XLVIII, 947).

людямъ съ самаго начала, то они не приняли бы ихъ. Поэтому мудрость Законодателя въ Ветхомъ Завѣтѣ соображается съ обстоятельствами времени, съ расположениемъ духа людей. Законъ о мщениі и законъ о незлобії (ср. Исх. XXI, 24 и Мат. V, 39) даны однимъ и тѣмъ же Законодателемъ, но оба предписаны вполнѣ своевременно и съ величайшою пользою, благодаря чemu могла быть исправлена вся вселенная¹⁾). Ветхозавѣтная правда не потому не вводила въ царство, что была худа, но потому, что настало время вышлихъ заповѣдей. Несовершенство этой правды вовсе не доказываетъ ея безусловную непригодность. Иначе и о правдѣ Нового Завѣта можно было бы сказать то же самое. Вѣдь и ея знаніе, въ сравненіи съ знаніемъ будущимъ, есть эпапіе несовершенное и, какъ таковое, подлежитъ уничтоженію (ср. 1 Кор. XIII, 10). Хотя настоящая правда и уступить мѣсто новой, когда мы достигнемъ царства Божія, все же мы называемъ ее великой. Не земля, текущая молокомъ и медомъ, не маститая старость, не многочадіе, не хлѣбъ и вино, не стада овецъ и воловъ обѣщаютъ намъ правду Нового Завѣта, а небо, блага небесныя: усыновленіе и братство съ Единороднымъ, соучастіе въ наслѣдії, въ славѣ въ царствованіи и пр. Въ этомъ различіи—превосходство—очевидно²⁾). Въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ закономъ, законъ Христовъ исполненъ кротостью, попечительностью, и великое человѣколюбіе оказывается въ самой мнимой строгости его³⁾.

Кромѣ высоты ученія, Златоустъ указываетъ рядъ *другихъ преимуществъ* Нового Завѣта надъ Ветхимъ. Древній законъ былъ данъ собственно одному народу. Въ то время, какъ другіе народы имѣли впутри законъ естественный: законъ совѣсти, для іudeевъ Богъ сдѣлалъ нѣчто особенное, а именно: изложилъ имъ требованія закона письменно⁴⁾. Слѣдовательно, законъ Моисея научалъ народъ въ одномъ углу вселенной. Между тѣмъ слово евангельской проповѣди возвѣщено по всей землѣ, распространилось по всѣмъ стра-

¹⁾ In Math. XVIII, I (M. LVII, 265).

²⁾ Ibidem: XVI, 5 (M. LVII, 244. 245).

³⁾ In Ioann XIV, 3 (M. LIX, 95).

⁴⁾ In psal. CXLVII, 3 (M. LV, 482).

намъ, какія толькъ освѣщаетъ солнце ¹⁾). Ветхій Завѣтъ—темище Новаго, по причинѣ грубости слушателей ²⁾). Въ Ветхомъ Завѣтѣ—много труднаго, и книги ветхозавѣтныя неудобопонятны. Новый Завѣтъ, напротивъ, яснѣе и удобопонятнѣе, хотя въ немъ говорится о предметахъ болѣе важныхъ: о царствѣ небесномъ, о воскресеніи тѣлъ и неизъяснимыхъ благахъ, которыя даже выше ума человѣческаго ³⁾). Новый Завѣтъ превосходитъ Ветхій и по силѣ значенія своего для человѣка. Новозавѣтный человѣкъ получаетъ великую славу и честь. Имѣя своею главою Христа, онъ дѣлается тѣломъ Его, становится братомъ, сонаслѣдникомъ, образомъ тѣла Его. Такая слава—блестательнѣе всякой порфиры и діадемы. Она превосходитъ славу Моисея, который полагалъ покрывало па лицо свое, ради сыновъ израилевыхъ (2 Кор. III, 13; XIII, 18) ⁴⁾. Вѣра Новаго Завѣта утвердила волю закона, привела къ концу то, для чего законъ все дѣлалъ и, такимъ образомъ, усовершила законъ ⁵⁾). Самое разбитіе скрижалей пророкомъ Моисеемъ указывало на конецъ закона. Этимъ предначертанъ былъ типъ того, что законъ нѣкогда долженъ совершенно прекратиться ⁶⁾).

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In ps. XLVIII, 1 (M. LV, 222).

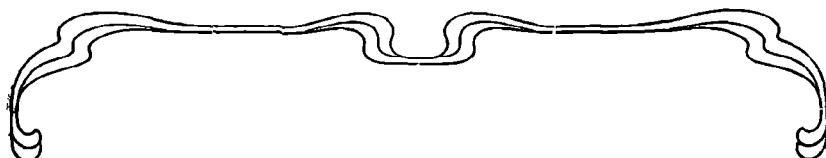
²⁾ De obscurit. Veter. Testam. I (LVI, 176).

³⁾ De obscurit. proph. 3 (M. LVI, 167).

⁴⁾ In psal. VIІІ, п. 7 (M. LV, 117).

⁵⁾ In epist. ad Roman. VII, 4 (M. LX, 447);

⁶⁾ In Ierem. cap. XXXI, 32 (M. LXIII, 983).

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение ¹).

V.

Исходя изъ того, что Ветхій и Новый Завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ¹), Иоаннъ Златоустъ учитъ о боговдохновенности св. книгъ обоихъ каноновъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ существенною частью Златоустъ признаетъ, конечно, законъ (у́боc). Въ Писаніи закономъ называется весь ветхій завѣтъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ подъ закономъ разумѣются собственно „заповѣди, которыя Богъ открылъ въ законѣ чрезъ Моисея“ ²).

Фактъ божественнаго происхожденія изложеннаго въ пяти книгахъ Моисея закона, утверждается св. отцомъ Церкви, въ противоположность дуалистическимъ ученіямъ гностиковъ и манихеевъ. Гностикъ *Маркіонъ* признавалъ двухъ различныхъ виновниковъ для законовъ ветхаго и новаго завѣтовъ ³). *Манихей* же рѣшительно утверждалъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола ⁴) и потому почиталъ законъ грѣховнымъ ⁵).

¹) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1912 годъ.

²) In psalm. CXV, 2 (M. LI, 321).

³) In Matth. LXXII, 1 (M. LVIII, 667).

⁴) In illud: 1 Gor. X, 1; n. 3 (M. LI, 245).

⁵) In Matth. XVI, 1 (M. LVII, 241).

⁵) In epist. ad Roman. XII, 4 (LX, 500).

Златоустъ, напротивъ, учить, что Самъ Богъ вдохновилъ блаженнааго Моисея, изваялъ скрижали, держалъ его сорокъ дней на горѣ и еще столько же другихъ, чтобы дать законъ¹⁾. Устами пророка человѣколюбивый Богъ научаль родъ человѣческий²⁾. Свое ученіе Моисей преподавалъ, руководимый Духомъ³⁾, излагалъ все по внушенію Духа⁴⁾. Не отъ себя говориль пророкъ, но то, что внушила ему благодать Духа⁵⁾. Поэтому и слова Моисея Златоустъ называетъ благодатию Духа Святаго⁶⁾. Откровеніямъ отъ Духа Святаго Моисей былъ наученъ какъ сынъ отъ отца⁷⁾.

Въ связи съ такимъ ученіемъ о боговдохновенности Моисея стоитъ и *характеристика его*, какъ пророка и человѣка. Во всей древней исторіи не было никого, равнаго Моисею⁸⁾. Глава и столпъ ветхозавѣтныхъ пророковъ⁹⁾, мужъ святой, рабъ Божій, другъ, близкій и вѣрный Богу¹⁰⁾. Моисей былъ обогащенъ мірскою мудростью и въ то же время исполненъ духовнаго знанія, былъ одновременно силенъ въ словѣ и во всякой добродѣтели¹¹⁾. Дивный въ священной исторіи, пророкъ былъ самымъ краткимъ изъ всѣхъ людей¹²⁾.

Происшедшій отъ столь великаго пророка законъ, какъ произведеніе божественнаго вдохновенія, поэтому, *не могъ быть противоположенъ откровенію Бога во Христѣ*. Между Моисеемъ и Христомъ нѣть и не могло быть противорѣчія¹³⁾. Напротивъ, законъ и евангеліе органически связаны между собою единствомъ происхожденія. Оба имѣютъ одного Законодателя. Если новый законъ введенъ Христомъ, то и древній данъ Имъ же: Христосъ говорилъ и чрезъ Моисея.

¹⁾ In epist. ad Hebr. VIII, 4 (M. LXIII, 74).

²⁾ In Gen. III, 2 (M. LXIII, 34); cap. I.

³⁾ Ibidem. II, 3 (M. LXIII, 29); cap. I.

⁴⁾ II, 3; cap. I (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: IV, 2. (M. LXIII, 41); cap. I.

⁶⁾ De sancto hieromartyre Babyla: 1, 2 (M. L, 532).

⁷⁾ In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274)

⁸⁾ De mutatione nominum. III, 3 (M. LI, 134).

⁹⁾ См. epist. ad Olymph. II, 7 (LII, 563); de poenit. V, 2 (M. XLIX, 307).

¹⁰⁾ In Ioann. I, 15; XIII, 1 (M. LIX, 86); in Matth. LXXVIII, 4 (I. VII, 717).

¹¹⁾ De mutatione nominum III, 3 (M. LI, 134).

¹²⁾ Ibidem; cfv. in Gen XXIII, 3 (M. LIII, 200); (LXI, 1 (LIV, 291).

¹³⁾ De libelle repudii: II; in illud: 1 Cor. VII, 39, 40 (M. LI, 219—222).

Съ точки зрењія постепеннаго развитія божественнаго Откровенія Иоаннъ Златоустъ видить въ законѣ Моисея одну изъ необходимыхъ его ступеней, которая обусловливалась свойствами органовъ, чрезъ которыхъ оно сообщалось, равно какъ приспособлялась къ способностямъ и потребностямъ людей. Въ трехъ видахъ примѣняетъ Златоустъ по отношенію къ закону моисееву свое учение о божественномъ синхронденіи къ человѣческой немоши. Во-первыхъ, побуждениями для дѣятельности указываются въ Ветхомъ Завѣтѣ чувственные предметы, потому что самые законы предназначались для людей несовершенныхъ, какъ бы для малыхъ дѣтей. Христіане же теперь подвизаются не для благъ настоящихъ, а для урожденія Богу, для неба, для благъ небесныхъ, въ надеждѣ на будущее¹⁾. Во-вторыхъ, некоторые изъ заповѣдей Божіихъ, данныхъ чрезъ Моисея, имѣютъ безусловное, другія—только относительное значеніе. Познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать, и пр.—это заповѣди съ непреходящимъ значеніемъ. Приносить жертвы, воскурять еніамъ, соблюдать субботу и пр., это заповѣдано не для того, чтобы само по себѣ было совершаемо, но для предохраненія отъ идолослуженія²⁾. Особенаго, нарочитаго божественнаго намѣренія устанавливать законы о жертвахъ не было. Но вслѣдствіе духовной немоши іудеевъ произошло то, что цѣлая книга Левитъ состоять изъ такихъ законовъ. Много ихъ встречается и во Второзаконії³⁾). Въ третьихъ, Самъ Господь за моисеевымъ закономъ признаетъ временное педагогическое значеніе. Это предполагается уже въ словахъ Господа: „сказапо древнимъ“ (ср. Мѳ. V 21, 27, 31, 33, 38, 43 и др.). Христосъ говорить такъ, чтобы пристыдить слушателей, отказывавшихся отъ исполненія высшихъ заповѣдей, подобно тому, какъ иногда учитель говоритъ лѣнивому ребенку: ты развѣ не знаешь, сколько времени ты потерялъ, учась складамъ?⁴⁾). Заповѣди моисеева закона, по учению Господа, не составляютъ окончательного, совершеннѣйшаго выраженія воли Божіей. Если въ Новомъ Завѣтѣ запрещается, напр., гнѣвъ (Мѳ. V 22), то этимъ только уговаривается

¹⁾ In psalm. CXXVII, n. 34. (M. LV 369, 370).

²⁾ In Isa. cap. I, n. 5 (M. LVI, 19).

³⁾ Ibidem: cap. I; n. 4 (col 19).

⁴⁾ In Matth. XVI, 5 (M. LXII, 245).

всехозавѣтная заповѣдь объ убийствѣ (Исх. ХХ, 13). Таковое запрещеніе исторгаетъ самый корень убийства: гнѣвъ¹⁾. Слова закона „око за око“ могутъ, конечно, казаться жестокими (ср. Исх. XI, 24). Но они получать иной смыслъ, если принять во вниманіе эпоху и характеръ еврейскаго народа. Если бы Законодатель не постановилъ правила о мщепіи, то Онъ вооружилъ бы злодѣевъ безстрашіемъ, безнаказанностью и стать бы подобенъ человѣку, раздавшему преступникамъ мечи²⁾. Для современной эпохи правило моисеева закона даже служило выражениемъ доступной для людей высшей степени человѣколюбія. Желая умѣрить справедливость благостью, Законодатель присуждаетъ виновника большаго проступка къ наказанію меньшему, сравнительно съ тѣмъ, какого онъ заслуживаетъ³⁾.

Говоря о св. писаніяхъ Моисея, Златоустъ называетъ ихъ *изображеніями души пророка*. Поэтому, читая эти писанія, мы наслаждаемся какъ бы присутствиемъ самого святого⁴⁾. Будучи первыми по времени происхожденія богодохновенными писаніями, книги Моисея обновили въ сознаніи людей естественный законъ, внѣдренный въ человѣка самой природой⁵⁾. Моисей составлялъ свои книги не для славы, не по способу языческихъ писателей, но для доброго наставленія потомковъ⁶⁾. Существо содержанія писаній пророка св. Златоустъ опредѣляетъ при обозрѣнії книгъ Ветхаго Завѣта. Книга Бытія повѣствуетъ о сотвореніи міра и о жизни людей, угодившихъ Богу. Исходъ говоритъ о чудесномъ освобожденіи іudeевъ изъ Египта, о пребываніи ихъ въ пустынѣ и дарованіи закона. Книга Левіть о жертвахъ и священно-служеніи. Книга Числь названа такъ потому, что по исходѣ изъ Египта Богъ повелѣлъ сосчитать народъ іудейскій. Во Второзаконіи Моисей вторично объяснилъ евреямъ законъ⁷⁾.

Какъ великий пророкъ, въ которомъ пребывалъ Духъ Святой⁸⁾, Моисей раскрылъ намъ въ книгѣ *Бытія* тайну тво-

¹⁾ Ibidem: XVI, 5 (LVII, 245. 246).

²⁾ In Matth. XVI, 6 (LVII, 246 247).

³⁾ Ibidem. XVI, 7 (col 247).

⁴⁾ Homilia in illud: psal. CXLV, I, (M. LVI, 520).

⁵⁾ In psalm. CXLII, (M. LV 455).

⁶⁾ Synopsis Script. Sacrae; (M. LVI, 313, 314).

⁷⁾ Ibidem: col. 314.

⁸⁾ In Isa. LXIII 1—2 (M. LVI, 457).

ренія. Моисей не былъ съ Богомъ, когда Онъ творилъ, но по откровенію былъ наученъ Духомъ, какъ сынъ отъ отца¹⁾. Сжатость и краткость суть особенности стиля книги Бытія²⁾. Книгу Исходъ Моисей также писалъ по наученію отъ Бога³⁾. Опредѣленія изъ книги Левитъ приводятся Златоустомъ, какъ слова Божіи чрезъ пророка Моисея⁴⁾, какъ изреченія божественного Писанія⁵⁾, повелінія Самого Бога⁶⁾. Книга Числь называется Писаніемъ [*χατ' εξογήν*⁷⁾], а Второзаконіе приводится къ подлинное слово Божіе⁸⁾, съ предвареніемъ: „говорить Богъ“⁹⁾.

Канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ раздѣляетъ на три класса: *историческая, нраво-учительская и пророческая*.

Къ первому классу Златоустъ причисляетъ, кроме пяти книгъ Моисея, книгу Іисуса Навина, Судей, четыре книги Царствъ, книги Ездры и др.¹⁰⁾. Вышеназванная классификація признается, впрочемъ, св. отцомъ Церкви не вполнѣ точной. Справедливо онъ оговаривается, что различные виды Писапій—между собою смѣшаны. Въ историческихъ сказанияхъ можно найти пророчество; отъ пророковъ можно услышать много разсказовъ историческихъ. Нравоученія и увѣщанія встречаются въ тѣхъ и другихъ книгахъ¹¹⁾, Божественное происхожденіе священно-историческихъ частей св. Бібліи налагаетъ на нихъ особую печать превосходства надъ обычновенными историческими памятниками. Въ то время, какъ языческие писатели изображаютъ войны и сраженія для получения себѣ писательской славы, Моисей излагаетъ исторію великихъ праведниковъ въ видахъ добра наставленія потомковъ. Онъ повѣствуетъ не о праведникахъ только, но и о грѣшникахъ, чтобы мы однимъ подражали, а примѣра другихъ избѣгали и чрезъ то и другое преуспѣ-

¹⁾ In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274).

²⁾ Ad Stag. II, 6 (M. XLVII, 457).

³⁾ Contr. apom: IV, 3 (M. XLVIII, 731).

⁴⁾ Hom. in illud; Maith. XXI, 23: n. 2 (M. LVI 414).

⁵⁾ Hom. in diem natal. 4 (M. XLVIII, 356).

⁶⁾ De sacerd. VI, 11 (M. XLVIII 686, 687).

⁷⁾ In psalm. CXXXI, I. (M. LV 379).

⁸⁾ Ad Theod. lapsum: 15 (M. XLVII, 301).

⁹⁾ Adver. indaeos. et gentiles demonstratio: VIII, 5 (M. XLVIII, 935).

¹⁰⁾ Synopsis Scripturae Sacrae: (M. LVI, 314, 315).

¹¹⁾ Ibidem (M. LVI, 316).

вали въ добродѣтели и усердіи¹⁾). Но этого мало. Божественное Писаніе нерѣдко показываетъ, какъ праведники падали, а грѣшники являли великое исправленіе. Чрезъ то и другое читатели библейской исторіи получали достаточное вразумленіе. Стоящій въ добрѣ не могъ предаться безопасности, видя падение праведниковъ. Пребывающій во грѣхахъ не впадалъ въ отчаяніе, зная, что многое раскаявшіеся грѣшники успѣли достигнуть самой высокой степени добродѣтели²⁾). Боговдохновенно-исторической части Библіи, слѣдовательно, излагаются подлинную, беспристрастную историческую истину³⁾). Въ нихъ лѣтъ красивыхъ вымысловъ или фантастическихъ картинъ, которыми изобилуютъ произведения свѣтской литературы и искусства⁴⁾).

Обращаясь къ существу боговдохновенности библейскихъ историковъ, Златоустъ отмѣчаетъ, что въ Библіи развиваются обыкновенно два принципа: правоучительный и духовный⁵⁾). Но, въ противоположность александрийцамъ вообще и Оригену въ особенности, Златоустъ мало вдается въ глубины мистического пониманія боговдохновенныхъ разсказовъ библейской исторіи. Для столь типичнаго антіохійца, какимъ былъ Златоустъ, главнѣйшее значеніе имѣть правоучительная сторона буквального пониманія св. подлинника. Изъ многихъ примѣровъ ограничиваемся нижеслѣдующими. Въ библейскомъ историческомъ разсказѣ о происхожденіи Евы (ср. Быт. II, 24) содержится глубокій мистической смыслъ. Здѣсь предначертана великая тайна объ отношеніи Христа къ Церкви (ср. Ефес. V, 28—32). Для Златоуста важна преимущественно нравственная сторона. Створеніемъ жены изъ ребра Адама предуказывается образъ взаимоотношенія мужа и жены⁶⁾. Жизнь первыхъ людей до преслушанія, дѣйствительно, доказываетъ преизбыточествующую любовь Бога, даровавшаго первымъ людямъ ангельское бытіе⁷⁾). Ап. Варнава даже въ числѣ рабовъ (318), съ помощью которыхъ Авраамъ пора-

¹⁾ Ibidem. (MLV, 313, 314).

²⁾ In Genes. XIX, I (M. LIII, 260); cap. IX; ep. XLV, I (M. LIV 414), cap. XV.

³⁾ Ibidem: XXXVII, I (M. LIII, 341, 342); cap. XV.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ In Genes. XV, 3 (M. LIII, 122, 123); cap. II.

⁷⁾ Ibidem: XV, 4 (M. LIII, 123, 125); cap. II.

зилъ царя эламскаго, находилъ предызображение тайны искупленія¹⁾). По истолкованію Златоуста, событіе представляется проще и естественнѣе. Авраамъ взялъ не всѣхъ своихъ слугъ, а только домочадцевъ, воспитывавшихся вмѣстѣ съ Лотомъ. Благодаря этому, сражаясь, какъ бы за своего господина, они могли совершить ищеніе съ гораздо большимъ рвениемъ²⁾). Для объясненія того, почему для обрѣзанія былъ назначенъ именно восьмой день, Густинъ-Мученикъ напоминалъ, что это—день воскресенія³⁾). Златоустъ усматривалъ здѣсь двѣ болѣе опредѣленныя цѣли. Человѣколюбивый Богъ назначилъ время обрѣзанія, во первыхъ, для того, чтобы легче можно было въ столь незрѣломъ возрастѣ переносить болѣзни; во-вторыхъ, чтобы показать, что обрядъ, совершаемый надъ дитятей, еще не имѣющимъ смысла, самъ по себѣ пользы не приносить, а предназначено быть только знаменіемъ⁴⁾). Извѣстно, далѣе, что бракъ патріарха Іакова съ двумя женами (ср. Быт. XXIX), для отцовъ Церкви (Густинъ-Мученикъ, Ириней ліонскій и др.) былъ обычнымъ мѣстомъ аллегорическаго истолкованія⁵⁾). Златоустъ, какъ антіохіецъ—реалистъ, смотритъ на такое двоеженство, какъ на типичное явленіе первобытной, патріархальной эпохи, весьма отличной отъ позднѣйшихъ эпохъ⁶⁾.

Ко второму классу ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ относитъ *книги учительныя*, содержащія въ себѣ нравственное ученіе и увѣщаніе, какъ-то Притчи, Екклезіасть, Пѣснь Пѣсней и др.⁷⁾.

Царь Соломонъ, составитель трехъ учительныхъ книгъ, характеризуется Златоустомъ, конечно, со стороны *его мудрости*. Уже будучи двѣнадцати лѣтъ, Соломонъ бесѣдовалъ съ Богомъ, имѣль предъ нимъ великое дерзновеніе⁸⁾). Принявъ царство отца своего Давида, Соломонъ просилъ Бога

¹⁾ Срav. его epist. cap. IX: Быт. XIV, 14,

²⁾ In Genes. XXXV, 4. (M. LIII, 327).

³⁾ См. его dialog. cum Tryph 260; такое мнѣніе высказывалъ и одинъ африканскій соборъ: Reliquae Sacrae. Routh. Edit. Oxon. 1846 III, pag. 100.

⁴⁾ In Genes. XXXIX, 5; cap. IX (M. LIII, 367).

⁵⁾ Срav. Iust. Dialog. cum. Tryph 364: Iren IV. XXXV. 3.

⁶⁾ In Genes. LVI, 3 (M. LIV, 489); cap. XXIX.

⁷⁾ Sypopsis Scripturae Sacrae. (M. LVI, 316).

⁸⁾ In Isa. III, 3 (M. LVI, 43).

даровать ему болѣе мудрости, нежели богатствъ и побѣдъ надъ врагами. Получивъ ее и сдѣлавшись мудрымъ болѣе всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, ставъ предметомъ удивленія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ, Соломонъ изрекъ три тысячи притчей, пять тысячъ пѣсней, разсуждалъ о всемъ, произростающемъ изъ земли и о всѣхъ животныхъ¹⁾.

На основаніи древне-еврейскаго преданія Златоустъ усвояетъ авторству Соломона собственно *три* вышеназванныхъ правоучительныхъ книги. Однако, ему известно и другое мнѣніе, приписывавшее Соломонову книгу „*Премудрость*“, какъ его подлинное произведеніе²⁾.

Происхожденіе названія *первой книги* Соломона Златоустъ ставить въ связь съ обычаемъ древности писать притчи, или мудрыя изреченія, на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути. Цѣль подобнаго обычая состояла въ томъ, чтобы люди, по крайней мѣрѣ, проходя и замѣчая написанное, вспоминали въ это и такимъ способомъ поучались. Въ собственномъ смыслѣ притча, слѣдовательно, означаетъ придорожное изреченіе, переносящее мысли наши отъ чего либо одного ко многому. По болѣе же точному опредѣленію существа писательского вдохновенія, притчи— это мудрыя изреченія, какъ бы загадки, которыя сами по себѣ представляютъ одно, но въ нихъ подразумѣвается нечто другое³⁾. Цѣль книги Притчей есть наученіе людей истинной мудрости и знанію, чтобы кто-либо, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впалъ въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ. Язычники, „называя себя мудрыми, обезумѣли“, (Рим. I, 22). Еретики, считая себя знающими, совратились, погрѣшили, осудили самихъ себя. Напротивъ, читатель, слыша и усвояя божественные изреченія подлинно боговдохновеннаго мудреца, не увлекаясь обольщепіемъ, становится сыномъ мудрымъ и скоро получаетъ познаніе о единомъ истинномъ Богѣ⁴⁾.

Фактъ боговдохновенности книги Притчей утверждается у Златоуста уже самымъ способомъ приведенія изъ нея от-

¹⁾ Sypopsis Scripturae Secrae (M. LVI, 370).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Synodysis Scripturae (M. LVI, 370).

⁴⁾ Ibidem. (370. 371).

дѣльныхъ изречений. Обыкновенно Златоустъ цитуетъ ихъ, какъ непосредственныя слова Самаго Бога, съ предвареніями: „Самъ Богъ сказалъ“, „Богъ повелѣваетъ по написанному“, или „сказано Святымъ Духомъ въ Притчахъ“ (ср. XIX, 17; III, 3; 1, 3)¹⁾ и т. п.

Книга Екклезіастъ, какъ очевидно изъ способа ея цитациі, также принималась Златоустомъ за подлинно-бого-вдохновенное Писаніе²⁾. Изреченія Соломона въ этой книгѣ называются у него чудными, исполненными мудрости³⁾.

Книга Пѣснь Пѣсней для Златоуста есть Писаніе по преимуществу⁴⁾. Какъ и другіе, Златоустъ представляетъ ее книгой мистического содержанія. Въ ней собраны таинственнѣйшія пѣсни, въ коихъ изображены отношенія Господа къ преданной Ему душѣ⁵⁾.

Изъ класса учительныхъ книгъ о книжѣ Іова Златоустъ сообщаетъ: „говорять, что книгу эту составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея“⁶⁾. Книга получила наименованіе отъ Іова, который жилъ прежде Моисея, такъ какъ былъ пятымъ послѣ Авраама потомкомъ Исафа⁷⁾. Книга имѣть своею задачею научить терпѣнію тѣхъ, которые впадаютъ въ искушенія, хотя благочестіе ихъ всѣмъ извѣстно, чтобы они не соблазнялись, но воскликали: „Господь дасть, Господь и взялъ: какъ угодно было Господу, такъ и сдѣжалось“ (1, 21)⁸⁾. Книга эта—полезна при всякомъ родѣ жизни и обстоятельствѣ. Мужъ и жена, старецъ и молодой, частное лицо и начальникъ, богатый и бѣдный, пользующійся счастемъ и удрученіемъ несчастьемъ,—всѣ могутъ получать изъ нея назиданіе⁹⁾. Для внимательныхъ многострадальный Іовъ служитъ примѣромъ не только терпѣнія и выносливости, но и другихъ добродѣтелей: мужества и постоянства при искушеніяхъ, удаленія отъ надменности,—

¹⁾ In Matth. XV, 9 (M. LVII, 236); in Isa. LVIII, 8—10 (M. LVI, 429); fragm. in Proverb. cap. 1, 3. 6 (M. LXIII, 660. 661).

²⁾ Fragm. in Iob. III, 21 22 (M. LXIII, 583) и др.

³⁾ De statuis ad popul. Antioch. XV, 2 (M. XLIX, 155).

⁴⁾ In I epist. ad Corinth. XXXIII, 6 (M. LXI, 286).

⁵⁾ In I epist. ad Thessal. VI, 4 (M. LXII, 434).

⁶⁾ Synops. Scripturae Sacrae (M. LVI, 362).

⁷⁾ Ibidem. ⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Fragm. in Iob. praefac. (M. LXIII, 507).

крутисти, умѣренности, общительности, вмѣстѣ съ свѣтлымъ настроеніемъ, при богатствѣ и силѣ, воздержности при удовольствіяхъ, справедливости въ судахъ и договорахъ, во всемъ—согласія и главной изъ добродѣтелей—любви¹⁾). Не было несчастья, случающагося съ людьми, котораго не испыталъ бы этотъ мужъ, твердѣйшій всякоаго адаманта. Одновременно онъ перенесъ голодъ, бѣдность, болѣзнь, потерю дѣтей, утрату богатства. Послѣ же того подвергся со стороны жены козпамъ, друзьями оскорблень, а слугами оплеваніемъ. Во всемъ этомъ Іовъ оказался твердѣйшимъ камня. Это—прежде закона и благодати²⁾). Въ виду необычайной борьбы и терпѣнія близко предположеніе, что богоизбѣженный писатель изображаетъ идеальный сверхчеловѣческій типъ. Но самыми начальными словами своего повѣстованія (I, 1) онъ даётъ понять, что это былъ, дѣйствительно, человѣкъ по природѣ одинъ изъ многихъ, а по добродѣтели высшей многихъ³⁾.

Каноническое достоинство и богоизбѣженность столь назидательной и полезной книги выражаются у Златоуста *наименованіями* ея „божественнымъ Иисаніемъ“ (γεία Γραφή⁴⁾), „закономъ божественнаго Духа“⁵⁾ и пр.

Къ третьему классу ветхозавѣтныхъ писаній Златоустъ относитъ книги пророческія. Въ этотъ классъ онъ включаетъ не только книгу шестнадцати пророковъ, но и псалмы Davida, вѣроятно, вслѣдствіе обилія въ нихъ пророческаго элемента⁶⁾. Замѣчательно, что сюда въ обозрѣніи отнесена св. отцомъ Церкви и книга Руѣб. Основаніемъ для этого могло быть прообразовательное значеніе Руїи. Существуетъ и другая гипотеза, что это сдѣлано по ошибкѣ писца⁷⁾.

Составителемъ псалмовъ Златоустъ почитаетъ *одного Davida*. Тѣ, которые утверждаютъ, будто не все псалмы принадлежать Давиду, но принадлежать и тѣмъ лицамъ, имена которыхъ ясно обозначены, достаточно не вникаютъ въ по-

¹⁾ Fragm. in Iob. (LXIII, 508).

²⁾ Ibidem (M. LXIII, 508. 509).

³⁾ In Iob. cap. 1, 1 (M. LXIII, 510).

⁴⁾ In Iob. I, 1: cap. 1 (LXIII, 511), ep. cap. XXXVIII; 36 (LXIII, 649).

⁵⁾ In Iob. I, 1 (M. LXIII, 519).

⁶⁾ Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 316).

⁷⁾ Ibidem.

рядокъ и сущность дѣла. Ни Господь, ни апостолы нигдѣ не упоминаютъ о другомъ какомъ-либо писателѣ псалмовъ, кроме Давида¹⁾. Въ лицѣ Давида Богъ, послѣ Моисея, Иисуса Навина, судей израильскихъ, воздвигъ для евреевъ царя добродѣтельного, праведнаго и пророка. Онъ и составилъ, по вдохновенію Духа Святого, книгу изъ ста пятидесяти псалмовъ. Эти псалмы были написаны рѣчью мѣрною, свойственнаю еврейскому языку. Они были пѣты благозвучно, съ разнообразiemъ въ голосѣ, съ различными музыкальными орудіями, съ ликованіемъ и припѣвами. Самъ пользуясь псалтирю, Давидъ имѣлъ подъ своимъ управлениемъ разные хоры меньшихъ пророковъ. Послѣдніе употребляли различныя музыкальныя орудія: кимвалы, флейты, тимпаны, трубы, псалтири. гусли, такъ называемыя пастушескія свирѣли. Каждый хоръ имѣлъ начальниковъ, изъ которыхъ одинъ назывался Асафомъ, другой—Идиумомъ, иные—сынами кореевыми, иной—Езамомъ израильяниномъ, иной—именемъ Моисея человѣка Божія. Когда самъ Давидъ возбуждался Духомъ провѣщевать или о плѣненіи народа, или о воавращеніи его, или о нравственномъ учениі, или о Промыслѣ Божиемъ, или о Владыкѣ—Христѣ, то онъ и составлялъ мѣрною рѣчью псаломъ, а потомъ отдавалъ его какому-либо хору. Играя на различныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, находившихся подъ управлениемъ Давида хоры пророковъ и воспѣвали съ ликованіемъ во славу Божію псалмы, внушенныя Духомъ Святымъ²⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія св. Иоанна Златоуста истиннымъ творцомъ вдохновенной лирики псалмовъ былъ царь Давидъ; прочія же лица, имена которыхъ стоятъ въ надписаніяхъ псалмовъ, были только проводниками вдохновенія Давида въ область религіозной музыки.

Утверждая единство происхожденія псалмовъ отъ Давида, а именно, что всѣ они написаны Давидомъ, хотя не всѣ о немъ³⁾, Златоустъ дѣлаетъ *характеристику* его. Великий, дивный, благородный пророкъ⁴⁾, Давидъ былъ украшеніемъ человѣческихъ нравовъ⁵⁾. Пѣвецъ и учитель цѣ-

¹⁾ Homil. in psalmos; praef. (LV, 532).

²⁾ In psalm. praef. (M. LV, 532. 533).

³⁾ In psalm. L, 1 (M. LI, 566).

⁴⁾ Homil. in illud: 2 Cor. IV. 13 (M. LI, 297); n. 8.

⁵⁾ De poenitentia (in psalm. L) (M. LXIII, 13).

ломудрія ¹⁾), онъ былъ въ то же время общимъ учителемъ вселенной, предлагалъ всѣмъ сокровище своего любомудрія ²⁾). Живя въ городѣ, управляя царствомъ, обремененный безчисленными заботами, Давидъ обѣять былъ любовью Христовою сильнѣе жившихъ въ пустыняхъ ³⁾). Благоговѣйная, пламенная любовь къ Богу ⁴⁾), величайшая кротость ⁵⁾), крѣпкое терпѣніе ⁶⁾), великодушіе ⁷⁾), дѣлами Давидъ былъ славнымъ предъ Богомъ и предъ людьми ⁸⁾.

Ученіе о богодохновенности пр. Давида изложено Златоустомъ въ весьма точныхъ выраженіяхъ. Чрезъ Давида и пророчествовалъ ⁹⁾), говорилъ Духъ Святый ¹⁰⁾). Своей духовной лирой Давидъ возвѣщалъ то, что внушилъ Духъ Святый ¹¹⁾). Сподобившись Св. Духа, пророкъ съ великимъ восторгомъ обозрѣвалъ дѣла творенія и выражалъ къ нимъ удивленіе (ср. Пс. СІІІ, 24) ¹²⁾).

Отсюда и писательское слово Давида не было произведеніемъ человѣческой только мысли, а главнымъ образомъ божественной благодати. То, что изрекалъ Давидъ, происходило не отъ человѣческаго усиленія, но отъ божественного вдохновенія, которое возбуждало его. Очищенное отъ грѣховъ, принявъ благодать Духа, сердце пророка „отрыгало слово благое“ (Пс. XLIV, 1) ¹³⁾. То же самое выражаетъ Златоустъ и въ другомъ мѣстѣ. Изрекаемое Давидомъ не было произведеніемъ человѣческаго ума, размышенія или сочиненія, но божественной благодати. Самъ Давидъ служилъ однимъ только языкомъ, какъ грифель въ рукахъ быстраго писца. Грифель же пишетъ то, что велитъ рука, которая его держитъ ¹⁴⁾. Хотя и говорять, что тѣ или другія слова при-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ In psalm. IХ: 5 (M. LV, 129).

³⁾ Ad Stelechium; II, 3 (M. XLVII, 414).

⁴⁾ In psalm. XLI 6, (M. LV, 164).

⁵⁾ In psalm. XLIV, 6 (M. LV, 191. 192).

⁶⁾ In psalm. VII, 14, (M. LV, 103).

⁷⁾ In psalm. III, (M. LV, 39).

⁸⁾ In Matth. II, 3 (M. LVII, 27).

⁹⁾ In psalm. СІІІ, 2 (M. LV, 261).

¹⁰⁾ M. LVII, 512.

¹¹⁾ Ibidem: 513.

¹²⁾ M. LI, 494.

¹³⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 183).

¹⁴⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

надлежать Давиду, но лучше было бы сказать: принадлежать не Давиду, а благодати Духа. Произносиль ихъ пророкъ, но языкомъ его двигалъ Утѣшитель. Какъ трость пишеть не сама собою, но по распоряженію движущей ее руки, такъ точно и языкъ пророковъ говорилъ не самъ собою, а по благодати Божіей ¹⁾). Такъ какъ произносимыя пророками слова были изреченіями божественными, письменами, нисшедшими съ неба, то не трости нужно приписывать письмена, но держащей ее рукѣ, т. е. не языку Давида, но движущей его благодати ²⁾.

Какъ произведенія вдохновленаго пророка ³⁾), Златоустъ называетъ псалмы Давида божественными внушеніями ⁴⁾), увѣщаніями божественаго Духа (τοῦ Θεοῦ Πνεύματος παραγένεται) ⁵⁾), написанными по вдохновенію Духа Святаго, внущенными отъ Духа Святаго ⁶⁾ и пр. Самая продолжительность псалмовъ или ихъ краткость, размѣръ ихъ, сообщающій разнообразіе самой книги, суть дѣло мудрости Духа ⁷⁾). Мысли и чувствованія, выраженные во псалмахъ, какъ-то: сильнѣйшая любовь, чрезвычайная радость, являются выраженіями вдохновенной души, вполнѣ объятой Духомъ Божіимъ ⁸⁾).

Самая *форма псалмовъ*, по своему происхожденію, связанается св. отцомъ Церкви съ особыми намѣреніями божественнаго Провидѣнія. Многіе изъ людей нерадивы, тяготятся чтенiemъ божественныхъ писаний, искохотно принимаютъ на себя такой трудъ. Желая сдѣлать этотъ трудъ привлекательнымъ, уничтожить чувство утомленія, Богъ и соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностью напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили Ему священные пѣснопѣнія. Ничто, дѣйствительно, такъ не возвышаетъ, не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ее отъ земли, не избавляетъ отъ узъ тѣла, не располагаетъ любомудрствовать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и

¹⁾ Homil. in illud. psalm. CXLV, I; п. 2 (LV, 520)

²⁾ In Isa.; cap. I, 1 (M. LV, 13).

³⁾ In psalm. CXXXVIII, 4 (M. LV, 416).

⁴⁾ In dictum illud prophetae David: psal. XLVIII, 17 (M. LV, 499).

⁵⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

⁶⁾ Pvaef. in psalm. (M. LV, 532, 534)

⁷⁾ In psalm. IX, 1 (M. LV, 121).

⁸⁾ In psalm. CIX, 8 (M. LV, 277).

стройно составленная божественная пѣснь. Самая человѣческая природа услаждается пѣснями и стройными напѣвами, имѣть къ нимъ склонность. Поэтому, грудные дѣти, когда плачутъ и бываютъ неспокойны, усыпляются ими. Нося дѣтей на рукахъ, ходя взадъ и впередъ, кормилицы напѣваютъ имъ какую-либо дѣтскія пѣсни и чрезъ это погружаютъ глаза ихъ въ сонъ. Часто и путешественники съ пѣніемъ совершаютъ свой путь и этими пѣснями облегчаютъ тягость своего путешествія. Также и земледѣльцы, когда выжимаютъ виноградный сокъ, собираютъ или очищаютъ виноградъ, часто поютъ. Работая веслами, мореплаватели дѣлаютъ то же. Женщины, когда прядутъ и расправляютъ гребнемъ спутавшуюся пряжу, поютъ какую-либо пѣсню, иногда каждая порознь, а иногда все вмѣстѣ. Всѣ же дѣлаютъ это для того, чтобы пѣніемъ облегчить трудность работы, такъ какъ душа легче можетъ переносить скуку и трудъ, при звукахъ стройной пѣсни. Вслѣдствіе того, что душа человѣческая имѣетъ склонность къ этому роду наслажденія, то, дабы злые духи введеніемъ развратныхъ пѣсень не испортили всего, Богъ для огражденія отъ нихъ установилъ псалмы, отъ которыхъ бываетъ вмѣстѣ удовольствие и польза. Отъ пѣсень мірскихъ можетъ произойти вредъ, погибель и много другихъ золъ. Все, что есть въ нихъ цурного и безнравственного, разслабляетъ и развращаетъ душу, когда проникаетъ въ нее. Напротивъ, духовная пѣсни доставляютъ великую пользу, великое назиданіе, великое освященіе и служать руководствомъ ко всякому любомуудрію. Слова ихъ очищаютъ душу, и Духъ Святый скоро нисходитъ въ душу, поющюю эти пѣсни. Гдѣ пѣсни духовныя, туда нисходитъ благодать Духа, освящающая уста и душу¹⁾.

Велико, поэтому, значение Давида, какъ псалмопѣвца. Давидъ, безъ сравненія, болѣе знаменитъ и извѣстенъ какъ пророкъ, чѣмъ какъ царь. Царство его простидалось на Палестину, а пророчество до предѣловъ вселенной. Царство Давида разрушилось въ короткое время, а пророчество приносить вѣчные глаголы. Лучше пусть солнце померкнетъ, чѣмъ слова Давида предадутся забвению²⁾.

¹⁾ In psalm. XLI, 1. 2 (M. LV, 156, 157).

²⁾ De poenitentia; II, 2 (XLIX, 286).

Собствено пророкамъ Златоустъ усвояеть высшую степень богоизбранности. Самое пророчество онъ понимаетъ какъ равнозначущее съ божественнымъ вдохновенiemъ. Пророчествомъ называется провозглашеніе сокровенныхъ истинъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ называетъ пророкомъ какъ Моисея, который достовѣрно описалъ, подъ руководствомъ вышней Десницы, порядокъ творенія и происхожденіе каждой вещи, такъ и ап. Петра, который чрезъ сверхъестественное просвѣщеніе раскрылъ корыстолюбіе и алчность Ананіи и Сапфиръ¹⁾.

Кромъ широкаго понятія о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ опредѣляетъ и *частныя, отличительныя его черты*. Пророкъ (*προφήτης*) не есть прорицатель (*μάντις*). Слова, напр., Валаама зависѣли отъ Силы, дѣйствовавшей въ немъ²⁾. Однако, онъ былъ только прорицателемъ (*μάντις*), волхвомъ (Иис. Нав. XIII, 22 по LXX-ти), хотя съ нимъ былъ Духъ Святый³⁾. Такжѣ языческие прорицатели и гадатели говорили много, но писколько не понимали того, что говорили⁴⁾. Вдохновеніе у языческихъ прорицателей является вліяніемъ непреодолимымъ, почти враждебнымъ. Оно помрачаетъ мыслительную способность человѣка, дѣлаетъ его страдательною жертвою⁵⁾. Напротивъ, Духъ Святый вдохновляє пророка (*προφήτην*), такъ что разумѣніе и сознаніе у него сохраняются⁶⁾.

Пророческое вдохновеніе—отлично и отъ *обыкновенного предугадыванія* (*πτοχασμός*). На основаніи прежде бывшаго и усиленіями собственнаго благоразумія предугадыватель предвидѣтъ многое изъ будущаго, какъ свойственно предвидѣть благоразумному человѣку. Пророкъ же говорить Духомъ Божіимъ, не привнося ничего отъ себя самаго. Соломонъ и Елисей оба возвѣщали неизвѣстное, открывали сокровенное, но оба—не одною и тою же Силою. О женахъ прелюбодѣй-

¹⁾ In Genes. II, 2 (ЛШ, 27); cap. I; hom. III, 34; cap. I (М. ЛШ, 33); hom. IV, 2; cap. I (М. ЛШ, 41); hom. III, 34; cap. I (М. ЛШ, 34); срав. in Act. apost. XII, 1 (М. LX, 99 и др.).

²⁾ Ad Stagyr. III, 4 (М. XLVII, 478).

³⁾ Synops. Scripturaræ Sacrae (М. LVI, 333).

⁴⁾ Златоустъ цитуетъ, несомнѣнно, Apol. Socr. 22; Tim. 71. 72. Платона.

⁵⁾ In psalm. XLIV, 1 (М. LV, 184).

⁶⁾ Ibidem: (М. LV, 184).

ныхъ Соломонъ говорилъ по человѣческому благоразумію и на основаніи собственного опыта (ср. Притч. V). Но Елисей открылъ проступокъ Гіезія не по какому-либо соображенію, а по благодати божественной (ср. 4 Цар. V)¹).

Пророческое вдохновеніе *отлично и отъ вдохновенія евангелиста*. Конечно, нѣкоторые изъ ветхозавѣтныx пророковъ, особенно Исаія, описали будущую жизнь Господа на землѣ, страданія, смерть и воскресеніе Его съ необыкновенною ясностью и точностью. При всемъ между писателями-пророками и писателями-евангелистами—разница большая. Евангелистамъ—свойственно говорить обо всемъ по порядку. Пророкамъ же свойственно брать только нѣкоторыя черты, упоминать о немногихъ обстоятельствахъ событія и притомъ прикровенно²).

Какъ органъ божественнаго вдохновенія, пророкъ есть истолкователь Божіей воли³). Самое тѣсное единеніе существуетъ между Духомъ Божімъ и духомъ пророка. Уста, чрезъ которыя вѣщаетъ Богъ, суть уста Божіи. Какъ наши уста служить какъ бы устами нашей души, такъ и уста пророковъ служить устами Бога⁴). Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ пользуется еще болѣе удачнымъ образомъ. Чистая вода, принявъ въ себя солнечные лучи, просвѣщается солнечнымъ свѣтомъ. Такъ точно и души пророковъ, напередь очистившись собственою добродѣтелью, принимаютъ даръ Духа. Проникнувшись этимъ свѣтомъ, онѣ и получаютъ вѣдѣніе будущаго⁵).

Пророки созерцаютъ всѣ времена: *прошедшія, настоящія и будущія*⁶). Въ отношеніи къ настоящему пророки изрѣкали пророчества, говорили угрозы, давали обѣщанія благъ и пр. Чрезъ это они хотѣли сдѣлать людей лучшими, болѣе благоразумными, болѣе усердными къ исполненію добродѣтели. Пророки утверждали въ людяхъ вѣру въ то, что все происходитъ по мановенію свыше, по опредѣленію Божію⁷).

¹⁾ In Isa. III, 2 (M. LVI, 42).

²⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. LV, 187).

³⁾ In 1 Cor. XIV, 20; hom. XXXVI, 4 (LXI, 311).

⁴⁾ In Act. apostol. XIX, 5 (M. LX, 156).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14, 15).

⁶⁾ In psalm. XLVII, 1 (M. LV, 167).

⁷⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

Въ пророческихъ рѣчахъ и книгахъ, вирочемъ, обычно предуказывались будущія *события*. Описанныя у пророковъ событія обычно исполнялись не тотчасъ по ихъ предсказаніи, а спустя долгое время. Поэтому, богодохновенные созерцатели соединяли въ своихъ книгахъ одно предсказаніе съ другими, ближайшее событіе съ отдаленнѣйшими. То, что происходило во время поколѣній, современныхъ пророкамъ, они представляли какъ доказательство того, что должно было совершиться, спустя долгое время¹⁾). Здѣсь точки со-прикосновенія пророковъ съ евангелистами. Евангелисты соединяли съ пророчествами Христа разсказы о Его чудесахъ, въ подтвержденіе первыхъ (ср. Мате. VIII, 11, 12, 13). Такъ точно и пророки соединяютъ знаменія съ пророчествами, какъ величайшій залогъ истинности ихъ (Иса. VII, 5—9; 10—14)²⁾). Главный предметъ богодохновенныхъ созерцаній пророковъ, конечно, было будущее царство *Мессии*. Здѣсь пророки поражаютъ читателей необычайною точностью и опредѣленностью своихъ описаній³⁾). Самъ Господь призывалъ іудеевъ къ точному и обдуманному испытанію писаній (ср. Иоан. V, 39, 40)⁴⁾. Дѣйствительно, въ пророческихъ писаніяхъ начертанъ подлинный, дивный образъ Сына Божія, воплотившагося, страждущаго, испускающаго духъ, воскресающаго и царствующаго⁵⁾). По этой причинѣ, отверженіе пророчествъ о Христѣ іudeями ведеть къ извращенію большей части ветхозавѣтныхъ писаний⁶⁾.

Третімъ предметомъ богодохновенныхъ созерцаній пророковъ служить также событіе отдаленного будущаго. Это событіе представляется ими въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Это бремя, бѣдствіе, причиняющее имъ невыразимыя скорби, есть *великое отверженіе* іудейскаго народа. Присутствіе такого элемента въ пророчествахъ налагаетъ на нихъ особый отпечатокъ. Пророческія книги—гораздо темнѣе писаній Нового Завѣта. Причина именно—въ

¹⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

²⁾ Ibidem: VII, 2, 3, 4 (M. LVI, 78, 81).

³⁾ In epist. ad Rom. I, 2 (M. LX, 396, 397 и др.).

⁴⁾ In Ioann. XLI, 1 (M. LIX, 234, 235).

⁵⁾ Advers. iud. V (M. XLVIII, 883—903).

⁶⁾ In psalm. CIX, 2 (M. LV, 267).

томъ, что на пророковъ было возложено великое бремя предсказанія бѣствий, угрожающихъ іудейскому народу. Исторія пророка Іереміи показываетъ, что іudeи умертвили бы пророковъ, истребили бы и самыя писанія ихъ, если бы поняли ясно, о какихъ именно бѣствіяхъ они предсказываютъ. Даже самый законъ іудеи, можетъ быть, перестали бы исполнять, если бы точно и опредѣленно, безъ покрываала неясности, узнали, что онъ будетъ отмѣненъ. Поэтому, Господь и сдѣлалъ неясными тѣ части писаній св. пророковъ, гдѣ предсказываются событія, которыхъ до времени не должны были быть поняты іудеями. По этой же причинѣ наложено было покрывало и на самый законъ¹⁾.

Соответственно вышеизложеннымъ возвышеннымъ представлениямъ о пророчествѣ по его существу и задачамъ, Златоустъ излагаетъ и *ученіе о богодохновенности пророческихъ писаній*. Пророчество есть дѣло Божіе по преимуществу. Съ точностью предсказывать будущее свойственно только одному вѣчному Существу²⁾. Что ни говорили пророки, они говорили, по внушенію Духа³⁾, говорили, будучи объемлемы Духомъ⁴⁾. Они сами прежде всего спѣшили объявить всѣмъ, что сердца ихъ вдохновлены благодатю Св. Духа⁵⁾. Относительно пророковъ всѣми было признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа⁶⁾. Противъ невѣрія въ богоодхновенность пророческихъ писаній Златоустъ справедливо указываетъ на очевидные ея признаки: „Если ты не вѣришь пророкамъ, то мы можемъ представить ясные и очевидные признаки, которые совершенно доказываютъ, что пророки были богоодхновенны, что ничего они не говорили отъ самихъ себя, но по вдохновенію отъ божественной и пренебесной благодати. Въ самомъ дѣлѣ все, сказанное ими, исполняется и оправдывается событіями, посмотрѣши ли на ветхозавѣтныя или новозавѣтныя предсказанія. Такъ исполнилось все, сказанное пророками объ іудеяхъ. Это исполненіе—очевидно для всѣхъ. Равнымъ обра-

1) *De prop̄. obscurit.* I, 4, 5, 6 (M. LVI, 169—175).

2) *In Ioann.* XIX, 2 (M. LIX, 122).

3) *In Matth.* XLI, 3 (M. LVIII, 449).

4) *In Isa.* I, 1 (M. LVI, 14).

5) *Ibid XVI, 11* (LVI, 181).

6) *In Ioann.* LI, 2 (LIX, 284).

зомъ исполнилось и сказанное о Христѣ въ Новомъ Завѣтѣ. Это и доказываетъ, что Писаніе того и другого Завѣта—божественно¹⁾.

Касательно *образа богодохновенности* пророковъ Златоустъ учитъ, что не всѣ пророчества они изрекали вдругъ. Получая вдохновеніе въ различныя времена, они возвѣщали пророчества свои по частямъ. Впослѣдствіи же, будучи собраны вмѣстѣ, пророчества ихъ составили цѣлую книгу²⁾. Обычно свои предсказанія пророки называли видѣніями. Этимъ пророки какъ бы хотѣли показать, что воспринимаемое отъ Бога было для нихъ не менѣе достовѣрно, чѣмъ то, что они видѣли зрењемъ въ дѣлахъ житейскихъ³⁾. Если Богъ есть свѣтъ, то и пророки видѣли будущее, какъ озаряемые⁴⁾. Поэтому у пророковъ было въ обычай говорить о событияхъ будущихъ, какъ бы уже о совершившихся. Въ качествѣ примѣровъ Златоустъ указываетъ на Исаю и Давида. Говоря обѣ умерщвлѣніи Христа, Исаія не сказалъ, что Онъ какъ овча на заколеніе веденъ будетъ, въ будущемъ времени—, „но какъ овча веденъ былъ Онъ на закланіе“ (Иса. LIII, 7). Въ то время Сынъ Божій еще не воплотился, а пророкъ говорить о будущемъ событии, какъ уже сбывшемся. Такжѣ и Давидъ, предзнаменуя крестъ, не сказалъ: пронзаютъ руки Мои и ноги Мои, но: „пропзили руки Мои и ноги Мои“ (пс. XXI, 17). Говоря о предателѣ, который еще не родился, Давидъ выражается такъ: „человѣкъ, который єль хлѣбъ мой, поднялъ на меня пяту“ (пс. LX, 10). Подобнымъ образомъ пророкъ говорить и о томъ, что произошло на крестѣ: „дали мнѣ въ пищу жезль и въ жаждѣ моей напоили меня уксусомъ“ (пс. LXVIII, 22⁵). Иногда же свои пророчества пророки называютъ „бременемъ“ (*λѣща*) (ср. Наум. I, 1). Такъ какъ пророки говорили, будучи объемлемы Духомъ (*λαυθανόμενοι*), то, поэтому, они и обозначали получение Духа „бременемъ“⁶⁾.

¹⁾ In psalm. 4; п. 11 (М. LV, 57).

²⁾ In Isa. II, 1. M. LVI, 27).

³⁾ In Isa. 1, 1 (M. LVI, 13).

⁴⁾ In Proverb. c. XVI, 23 (M. LXIII, 703).

⁵⁾ In Ioann. XIII, 3 (LIX, 89. 90).

⁶⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

Опредѣляя божественный моментъ въ понятіи о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ сравниваетъ пророческій даръ съ даромъ учительскимъ. Пророчествующій говорить все отъ Духа; учацій—иногда отъ собственного разума (*ὅποι καὶ ἐξ ὄχειας διανοίας*). Кто говорить въ е отъ Духа, дѣло того всецѣло есть даръ. Учацій же говоритъ многое и отъ себя, хотя, конечно, согласно съ божественными писаніями. Слѣдовательно, дѣло учащаго требуетъ труда человѣческаго¹⁾.

На боговдохновенности основываются и *высшія свойства пророческихъ писаній*. Слово пророковъ не можетъ погрѣшить²⁾. Какъ призывающему имя Божie, пророку не возможно лгать³⁾. Такъ какъ блаженные пророки говорили по внушенію божественного Духа (*Πνεύματι θεῷ εὐηγγελεῖν*), то и книги ихъ, какъ написанныя Духомъ, содержать въ себѣ неисчерпаемое богатство мыслей⁴⁾. Благодаря пророческимъ писаніямъ, до предѣловъ вселенной пронесены были вѣчные глаголы. Лучше пусть померкнетъ солнце, чѣмъ предадутся забвенію слова боговдохновенныхъ пророковъ⁵⁾.

Не всѣ книги Ветхаго Завѣта изъ класса пророческихъ, по мнѣнію Златоуста, дошли до насъ. Ссылаясь на исторію Паралипоменона, онъ утверждаетъ, что много пророческихъ книгъ пропало. Будучи нерадивы, часто впадая въ нечестіе, іудеи допустили одинъмъ книгамъ затеряться, другія сожгли и изорвали сами. Объ одномъ говорить Іеремія. О другомъ сообщаетъ писатель четвертой книги Царствъ, рассказывая, какъ послѣ долгаго времени едва нашли закопанное гдѣ-то и затерянное Второзаконіе. Если іудеи такъ нерадѣли о священныхъ книгахъ, когда не было еще враговъ, то тѣмъ болѣе—при нашествіи непріятелей (ХХIII, 24)⁶⁾. Ап. Петръ, далѣе, свидѣтельствуетъ, что всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него предозвѣщали о дняхъ искупленія (Дѣян. Ш. 24). Можно думать, что книги, гдѣ эти предсказанія были записаны, впослѣдствіи были утеряны⁷⁾. Во время же про-

¹⁾ In I. epist. ad Corinth. XXXII, 2 (M. LXI, 265).

²⁾ In Ier. XLIII, 18 (LXIII, 923).

³⁾ Ibid. XV, 15, ILXIII, 909.

⁴⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. V и VI.

⁵⁾ De poenit. II, 2; M. XLIX, 286.

⁶⁾ In Matth. IX, 4 (LVII, 180. 181).

⁷⁾ In I epist. ad Corinth. VII, 3 (LXI, 58).

должительного плѣна, по нерадѣнію народа, также были потеряны св. книги ¹⁾). Число каноническихъ книгъ пророковъ Златоустъ опредѣляетъ въ шестнадцать ²⁾.

Пророкъ Исаія характеризуется св. отцомъ Церкви, какъ громогласнѣйшій проповѣдникъ Откровенія, созерцатель чудныхъ видѣній ³⁾, краснорѣчивый пророкъ ⁴⁾, великий и возвышенный писатель ⁵⁾. Превосходство пророка Исаіи ясно можно видѣть изъ самой его книги. Но совершеніе показываетъ это апостолъ Павелъ. Онъ лучше всѣхъ могъ знать всѣ добродѣтели пророка, какъ говорившій Св. Духомъ. Апостоль отмѣчаетъ смѣлую рѣчъ пророка, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и большую ясность его пророчества о Христѣ (ср. Рим. X, 20). Велика была и сострадательность Исаіи. Пророкъ не только возсталъ противъ народнаго безумія и съ большою смѣлостью, свободною рѣчью и высокими мыслями возвѣщалъ евреямъ объ угрожавшихъ имъ скорбныхъ обстоятельствахъ, но и самъ скорбѣлъ и сокрушался среди этихъ обстоятельствъ не менѣе подвергшихся имъ, самъ горче плакалъ, чѣмъ углетешии ими ⁶⁾.

Самъ Богъ говорилъ чрезъ Исаію ⁷⁾, такъ что слова его пророчествъ принадлежали Богу всяческихъ ⁸⁾. Поэтому, называя Исаію, мы приводимъ изреченія Духа, такъ какъ пророкъ все вѣщає по внушенію Духа ⁹⁾. Уста были Исаіи, но пророчества его были даны свыше ¹⁰⁾. Не отъ себя говорилъ пророкъ ¹¹⁾, но Духъ Святый его устами ¹²⁾ сообщалъ свои непреложныя рѣшенія ¹³⁾.

¹⁾ Synops. Script. Sacrae (M. LVI, 358).

²⁾ Ibidem: (M. LVI, 316).

³⁾ In Illud dictum: Acta post. XI, I, 1 (M. LI, 114).

⁴⁾ In I ep. ad Corinth. XL, 3 (LXI, 351).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 23).

⁶⁾ In Isa. praeſ. (M. LVI, 11).

⁷⁾ In psalm. CXLI. 5 (M. LV, 454).

⁸⁾ In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

⁹⁾ Contr. anom. III, 3 (M. XLVIII, 722).

¹⁰⁾ In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

¹¹⁾ In Isa. I, 2—5 (M. LVI, 355).

¹²⁾ Ibidem: LIII, 6—8 (M. LVI, 396).

¹³⁾ In Isa. VIII, 5 (LVI, 84).

Пророкъ Йеремія называется Златоустомъ великимъ и славнымъ мужемъ¹⁾). Пророчества его были видѣніями, такъ какъ самыи ясныи образы описывали будущее, какъ будто оно представлялось глазамъ²⁾). Вдохновенный Богомъ, пророкъ очами пророческими какъ бы въ дѣйствительности видитъ войны, ряды войскъ, сраженія, звукъ трубъ, топотъ коней, насажденіе враговъ, всѣ бѣдствія іудеевъ (ср. IV, 19 и др.)³⁾). Какъ огонь было слово Господне въ устахъ его, пылая въ костяхъ его (V, 14)⁴⁾). Пророкъ предсказывалъ именно устами Божіими⁵⁾). А потому и изреченія его не были человѣческими, а Божіими⁶⁾). Книга Плача Йереміи приводится Златоустомъ, какъ извѣщеніе Самого Бога⁷⁾.

Пророкъ Йезекіилъ, подобно Исаии, былъ созерцателемъ дивныхъ видѣній⁸⁾). Устами его Самъ Богъ говорилъ къ евреямъ, укорялъ ихъ за непослушаніе⁹⁾.

Пр. Даніила Златоустъ называетъ человѣколюбивымъ и кроткимъ пророкомъ¹⁰⁾). Это былъ мудрецъ, но его мудрость не была искусствомъ халдеевъ. Не отъ науки или отъ природы Даніилъ получилъ мудрость¹¹⁾). Не собственою силою онъ изрекалъ пророчества и откровенія, но какъ бого-вдохновенный и движимый силою божественною¹²⁾.

Весьма нерѣдки—въ твореніяхъ Златоуста—свидѣтельства, удостовѣряющія боговдохновенность книгъ малыхъ пророковъ. Такъ книга пророка *Осії* приводится, какъ свидѣтельство Самого Бога—Отца чрезъ одного пророка¹³⁾). Богъ говорилъ и устами пророка *Іоіиля*¹⁴⁾). Дивный пророкъ *Амосъ*¹⁵⁾

¹⁾ Epist. ad Olimpiad. IV, 2 (Л, 591).

²⁾ In Ierem. I, 1 (М. LXIII, 745).

³⁾ Ibid.: IV, 19 (М. LXIII, 804).

⁴⁾ In Isa. XVI, 1 (М. LVI, 182).

⁵⁾ In Ier. LXIII, 6 (М. LXIII, 1012).

⁶⁾ Ibidem: II, 19 (М. LVIII, 767).

⁷⁾ In dictum apost.: Rom. V, 3; n. 2 (Л, 159).

⁸⁾ Advers. oppugnatores eorum, qui ad monasticam vitam inductum; I, 1 (М. XLVII, 320).

⁹⁾ In psal. XLIII, 4 (М. LV, 172).

¹⁰⁾ In Dan. cap. II (LVI, 203).

¹¹⁾ Ibidem: II (М. LVI, 202).

¹²⁾ Ibidem: IV (М. LVI, 214, 215).

¹³⁾ In Ioann. XV, 1 (LIX, 98).

¹⁴⁾ М. LI, 785.

¹⁵⁾ Epist. ad Olimpiad. III, 2 (М. LI, 574).

намѣренно называетъ себя пастухомъ и собирателемъ сикоморъ (VII, 14), чтобы кто-нибудь не приписалъ сказанного имъ человѣческой мудрости¹⁾. Пророкъ *Михей* получилъ не только Духа премудрости, но и силы (ср. III, 8)²⁾. Извлеченія изъ книги этого пророка приводятся у Златоуста съ предвареніями: „Отецъ говорить³⁾, Богъ сказалъ“⁴⁾ и пр. Пророкъ *Наумъ* въ самомъ началѣ книги своей говорить о полученіи Духа и дѣйствіи Его благодати⁵⁾. *Аггей* свое пророчество изрекаль отъ лица Божія⁶⁾. Устами пророкова *Захаріи* говорилъ Богъ⁷⁾. Одно изреченіе изъ книги пророка *Малахіи* предваряется у Златоуста такъ: „предсказываетъ Малахія или лучше Богъ чрезъ него“⁸⁾.

Съ глубокимъ уваженіемъ относится Златоустъ и къ нѣкоторымъ изъ *неканоническихъ книгъ* Ветхаго Завѣта. *Премудрость Сирахову* онъ даже причисляетъ къ классу нравоучительныхъ книгъ на одной линіи съ тремя каноническими книгами Соломона⁹⁾. Съ этимъ вполнѣ согласуется то обстоятельство, что книга Сираха очень часто называется божественнымъ Писаніемъ¹⁰⁾, святымъ Писаніемъ¹¹⁾, а составитель ея—пророкомъ¹²⁾. Изъ этого справедливо можно заключить, что во время Златоуста въ антіохійской школѣ авторитетъ Премудрости Сираховой былъ очень близокъ къ каноническому. Въ то же время среди антіохійскихъ экзегетовъ были колебанія на счетъ автора этой книги. Отголоскомъ такихъ колебаній является то, что Златоустъ иногда усвояетъ книгу Соломуону¹³⁾, но чаще называетъ составителя

¹⁾ In Isa. I, 1 (LVI, 13).

²⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14); ср. in 2 ep. ad Corinth. LXIV, 4 (M. LVI, 562).

³⁾ M. LI, 351.

⁴⁾ In psalm. CIII, 3 (M. LV, 283).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁶⁾ In illud dictum: Ier. X, 23 (M. LVI, 158).

⁷⁾ In 2 epist. ad. Corinth. XXIII, 5 (M. LXI, 562).

⁸⁾ De obscurit. prophet. 5. (LVI, 183).

⁹⁾ Synops. Scriptur. Sacr. (LVI, 316).

¹⁰⁾ In psal. III, 1 (M. LV, 37).

¹¹⁾ LXIII, 537.

¹²⁾ In Act. apostol. XXVI, 4. (M. LX, 203) и др.

¹³⁾ In illud: 2 Paral. XXVI, 16; h. III, 1 (M. LVI, 113); ср. de statuis: XV, 2 (XLIX, 156).

неопределенымъ именемъ: „нѣкто“¹⁾, „нѣкотораго мудраго мужа“²⁾, одного премудраго³⁾ и пр.

Мнѣніе о другой *Премудрости*, какъ подлинномъ произведеніи Соломона, представляется у Златоуста только какъ гипотеза⁴⁾. Тѣмъ пе менѣе Златоустъ пользуется книгою съ авторитетными предвареніями: „говорить божественное Писаніе“⁵⁾, „божественное слово“⁶⁾.

Книга Товитъ въ отдѣльныхъ нравоучительныхъ извлеченіяхъ представляется откровеніемъ Бога (IV, 15)⁷⁾ и приводится въ параллель евангелію (ср. Мате. VII, 12)⁸⁾. Все это доказываетъ, какъ высоко ставила антіохійская школа авторитетъ неканоническихъ книгъ, вошедшихъ въ составъ ветхозавѣтной Бібліи.

Въ виду потери и порчи по вышеуказаннымъ причинамъ библейского подлинника *возстановителемъ его* Златоустъ представляетъ Ездру. Это былъ любознательный и свѣдущій чтецъ. Онъ сохранилъ всѣ книги, потомъ принесъ ихъ съ собою и снова издалъ⁹⁾. Подобно бл. Феодориту, который называетъ Ездру не простымъ переписчикомъ (*ἀντίγραφος*), но *вдохновеннымъ отъ божественного Духа*¹⁰⁾ и Златоустъ говоритъ: „Духъ Свѧтъ *тъ вдохновилъ* чуднаго мужа Ездру, чтобы онъ изложилъ книги, составивъ изъ отрывковъ“¹¹⁾.

Исторія происхожденія *перевода LXX* излагается у Златоуста въ нѣсколько смягченной редакціи, съ умолчаніемъ о чудесномъ элементѣ сказанія. Его редакція въ этомъ отношеніи нѣсколько отличается отъ той, какую приняли болѣе древніе отцы и учители Церкви, какъ Іустинъ Философъ, Ириней ліонскій и др., и позднѣйшіе, какъ Епифаній изъ восточныхъ и бл. Августинъ изъ западныхъ. Переводъ богодохновенныхъ книгъ на греческій языкъ былъ проявле-

1) In 2 ep. ad. Corinth XXIII, 5 (LXI, 560).

2) In epist. ad Ephes. XX, 1 (M. LXII, 135).

3) In psalm. CXL, 7 (M. LV, 438).

4) Справ. Synops. Script. Sacrae. (M. LVI, 368. 370).

5) M. LVI, 288.

6) In illud.: Matth. XXI, 23 (M. LVI, 428).

7) In psalm. V, 1 (M. LV, 62).

8) De statuis: III, 3 (XLIX, 140).

9) Synops. Script. Sacr. (M. LVI, 358).

10) Ср. praefac. in Cant.

11) In ep. ad. Hebr. VIII, 4 (LXIII, 74).

ніемъ провиденціального пощеченія, бодствовавшаго надъ Бібліей. Этотъ переводъ предуготовила благодать Божія ¹⁾. Птолемей—Філадельфъ, любитель книгъ, когда узналъ, что Писанія іудеевъ преподають ученіе о Богѣ и наилучшемъ устройствѣ жизни, счелъ нужнымъ пріобрѣсти эти книги и перевести на греческій языкъ. Это дѣло было исполнено чрезъ іудеевъ, приглашенныхъ для сей цѣли изъ Іерусалима. Домостроительство Божіе обнаруживается въ томъ, что книгами этими послѣ сего получили возможность пользоваться всѣ обитатели вселенной. Кромѣ сего, примѣчательно, что не кто-либо изъ послѣдователей іудейской религіи, но человѣкъ, враждебный истинному богопочтенію, показалъ такое усердіе ²⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ De obscurit. proph. II, 3 (M. LVI, 179).

²⁾ In Gen. IV, 4, (LIII, 42. 43); adv. iud. I, 5 (XLVII, 851).

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение) .).

VI.

Новый Завѣтъ разсматривается Златоустомъ какъ *высшее выражение божественного Откровенія на землю*.

Во Христѣ и чрезъ Христа человѣчество достигло высшей доступной для себя *полноты богопознанія*. Други Божіи и всѣ дивные мужи познавали Христа еще прежде явленія Его во плоти. Они знали Сына Божія, знали что Онъ придетъ. Они пламенно хотѣли видѣть и слышать Его (Лук. X, 24). Очами вѣры они Его созерцали, слышали Его гласъ. Однако—не во плоти, не въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ обращался съ людьми и открыто съ ними бесѣдовалъ ¹⁾). Отсюда неизмѣримо разстояніе между дарами Христа и дарами ветхозавѣтными. Высшій изъ пророковъ, Моисей, какъ рабъ, былъ служителемъ лѣль низшихъ. Христосъ, какъ Владыка, Царь и Сынъ Царя, принесъ намъ дары несравненно высшіе, сосуществуя всегда со Отцомъ, видя Его непрестанно ²⁾).

Въ Ветхомъ Завѣтѣ только человѣчество *приготовлялось* къ созерцанію величественнаго явленія Бога во плоти. Но ветхозавѣтнымъ пророкамъ внимали въ этомъ отношеніи даже не всѣ іудеи. Въ послѣдніе дни Богъ возлагалъ намъ чрезъ Единороднаго Сына Своего. Человѣчество было удостоено высшаго и совершеннѣйшаго ученія. Тогда поко-

^{*)} См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 7 за 1912 годъ.

¹⁾ In Ioann. VIII, 1 (M. LIX, 66, 67).

²⁾ In Ioann. XV, 1 (M. LIX, 97).

рилась и увѣровала вся вселенная¹⁾). Христосъ, слѣдовательно, составляетъ центръ въ исторіи божественнаго Откровенія. Съ великимъ блескомъ сияетъ слава Единороднаго во всей Библіи. Не только въ евангельскихъ и апостольскихъ, но и въ пророческихъ изреченіяхъ²⁾.

Велики были блага, дарованныя человѣчеству чрезъ домостроительство воплощенія. Принявъ зраѣ раба, проливъ драгоценную Свою кровь, Христосъ разрушилъ смерть, праиль грѣхъ, даровалъ обильнейшую благодать Духа, возвѣль людей къ высшему любомудрію (*πρὸς μείκονα φιλοσοφίαν*)³⁾. Великій даръ пришествія Христова и состоялъ въ томъ, что Божіей благодатію люди изъ младенцевъ сдѣлялись мужами совершенными⁴⁾. Христосъ возвысилъ человѣчество до высочайшихъ догматовъ, удостоивъ его великихъ тайнъ богопознанія⁵⁾. Онъ Самъ содѣлся главою, основаніемъ, первенцемъ, путемъ, жизнью, свѣтомъ для возрожденнаго человѣчества⁶⁾.

Въ связи съ только что изложеннымъ пониманіемъ Лица Христа и совершенного Имъ высокаго искупительнаго подвига стоитъ и *ученіе Златоуста о богоодхновенности въ Новомъ Завѣтѣ*. Новыѣ Завѣты—это эпоха *высшаго любомудрія, великой благодати Духа*⁷⁾. Взявъ начатокъ пашего естества и вознеся его, Христосъ, взамѣнъ сего, воздалъ намъ благодать Духа⁸⁾. Это дарованіе Духа было величайшимъ изъ чудесъ⁹⁾. Отъ преизбытка, отъ переполненія благодати, почившей на Христѣ (Іоан. I, 16) люди получили только малую часть, какъ бы нѣкую каплю. Но эта капля, эта частица Духа наполнила вѣдѣніемъ всю вселенную. Благодать Духа—вседовольна, если ея достаетъ на такую

1) In Ioann. XV, 2, 3 (M. LIX, 97, 100).

2) Contra anom. XI, 1 (M. XLVIII, 797).

3) In illud: 1 Cor. VII, 39—44 (M. LI, 219).

4) De virgin. 84 (M. XLVIII, 595).

5) Adver. iud. II, 2 (XLVIII, 860); cont. anom. X, 5 (XLVIII, 710); in Ioann. XXVI, 1 (M. LIX, 153).

6) In I epist. ad Corinth. VIII, 4 (M. LXI, 72).

7) De virginit. n. 50. 84 (XLVIII, 573, 574).

8) De sancta Pentecoste: I, 5 (XLIX, 461).

9) In Maffh. XI, 6 (M. LVII, 199).

вселенную, на столько вѣковъ. Наполняя всѣхъ своимъ багатствомъ, сама она нисколько не оскудѣваетъ¹⁾.

Дарование Духа Божія содѣлало изъ апостоловъ *чрезъ вычайные органы* Божественнаго Откровенія. Уже самые символы сопшествія на апостоловъ Св. Духа были необычайны. Въ Ветхомъ Завѣтѣ божественная благодать подавалась подъ другими образами: пророку Іезекіилю подъ образомъ книжнаго свитка, Елисею—чрезъ посредство милоти, Давиду—посредствомъ елея. Моисей былъ призванъ посредствомъ горящей купины. На апостоловъ Духъ Божій сошелъ подъ видомъ бурнаго дыханія и огня (Дѣян. II, 2. 3), что служило знакомъ обилія и силы. Дѣйствительно, никто, даже больший изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы²⁾. Ветхозавѣтные пророки имѣли дарование Св. Духа. Но потомъ благодать пророчества отступила, оскудѣла, иссякла (ср. Мате. XXIII, 38). Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ Духъ излился съ обиліемъ чрезвычайныхъ дарованій и притомъ на безчисленное множество людей³⁾.

Съ дарованіемъ Духа, св. апостолы, бывшие прежде людьми простыми, неучеными, некнижными, неизвѣстными, совершили *перемѣнились*⁴⁾. Прежніе рыбари и скинотворцы воспарили въ высоту небесь, удостоившись быть собесѣдниками Владыки вселенной⁵⁾. Благодать Св. Духа содѣлала апостоловъ тверже адаманта⁶⁾. Прежде некнижные и немудрые, они по принятіи Духа, своими смѣлыми вдохновленными рѣчами поражали слушателей. Духъ ихъ окрылилъ не допустивъ внасть ни въ какую человѣческую слабость⁷⁾. Такимъ образомъ, благодать Духа содѣлала апостольство служеніемъ чрезвычайнымъ, заключающимъ въ себѣ безчисленныя блага. Оно совмѣщало въ себѣ и превосходило всѣ дарованія. Св. апостоламъ Христосъ поручилъ все, что совершаѣтъ на землѣ Самъ⁸⁾.

¹⁾ In psalm. XLIV, 2, 3 (M. LV, 186, 187).

²⁾ In Act. apost. IV, 1 (M. LX, 44, 45).

³⁾ In Ioann. LI, 2 (M. LIX, 284).

⁴⁾ In ep. I ad Cor. III, 4 (LXI, 28); in Act. apost. IV, 3 (M. LX, 46).

⁵⁾ In Ioann. XXXI, 3 (M. LIX, 179, 180).

⁶⁾ In Ioann. LXIX, 1 (M. LIX, 377).

⁷⁾ In Ioann. LXXV, 5 (M. LIX, 409).

⁸⁾ In epist. ad Rom. I, 1 (M. LX, 396).

На чрезвычайномъ значеніи благодатныхъ дарованій, почившихъ *на апостолахъ*, основывается *высокій авторитетъ и писаній*, которая произошли или отъ нихъ непосредственно, или отъ учениковъ апостольскихъ. Самъ Христосъ не передалъ ничего писанного¹⁾). Евангеліе царства Христова и составило первый предметъ апостольскихъ писаній. Во главѣ ихъ стоять именно четыре евангелия.

Въ широкомъ смыслѣ евангеліе о царствѣ Христовомъ началось не съ воплощенія только, но наскажено было въ книгахъ пророческихъ: въ Новомъ же Завѣтѣ оно прозябло и заблистало²⁾). Справедливо названы евангеліями такія писанія, въ которыхъ изложено благовѣстіе Христа. Они говорять намъ о разрѣшеніи грѣховъ, оправданіи, освященіи, искупленіи, всыновленіи, наслѣдіи небесъ, сродствѣ съ Сыномъ Божіимъ. Богъ—на землѣ, человѣкъ на небѣ,—таково идейное содержаніе евангелій³⁾.

Какъ благовѣстіе Христово не есть человѣческое, но божественное, превышающее всякое естество⁴⁾, такъ и писанія, излагающія его, т. е. *евангелія, суть писанія божественные (τὰ θεῖα εὐαγγέλια)*⁵⁾). Евангелій—четыре, но, вслѣдствіе полнаго согласія написанного въ нихъ, они представляютъ какъ бы одно евангеліе. Хотя бы евангелія писались весьма многими, множество пишущихъ не препятствовало этимъ писаніямъ составлять одно, когда въ нихъ излагалось одно и то же. Напротивъ: если писалъ бы одинъ кто-либо, но противоположное, то написанное имъ, конечно, не было бы однимъ⁶⁾.

Доказательствомъ высшаго божественнаго происхожденія евангелій служитъ даже свидѣтельство враговъ истины. Много ересей учило противно евангельскимъ писаніямъ. Однѣ изъ нихъ приняли все, сказанное въ евангеліяхъ, другія—только часть. Если бы въ евангеліяхъ не было согласія, то первого рода ереси не приняли бы ихъ въ цѣломъ составѣ, а только часть, болѣе приспособленную къ лжеуче-

¹⁾ In Ier. XXXI, 33 (LXIII, 981).

²⁾ Hom. de Legislatorc (M. LVI, 397).

³⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 15, 16).

⁴⁾ In epist. ad Roman. I, 2 (M. LX, 396).

⁵⁾ Adver. iud. I, 3 (M. XLVIII, 847).

⁶⁾ Ad Gal I, 6 (M. LXI, 621. 622).

нію. Равнымъ образомъ и второго рода ереси не были бы опровергаемы тою же самою частью евангелій, которую онѣ приняли. Въ четырехъ евангеліяхъ даже самыя малыя части имѣютъ сродство съ цѣлымъ. Какъ въ каждой части тѣла находятся всѣ части тѣлеснаго состава: нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, такъ и каждая часть написанаго въ евангеліяхъ ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ. Здѣсь то и обнаруживается сила Духа Святаго ¹⁾). Конечно, и одинъ евангелистъ могъ написать все. Но вѣдь писали четверо, не въ одно и то же время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносясь и не сговариваясь другъ съ другомъ. Если же написали такъ, какъ будто все произнесено одними устами, то въ этомъ—величайшее доказательство истины ²⁾).

Въ самыхъ *различіяхъ* между евангеліями Златоустъ видитъ несомнѣнныи *признаки* ихъ богоизбогодновенности. Разногласія въ мелочахъ освобождаютъ составителей евангелій отъ всякаго подозрѣнія въ недостовѣрности. Евангелія говорять кое-что различное касательно времени и мѣста событій. Не всѣ евангелисты сказали все о чудесахъ, но одинъ описалъ одни, другой—другія. Однако, въ томъ случаѣ, если бы евангелисты были согласны до точности, до самыхъ словъ, никто не повѣрилъ бы, что они писали такъ не по обычному уговору, а именно велѣствіе искренности ихъ. Кромѣ того, если бы одинъ евангелистъ сказалъ все, то остальные оказались бы лишними. Напротивъ, если бы каждый евангелистъ написалъ различное и новое, въ сравненіи съ другими, то ихъ согласіе не было бы очевидно ³⁾). Всѣ разногласія между евангеліями —ничтожны, а противорѣчій—нѣть. Иное дѣло—разногласить, другое—противорѣчить ⁴⁾). Источникъ такой гармоніи опредѣленно указывается Златоустомъ: евангелисты писали, исполнившись Духа Божія ⁵⁾.

Самые *составители евангелій* характеризуются Златоустомъ, какъ други небеснаго Царя. Они слышали отъ Хри-

¹⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 18).

²⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16).

³⁾ Ibidem: I, 2 (LVII, 16. 17).

⁴⁾ Ibidem: I, 4 (M. LVII, 18).

⁵⁾ I. 1. (col 15).

ста все, что Онъ отъ Своего Отца (Ioan. XV, 15)¹⁾. Христосъ возбуждалъ душу евангелистовъ²⁾. Духъ святыи, Духъ правый, владычественный, дающій другія очи, способный видѣть будущее, какъ настоящее, сподобляющій насъ созерцать во плоти то, что есть на небесахъ, глаголалъ въ апостолахъ и евангелистахъ³⁾). На благодатныхъ крыльяхъ Духа Божія они парили, какъ легкіе орлы, въ высотѣ, достигая самого неба⁴⁾). Оставивъ все земное, они говорять только о небесномъ⁵⁾, начертываютъ образъ небесной жизни⁶⁾. Возвышенные догматы вѣры, превосходныя правила жизни, проповѣдываемые евангelistами, обнаруживаются, что Духъ вѣщалъ въ нихъ изъ самыхъ глубинъ Своихъ⁷⁾.

О первомъ евангелистѣ Златоустъ сообщаетъ: „Матеї написалъ книгу, исполнившись Духа Божія“⁸⁾). Если онъ былъ мытаремъ и въ то же время писателемъ-евангелистомъ, то это больше всего обнаруживаетъ благодать Духа и собственную его добродѣтель, какъ человѣка⁹⁾). Преданіе о томъ, что Матеї, по просьбѣ увѣровавшихъ іудеевъ, пришедшихъ къ нему, написалъ имъ то, что говорилъ устно, и составилъ евангеліе на языкѣ еврейскомъ, стараясь главнымъ образомъ доказать происхожденіе Христа отъ Авраама и Давида, хорошо известно Златоусту¹⁰⁾). Читателямъ св. евангемія св. отецъ внушаетъ благоговѣйное отношеніе къ св. тексту. Если царскія грамоты прочитываются въ театрѣ при полной тишинѣ, то тѣмъ болѣе должно стоять съ напряженной душою и слухомъ, когда читаются повелѣнія не земного царя, а Владыки ангеловъ¹¹⁾). Какъ писавшій прежде другихъ, евангелистъ Матеї останавливается на важнейшихъ обстоятельствахъ жизни Спасителя¹²⁾.

О второмъ евангелии Златоустъ говоритъ, что оно было написано въ Египтѣ, по просьбѣ учениковъ Марка¹³⁾.

1) In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

2) In illud: Ioan. V, 17; hom. IX (M. LXIII, 513).

3) In Ioann. I, 2 (M. LIX, 27).

4) In Ioan. XXIII, 3 (M. LIX, 142).

5) In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

6) In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

10) In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

7) In Ioan. II, 1 (M. LIX, 30).

11) In Matth. I, 8 (M. LVII, 24).

8) In Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

12) Ibidem: IV, 1 (M. LVII, 39).

9) Ibidem.

13) In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

Повѣствуя о томъ, что еще ранѣе было пересказано и сдѣлалось извѣстнымъ чрезъ евангелиста Матея, Маркъ наблюдаетъ краткость¹⁾. Кроме того, по мнѣнію Златоуста, это есть послѣдствіе вліянія на евангелиста со стороны ап. Петра, который вообще любилъ краткость²⁾.

Евангелистъ Лука былъ причастенъ Духа Святаго³⁾, а потому и его произведеніе не было обыкновенной исторіей⁴⁾. Сравнительная полнота евангелія Луки, напр., при изложении родословія Христа, объясняется подражаніемъ его составителя ап. Павлу, который въ писаніяхъ своихъ разливается, какъ рѣка⁵⁾.

Четвертое евангеліе, не разногласно съ прочими, однако различается отъ нихъ весьма значительно. Три первые евангелиста стараются преимущественно изложить исторію земной жизни Господа⁶⁾. Они большою частью повѣствуютъ о человѣческомъ естествѣ Сына Божія⁷⁾. Всѣ они, поэтому, начицаютъ съ воплощенія; Матея говоритъ о книгѣ родства Іисуса Христа, какъ сына Давидова; Лука повѣствуетъ о Маріи; Маркъ излагаетъ разсказъ о Крестителе⁸⁾. Въ то время, какъ одиць евангелистъ начинаетъ съ царя, Ирода, другой—отъ Тиверія —кесаря третій—отъ крещенія Іоаннова, евангелистъ Іоаннъ не полагаетъ для себя такою земного предѣла, восходитъ выше всякаго времени и вѣка, говоря сразу обѣ изначальномъ, предвѣчномъ рожденіи Сына Божія⁹⁾. Въ исторіи евангелистъ Іоаннъ изъ многаго пересказываетъ только немногое. Такъ въ теченіе цѣлаго года, даже въ праздникъ Пасхи онъ не упоминаетъ ни обѣ одномъ чудѣ, кромѣ исцѣленія разслабленнаго и еще сына у царедворца¹⁰⁾. Зато четвертое евангеліе—обильно многими догматами, наполнено словами и бесѣдами Христа.

1) Ib. IV, 1 (LVII, 39).

2) Ibidem (col 39).

3) In Act. apost. I, 3 (LX, 17).

4) In Act. ap. I, 2 (LX, 16).

5) In Matth. IV, 1 (LX, 39).

6) Ibidem: I. 3 (M. LVII, 17).

7) In Ioann. IV, 1 (M. LXI, 47).

8) Ibidem.

9) Ibidem (col. 47); cp. in Matth. I, 3. (LVII, 17).

10) In Ioann. XLII I (M. LIX, 239).

Однако, предметъ четвертаго евангелія—не похожъ на докетической призракъ. Евангелистъ не разъ повѣствуетъ, какъ Господь плакаль, удерживалъ скорбь и пр., желая, несомнѣнно, показать, какимъ естествомъ бытъ облечень Господь. О человѣческихъ же дѣлахъ Христа евангелистъ иногда говоритъ гораздо уничиженїе именно потому, что болѣе другихъ говоритъ о Немъ великаго¹⁾.

Достойно удивленія, по мысли Златоуста, какъ то, что евангелистъ Иоаннъ, устремившись къ возвышенійшему слову, не оставилъ безъ вниманія воплощенія, такъ и то, что первые три евангелиста, повѣствую о воплощеніи, не умолчали о предвѣчномъ бытіи Христа²⁾. Здѣсь обнаруживается, что евангелисты какъ бы раздѣлили между собою по частямъ великую задачу описанія Лица Искупителя³⁾. Совершенное единомысліе ихъ показываетъ, что одинъ Духъ двигалъ души ихъ всѣхъ⁴⁾.

Божественное происхожденіе четвертаго евангелія подтверждается уже *характеристикой* его составителя. Когда узнаемъ, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, каковъ былъ самъ по себѣ, а потомъ услышимъ его голосъ и любомудріе, тогда убѣдимся, что евангеліе не было его собственнымъ проиавленіемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ его душѣ. Отечества у евангелиста не было почти никакого. Онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія изъ самой презрѣнной въ то время страны, которая не имѣла въ себѣ ничего хорошаго и вошла, поэтому, въ пословицу (Іоан. VII, 52). Онъ былъ сыномъ бѣднаго рыбаря, до того бѣднаго, что и дѣтей своихъ онъ готовилъ къ тому же самому ремеслу: добровольно этого, если къ этому не принудить бѣдность, не сдѣлается ни одинъ ремесленникъ, когда ремесло его низко. Нѣть среди трудящагося класса бѣднѣе, презрѣнїе, невѣжественіе рыбарей. Однако, и между ними одни—выше, другіе—ниже. Апостолъ въ этомъ отношеніи занималъ послѣднюю ступень. Не въ морѣ онъ ловилъ рыбу, а трудился въ небольшомъ озерѣ. По вѣщему же образованію это былъ человѣкъ не только простой,

1) In Ioann. LXIII, 2 (M. LIX, 350).

2) Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

3) Ibidem: XVII, I (M. LIX, 108).

4) Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

но и безграмотный, о чём свидетельствуетъ ев. Лука¹⁾. Какъ понять, что этотъ рыбарь, вращавшійся около озеръ, сътей и рыбъ, происходившій изъ Виесаиды галилейской, сынъ бѣднаго до убожества рыбаря, человѣкъ простой до послѣдней степени простоты, не изучавшій наукъ, принесъ намъ въ своеемъ евангеліи столь возвышенные доктрины, столь превосходныя правила жизни?²⁾ Ясно, что евангеліе не было собственнымъ произведеніемъ его³⁾, что не онъ самъ, а Богъ чрезъ него вѣщалъ роду человѣческому⁴⁾. Не только рыбарю, но хотя бы ритору, софисту, философу—не свойственно излагать столь возвышенныя ученія⁵⁾.

Въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритьъ Златоустъ о божественномъ происхожденіи, о возвышенномъ характерѣ благовѣстія четвертаго евангелиста. Изъ глубинъ божественнаго Духа ап. Иоаннъ изрекаетъ такія тайны, которыхъ не знали даже ангелы прежде совершенія ихъ. Ангелы, начала, власти, херувимы, серафимы (ср. Еф. III, 10), вмѣстѣ съ нами получили познанія чрезъ гласъ Иоанна⁶⁾. Какъ бы чрезъ духовную трубу, услышавъ отъ Духа божественные тайны, воѣглашаль Иоаннъ, сынъ громовъ, въ своеемъ евангеліи⁷⁾. Обращаясь къ образамъ, Златоустъ называетъ ев. Иоанна великимъ орломъ, превзошедшімъ духомъ небо и премірныя силы, начавшимъ свое благовѣстіе отъ самой вершины всего. Одинъ проповѣдя вѣчное и премірное любомудріе, евангелистъ превзошелъ голосъ всякаго грома. Обыкновенный громъ устрашаетъ и орошаетъ: орошаетъ чрезъ облака, устрашаетъ чрезъ звукъ. Голосъ Иоанна также имѣть, эти свойства: орошаетъ Церковь и поражаетъ скопище еретиковъ⁸⁾.

По вопросу о *внѣшнемъ поводѣ* къ написанію евангелія св. Златоустъ всецѣло стоитъ на почвѣ церковной традиції. Такъ какъ первые три евангелиста старались по преиму-

¹⁾ In Ioann. II, 1. (M. LIX, 29, 30).

²⁾ Ibidem: (M. LIX 30).

³⁾ Ibidem: (col. 29).

⁴⁾ Ibidem: (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: II, 3 (M. LIX 33).

⁶⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁷⁾ In Ioann. VII, 1 (LIX, 63).

⁸⁾ Hom. in illud: Ioan. I, 1 et 1 Cor. II. 10; num. (M. LXIII, 543).

ществу изложить исторію земной жизни Христа, то ученю о Его божествѣ угрожала опасность остаться непрекрытымъ. Побуждаемый Христомъ, Иоаннъ и приступилъ къ написанію евангелія. Поэтому, не съ земного, подобно прочимъ евангелистамъ, а съ небеснаго, которое главнымъ образомъ имѣлось въ виду, началъ свою книгу ев. Иоаннъ¹⁾.

Изъ второй половины новозавѣтиаго канона о книзѣ *Дѣяній апостольскихъ* Златоустъ говоритъ, что она можетъ принести не менѣе пользы, чѣмъ Евангеліе. Книга исполнена высокаго любомудрія, чистоты догматовъ и обилія чудесъ, совершенныхъ Св. Духомъ²⁾. Все, что заключается въ въ этой книзѣ, достойно удивленія³⁾. Въ ней таится величайшее сокровище⁴⁾. Дѣянія излагаютъ не только миссіонерскіе подвиги св. апостоловъ, но и многіе догматы, лежащи въ основаніи нашего спасенія (*τὰς ὁἰκουμένας*)⁵⁾. Св. Лука былъ причастенъ Духа⁶⁾. Онъ былъ не сочинителемъ книги, а служителемъ благодати Духа, потому что не самъ произвелъ сказанное, а послужилъ сказанному⁷⁾. Въ одномъ случаѣ Златоустъ говоритъ, что книгу написалъ Духъ Святый⁸⁾, въ въ другомъ—творцомъ ея называетъ Христа⁹⁾.

Изъ посланій апостоловъ къ канону Златоустъ относитъ *три соборныхъ посланія и четырнадцать павловыхъ*¹⁰⁾.

Первоиновникомъ посланій св. апостоловъ Златоустъ называетъ или Христа, или Св. Духа Онъ учить, что Христосъ говоритъ, возвѣщааетъ чрезъ апостоловъ¹¹⁾, двигаетъ устами, душами ихъ¹²⁾ преподаетъ чрезъ нихъ Свои законы и догматы¹³⁾. Собственно о вдохновеніи св. апостоловъ, какъ писателей, Златоустъ говоритъ: апостолами двигалъ Духъ

1) In Ioan. I, 3 (LIX, 17).

2) In Act. apost I, 1 (M. LX 14).

3) Ibid. (LX, 15).

6) Ibidem: I, 2 (LX 17).

4) Ib. (LX, 13).

7) M. LI 101.

5) Ibidem (LX, 14, 15).

8) M. LI 73.

9) In Act. apost. I, 1 (M. LX 15).

10) Срав. напр. цитаты изъ посланія ап. Іакова V, 14, 15 въ *sacerd.* III, 6 (M. XLVIII 644); изъ посланія ап. Петра (IV, 8); in Act apost XL, 3 (M. LX 285); изъ 1-го посланія ап. Иоанна (I, 5); in evang. Ioann. V, 3 (M. LIX, 57).

11) Contr Anom, II, 5 ((M. XLVIII, 716).

12) Adv iud. II, 1 (M. XLVIII, 858).

13) De virgin. 12 (M. XLVIII, 514).

Божій¹⁾), апостолы писали по внушенію Духа Божія²⁾), излагали, преподавали намъ опредѣленія благодати Духа, божественное законы³⁾), говорили не свое, а то, что внушаетъ благодать Духа⁴⁾); наставленія апостоловъ, слѣдовательно, суть дѣло благодати Духа⁵⁾). Еще сильнѣе оттѣняется божественные вліяніе въ писательскомъ вдохновеніи апостоловъ формулами: „это голосъ апостола, а ученикъ Христа“⁶⁾, „апостольский голосъ движется Духомъ“⁷⁾ „сердце апостола было сердцемъ Христовымъ скрижалю Духа Святого⁸⁾.

Высшее происхожденіе и божественный авторитетъ апостольскихъ писаній ставится Златоустомъ *въ органическую связь съ сущностью самого апостолата*. Апостольство стоитъ на недосягаемой высотѣ, на которой въ исторіи божественного Откровенія не находилась ни одна изъ прочихъ духовныхъ властей. Находясь выше всего, голова не только есть начало и власть тѣла, но и корень, потому что первы, управляющіе тѣломъ, исходя изъ нея, произрастаютъ изъ самаго мозга и оживляясь духомъ, управляютъ всѣмъ животнымъ составомъ. Так же и—апостольство: оно не только стоитъ выше прочихъ дарованій, какъ начало и власть ихъ, но содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сосредоточіи, корни ихъ всѣхъ⁹⁾.

Весьма часто и подробно говорить Златоустъ о богоодовенчности апостола Павла. Глубокое уваженіе къ благовѣстію апостола языковъ, обиліе почившихъ на немъ даровъ Духа Божія, многочисленность апостольскихъ писаній, постоянный экзегесисъ ихъ съ проповѣднической каѳедры,—все это служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему великая личность апостола языковъ какъ бы вновь оживаетъ, воскресаетъ подъ перомъ Златоуста. Здѣсь лучшій представитель школы антіохійской Златоустъ

¹⁾ Ad stel. II, 5 (M. XLVIII, 419).

²⁾ Ad viduam: II, 1 (M. XLVII, 611).

³⁾ De libello repud, II, 4 (in illud: 1 Cor. VII, 39—40); n 4 (M. LI 223).

⁴⁾ De stat I, 1 (M. XLIX, 17).

⁵⁾ Ibidem: de stat. I 2 (M. XLIX, 18).

⁶⁾ Contr iud, II, 1 (M. XLVIII, 858).

⁷⁾ Cp. M. XLVIII, 696.

⁸⁾ In ep ad Rom. XXXII, (M. LX. 630).

⁹⁾ De utilit lection, Script. III, 3 (M. LI, 92).

совершенно сходится съ великими александрийцами: Климентомъ, Оригеномъ и др.

Первоклассный по краснорѣчію ораторъ въ мірѣ, ставившій для себя идеаломъ ап. Павла, Златоустъ, однако, *чувствуетъ свое бессиліе* предъ задачей: въ полной мѣрѣ изобразить дивную красоту, всеобъемлющее величіе и неисчерпаемое богатство апостольского благовѣстія. „Пламенію любовью къ этому мужу“, говоритъ Златоустъ, „непрестанно обращаюсь къ нему; взирая на душу его, какъ на нѣкоторый первообразъ, удивляюсь въ немъ господству надъ страстями, высокому мужеству, пламенной любви къ Богу: размышилю, какъ одинъ человѣкъ пріобрѣль по усердію своему всю совокупность добродѣтелей“¹⁾). „Люблю, говоритъ въ дружескій мѣстѣ святитель, останавливаться на этомъ мужѣ и созерцать красоту добродѣтели его. Не столько мои очи радусть солнце взошедшее и испускающее свѣтлые лучи, сколько душу мою просвѣщаетъ Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, возводить душу выше солнца и луны“²⁾). „Постоянно слушая чтеніе посланій блаженнаго Павла,—я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь, воспламеняюсь желаніемъ, узнавая любезный мнѣ голосъ. мнѣ почти кажется, будто онъ явился, присутствуетъ предо мною: я вижу какъ онъ бесѣдуетъ“³⁾). Въ пламенномъ восторженномъ удивленіи и восхищеніи апостоломъ языковъ, св. Златоустъ желалъ бы видѣть прахъ тѣхъ усть, чрезъ которыя Христостъ излагалъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія Самъ возвѣстилъ; прахъ усть, которыми Духъ сообщилъ вселенной дивныя просвѣщенія Свои. Св. отець Церкви желалъ бы созерцать и прахъ сердца Павлова, которое было сердцемъ вселенной, источникомъ безчисленныхъ благъ, стихіей жизни христіанской (ср. 2 Кор. VI, 2 и II 4)⁴⁾. Ему любезень и прахъ рукъ апостольскихъ, которыми были написаны сго богодохновенные посланія (Гал. VI, II; 1 Кор. XVI, 21)⁵⁾. Любить апостола не препятствуетъ

¹⁾ In. Gen. cap. II; XI, 5 (M. LIII, 95. 96).

²⁾ De poenitentia: hom. II, 5 (M. XLIX, 291).

³⁾ In epist. ad Roman Praefacio I (M. LX, 391).

⁴⁾ I In ep. ad Rom. hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

⁵⁾ Ibidem: XXX II, 4, (M. LX, 680).

то, это онъ для глазъ нашихъ невидимъ. Каждый день мы созерцаемъ памятники добродѣтелей апостольскихъ. Устроеніе св. Церкви, ниспроверженіе нечестія, перемѣна жизни, уничтоженіе заслужденія, разрушенные жертвенники, замкнутыя капища,—все это произвела сила слова ап. Павла, воодушевляемая благодатю божественною. Наконецъ, самыя посланія апостола въ точности изображаютъ намъ черты его блаженной души¹⁾.

Многосторонни и разнообразны тѣ духовныя дарованія, которыхъ удостоился великий благовѣстникъ. Душа ап. Павла—лугъ добродѣтелей, духовный рай. Такъ какъ св. апостолъ содѣлался избраннымъ сосудомъ и хорошо очистилъ себя, то на него обильно излился даръ Духа. Этотъ даръ и содѣлался источникомъ дивныхъ писаній апостола. Языкъ—не въ силахъ достойно восхвалить того, кто въ одной лупѣ своей совмѣстилъ всѣ добродѣтели не только человѣческія, но и ангельскія²⁾. Пичто не можетъ сравниться съ душою ап. Павла, лучше же сказать: не съ его душою,—такъ какъ не самъ онъ достигъ этого, а съ благодатю которая, дѣйствовала въ немъ и побѣждала все³⁾). Никакой полководецъ не былъ такъ дружествененъ царю, какъ ап. Павелъ—Богу⁴⁾. Христосъ возжегъ въ душѣ ап. Павла пламя, которое обняло поверхность всей земли, достигло самаго неба, какъ бы прошло небесный сводъ. Но и здѣсь св. апостолъ не остановилъ своего течеія, будучи восхищенъ до третьяго неба (2 Кор. XII, 2)⁵⁾. Этотъ святой, дивный проповѣдникъ въ совершенствѣ преподавалъ великія тайны богопознанія⁶⁾. Всю вселенную прошелъ этотъ велегласнѣйшій проповѣдникъ истины, оставивъ человѣчеству свои исполненные великой мудрости слова⁷⁾. Гражданинъ небесный, хотя еще облеченный немощнымъ тѣломъ, столпъ Церкви, земной

¹⁾ In illud: 2 Corinth. XI I; n. 2 (M. LI, 303).

²⁾ Hom. de laudibus S. Pauli ap, 1 (M. L, 473).

³⁾ In illud: 1 Corinth II, 1—2; h. VI, 1 (M. LXI, 47).

⁴⁾ De oratione: II (M. L, 784).

⁵⁾ Ad Stelechium: II, 2 (M. XLVIII, 413).

⁶⁾ De anguis; 6 (M. LVII, 508).

⁷⁾ Adversus eos, qui apud se habent virgines introductas S (M. XLVII, 501).

ангель, человѣкъ небесный¹⁾), мудрый врачъ душъ²⁾, св. ап. Павель, хотя пе одинъ быль апостоломъ, справедливо называется апостоломъ по преимуществу (*κατ' ἐξαιρετον*³). Другого Павла по благодати и чудесамъ уже не будетъ никогда⁴⁾.

Представляя ап. Павла какъ чрезвычайный органъ благодати Св. Духа, Златоустъ часто пользуется для своей цѣли *образною рѣчью*. Св. апостолъ—это какъ бы небесная труба, поднимающая своимъ сигналомъ упавшій духъ людей, духовная лира, пріятно услаждающая слушателей и одновременно доставляющая имъ великую пользу⁵⁾, духовный рай⁶⁾, избранный сосудъ Духа Божія⁷⁾. Небожественная душа св. апостола⁸⁾, вдохновленная божественною благодатію, превосходила твердостью адамантъ, драгоцѣнностью—золото⁹⁾.

Собственно богоодхновенность ап. Павла, какъ писателя, постоянно предполагается Златоустомъ и выражается имъ въ разныхъ формахъ. Иногда говорящимъ чрезъ ап. Павла называется Христосъ. Въ голосѣ апостола, по образному выражению Златоуста, присутствовалъ Самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ. Какъ возсѣдаетъ Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ Онъ и на языѣ ап. Павла. Подлинно достоинъ быль принять Христа этотъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно серафимамъ, воспарившій на неизреченную высоту¹⁰⁾. Чреъ апостола Христосъ излагалъ великія и неизреченные тайны¹¹⁾. Именно Христосъ вѣщалъ въ апостолѣ¹²⁾, двигалъ душою его¹³⁾. Апостолу принадлежалъ собственно голосъ, а мысль и уч-

¹⁾ De poenitent. II, 5 (M. L, 291).

²⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. L, 272).

³⁾ In ep. ad Roman.; hom. I, 1 (M. LX, 396).

⁴⁾ De poenit. I, 9 (M. XLVII, 408).

⁵⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 1 (M. XLIX, 16. 17); cp. de proph. obscur. I, 6 (M. LVl, 173).

⁶⁾ De laud. Paul. ap; I, 1 (M. L, 473).

⁷⁾ De poenit. II, 5 (XLIX, 290).

⁸⁾ In Gen. IV, 5 (LIII, 44).

⁹⁾ De laud. Pauli apost. II. (M. L, 481).

¹⁰⁾ In epist. ad Roman. Hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

¹¹⁾ In epist ad Roman. XXXII, 3 (M. LX, 3).

¹²⁾ Coutr. anom. II, 5 (M. XLVIII, 716).

¹³⁾ Adversus iudeeos: II, 1 (M. XLVIII, 858).

ниe Христу¹⁾). Законы вѣры и жизни, поэтому, изрекаются ап. Павломъ, лучше же сказать: Самимъ Христомъ чрезъ него²⁾.

Обычно, однако, вдохновителемъ св. апостола называется *Духъ Святой*. Апостолъ Павелъ былъ орудіемъ, органомъ Духа Божія, чрезъ который Онъ сообщилъ вселенной дивныхъ Свои провѣщенія³⁾. Св. апостолъ говорилъ по внушенію Духа⁴⁾, писалъ Духомъ⁵⁾, преподавалъ опредѣленія благодати Духа⁶⁾. Такъ какъ въ апостолѣ говорить собственно Духъ⁷⁾, такъ какъ излагаемое въ посланіяхъ не дѣло Павла, а скорѣе благодати Духа⁸⁾, то и слова его принадлежать благодати Духа⁹⁾, Который дѣйствовалъ па душу апостола¹⁰⁾, управлялъ этою душою¹¹⁾. Не ап. Павелъ, а скорѣе Духъ говоритъ въ посланіяхъ апостольскихъ¹²⁾.

Иногда св. апостолъ представляется у Златоуста *одновременно органомъ Христа и Духа*. Чрезъ уста апостольскія какъ Христосъ изглаголалъ великія тайны, такъ и Духъ сообщалъ вселенной дивныхъ провѣщенія¹³⁾. Слова апостола—не человѣческія слова, а Духа Святаго, Христа, глаголавшаго въ Павлѣ¹⁴⁾.

Наконецъ, нерѣдко фактъ апостольской богодохновенности удостовѣряется *въ болѣе общихъ формулахъ*, напр.: апостолъ вѣщаетъ по силѣ божественныхъ законовъ¹⁵⁾, говорить божественная изреченія¹⁶⁾, изрекаетъ божественные законы¹⁷⁾ и т. п.

¹⁾ Adversus iudeos: II, 1 (M. XLVIII, 858).

²⁾ De virgin. n. 7 (M. XLVII, 538).

³⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58).

⁵⁾ Ad viduam juniores: II, 1 (M. XLVII, 611).

⁶⁾ In ep. 1 Corinth. VII, 39—40 (M. LI, 223).

⁷⁾ De verb. apostoli: 2 Corinth. IV, 13 (M. LI, 282).

⁸⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ Hom. de utilitate lection. n. 4 (M. LI, 93).

¹⁰⁾ De verbis apost. 2 Cor. IV, 13 (M. L, 291).

¹¹⁾ In evang ac Ioan. V, 2 (M. LIX, 56).

¹²⁾ Ad viduam juniores: II, 1 (M. XLVII, 610).

¹³⁾ In epist. ed Rom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

¹⁴⁾ In ep. ad Hebr. X, 1 (M. LXII, 83).

¹⁵⁾ In ep. ad Rom. IX, 1 (M. LX, 467).

¹⁶⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3; n. 3 (M. L, 191).

¹⁷⁾ In illud: 2 Cor. VII, 39—40 (L, 223).

Сообразно съ общимъ ученіемъ о писательскомъ вдохновеніи апостола языковъ, излагается и ученіе Златоуста о боговдохновенности павловыхъ посланий.

Св. апостоль говорилъ свыше по внушенію Духа Божія¹⁾. Слѣдовательно, все, что изложено въ письмени и чрезъ посланія передано всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ,—не дѣло Павла, а благодати Духа²⁾. Посланія Павла—это какъ бы рудники и источники Духа³⁾. Въ этихъ посланіяхъ апостоль всегда говоритъ божественнымъ небеснымъ языкомъ. Не отъ собственного разума, а по царской власти изрекаетъ правила вѣры⁴⁾.

На божественномъ происхожденіи павловыхъ посланий основывается Златоустъ и *характеристику свойствъ* ихъ. Писанія св. апостола—исполнены божественной мудрости⁵⁾, изумительного ума, совершенного разума⁶⁾. Глубина ихъ содержанія—поразительна: изъ одного ихъ изреченія рождаются рѣки мыслей; изъ одного слова извлекается нескажанное богатство любомудрія⁷⁾. Ничего въ павловыхъ посланіяхъ неѣть лишняго, напраснаго: все—необходимо, все чрезвычайно полезно⁸⁾. Обильно излившись на апостола, даръ Духа Святаго содѣлался въ немъ первоисточникомъ дивныхъ рѣкъ. Эти рѣки превосходятъ рѣки райскія не только числомъ, но и свойствомъ теченія. Онъ текутъ ежедневно, возбуждая души человѣческія къ принесенію плодовъ добродѣтели⁹⁾. Для нагляднаго изображенія роли св. апостола, какъ писателя, Златоустъ пользуется двумя образами. Нѣжно любящій отецъ, предназначая великолѣпный домъ для своихъ дѣтей, часто строить его и для пользы внуковъ. Такъ и святой духъ ап. Павла, полный вдохнове-

¹⁾ De proph. obscur. I, 6 (M. LVI, 173); cp. in ep. ad Rom. VII, 3 (LXI, 58).

²⁾ De stat. ad pop. Antioch. I, 2 (M. XLIX, 18)

³⁾ De verbis ap.: 2 Corinth. IV, 13 (M. L, 291).

⁴⁾ De poenit. VII, 1 (M. XLIX, 323).

⁵⁾ De sacerd. IV, 7 (M. XLVII, 670).

⁶⁾ Hom. de Legilat. (M. LVI, 398).

⁷⁾ De verbis apost.: 2 Cor. IV, 13 (M. L, 290. 291).

⁸⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ De laudibus S. Pauli I, 1 (M. L, 473).

нія, любвеобилія и попечительности, оставилъ свои дивныя посланія для пользы грядущимъ поколѣніямъ человѣчества¹⁾. Нѣкогда Ної спась себя и дѣтей своихъ отъ потопа посредствомъ ковчега. Апостоль языковъ совершилъ гораздо большее: онъ исторгъ изъ волнъ сильнѣйшаго потопа всю вселенную. Орудіемъ для этого былъ не бrenный ковчегъ, сколоченный изъ досокъ, а дивный ковчегъ апостольскихъ посланій. Особенность ковчега—это его универсальность. Ковчегъ апостольской достигалъ до предѣловъ вселенной, такъ какъ и устроенъ былъ, соразмѣрно множеству спасаемыхъ. Апостоль вводитъ въ него всѣхъ людей и дѣлаетъ ихъ подобными вышнимъ силамъ. Ковчегъ апостольской укротилъ свирѣпость бури нечестія, потому что не замазкою и смолою намашены были доски его, а Духомъ Святымъ²⁾. Всеобъемлющее значеніе посланій ап. Павла было именно слѣдствіемъ его богодохновенности. Святая душа Павла обнимала всю вселенную, всѣхъ заключала въ себѣ, считая родство въ Богѣ самымъ высшимъ. Апостоль любилъ всѣхъ такъ, какъ будто самъ ихъ родилъ, а лучше сказать: любилъ больше всякаго отца: такова—благодать Духа³⁾. Сердце великаго апостола воспламенялось къ каждому изъ погибающихъ, мучилось болѣзнями рожденія о дѣтяхъ, родившихся несовершенными, было превыше небесъ, пространнѣе вселенной, блестательнѣе луча солнечнаго, горячѣе огня, тверже адаманта; было источникомъ, напаяющимъ человѣческія души, жило не зюю—нашею, а новою жизнью (ср. Гал. II, 20). Словомъ, сердце Павлово было христовымъ сердцемъ, скрижалю Духа Святаго, книгою благодати⁴⁾.

Канонъ Павловыхъ писаній у Златоуста содержитъ въ себѣ всю, безъ исключенія, четырнадцать посланій. Порядокъ расположения этихъ посланій въ общемъ составѣ св. книгъ совершенно другой. нежели порядокъ ихъ написанія. Это цинколько—не удивительно, если и въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., двѣнадцать пророковъ расположены послѣдовательно,

¹⁾ Homil. in illud: 2 Timoph. III. I; n. 3 (M. LVI, 274).

²⁾ De laudibus S. Pauli 1 (M. L, 474, 475).

³⁾ In epist. ad Roman. praef. (LX, 393).

⁴⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 680).

хотя и раздѣлены между собою болѣшимъ промежуткомъ времени¹⁾.

Изъ посланія къ римлянамъ отдалъныя выраженія приводятся Златоустомъ какъ вдохновенные въ вербальномъ смыслѣ²⁾. О первомъ посланіи къ коринѳянамъ св. отецъ Церкви замѣчаетъ, что въ немъ говорить и писать блаженный Павелъ, лучше же сказать: Духъ Святый³⁾. Въ посланіи къ галатамъ говорить ап. Павелъ; а когда называется Павель, то разумѣется Христосъ, потому что Онъ движетъ душою Павла⁴⁾. Посланіе къ ефесянамъ, написанное апостоломъ въ узахъ изъ Рима, исполнено возвышенныхъ созерцаній и догматовъ⁵⁾; оно составлено не столько ап. Павломъ, сколько благодатию Духа⁶⁾. Изреченія посланія къ филиппийцамъ (ср. II, 5—8) называются св. отцомъ Церкви изреченіями Духа, противъ остроты которыхъ не могутъ устоять многочисленные ряды еретиковъ⁷⁾. Касательно посланія къ колоссянамъ Златоустъ замѣчаетъ: „всѣ посланія ап. Павла—святы, но тѣ, которая онъ писалъ, находясь въ узахъ, каково это, заключаютъ въ себѣ что-то большее“⁸⁾. Въ посланіяхъ къ вѣсконикійцамъ св. апостолъ, имѣвшій въ себѣ самомъ говорящимъ Христа, ничего собственно не говорилъ отъ себя одного: какъ посланникъ, онъ только передавалъ слова Поплавшаго. (ср. 2 Кор. XIII, 3; I, 1). Все здѣсь апостоль изрекалъ по внушенію Духа, а инос слышалъ даже отъ Бога словесно⁹⁾. Въ истолкованіи первого посланія къ Тимофею Златоустъ выражается такъ: „Павель изрекъ это или лучше: Христосъ чрезъ Павла“¹⁰⁾. Второе посланіе ап. Павель писалъ для утѣшения Тимофея; все оно исполнено духомъ утѣшения и есть какъ бы нѣкоторое завѣщаніе¹¹⁾. Въ пѣко-

1) Ibidem: praefacio (M. LX, 393).

2) Ср. напр. Рим. VIII, 16; hom. XIV, 2 (M. LX, 527).

3) Ad viduam junior. II, 1 (M. XLVII, 610—611).

4) Advers. iudeos: III, 4 (M. XLVIII, 866).

5) In ep. ad Eph. praef. (LIX, 10).

6) Ibidem: XIII, 1 (M. LXI, 93).

7) In ep. ad Philipp. VI, 1 (M. LXI, 218—219).

8) In ep. ad Coloss. I, 1 (M. LXI, 299).

9) In 1 ep. ad Thess. VIII, 1 (LXI, 439).

10) In 1 epist. ad Timoph. h. XVII (M. LXI, 594).

11) In 2 ep. ad Timoph. IX, 2 (M. LXI, 652).

торыхъ своихъ частяхъ (ср. 2 Тим. III, 8), по предположенію Златоуста, посланіе излагаетъ непосредственная откровенія Духа¹). *Посланіе къ Титу* приводится какъ слово божественнаго Духа²).

Каноническое достоинство *посланія къ Филиону* имѣло въ лицѣ Златоуста горячаго и сильнаго защитника. Св. отцу Церкви—хорошо известно мнѣніе противниковъ посланія, будто оно не заслуживаетъ присоединенія къ канону, такъ какъ касается маловажнаго дѣла и при томъ только одного человѣка. Высказывающіе такое неодобрение сами достойны многихъ укоризнъ. Этого мало, что такія малыя посланія, написанныя о такихъ обыкновенныхъ предметахъ, слѣдуетъ принять въ канонъ. Желательно, чтобы кто-либо былъ въ состояніи разсказать намъ полную исторію апостоловъ, рассказалъ бы намъ подробно не только о томъ, что они писали и говорили, но и о прочемъ образѣ жизни ихъ: о томъ, что они ѿли и когда ѿли, когда сидѣли и куда ходили, что дѣлали каждый день, въ какихъ странахъ бывали, въ какой домъ входили и гдѣ плавали. Многіе не знаютъ происходящей отсюда пользы. Если мы, смотря на мѣста, гдѣ сидѣли или были связаны св. апостолы, на мѣста бездушныя, часто обращаемся къ апостоламъ своею мыслью, представляемъ ихъ добродѣтели, пробуждаемся отъ беспечности, становимся болѣе ревностными, то тѣмъ большее дѣйствіе было бы, если бы мы слышали слова св. апостоловъ и читали бы о дѣяніяхъ ихъ. Всякій спрашивавшій о другѣ, гдѣ онъ живетъ, что дѣляетъ, куда идетъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ знать все это объ учителяхъ вселенной. Обращаясь отъ общихъ теоретическихъ предположеній къ конкретнымъ основаніямъ для подтвержденія каноничности даннаго посланія, св. Златоустъ приводить главныя изъ нихъ. Во-первыхъ, ап. Павелъ показываетъ великую заботливость о бѣглецѣ, разбойнику и ворѣ, не отказывается, не стыдится отсылать его съ похвалами. Этимъ св. апостолъ научаетъ, что и намъ не слѣдуетъ быть небрежными въ подобныхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, если воръ и бѣглецъ сдѣлался на-

1) Ibidem: VIII, 2 (M. LXI, 644).

2) In ep. ad Tit. II, 4 (M. LXI, 675).

столько добродѣтельнымъ, что самъ ап. Павель желалъ имѣть съ нимъ общеніе (ср. ст. 13), то, слѣдовательно, нельзя почитать отверженными сословіе рабовъ. Въ третьихъ, ап. Павель, будучи увѣренъ въ благорасположеніи къ нему Филимона, не захотѣлъ, однако, безъ воли господина, удержать при себѣ Онисима, который былъ такъ ему нуженъ и полезенъ. Св. апостолъ показываетъ этимъ, что рабъ, когда онъ —человѣкъ добродѣтельный, тѣмъ болѣе долженъ оставаться въ услуженіи и почитать власть господина своего, чтобы приносить пользу живущимъ въ его домѣ. Наконецъ, это посланіе наставляетъ вообще не стыдиться рабовъ, если они— добродѣтельны. На этихъ освованіяхъ Златоустъ не только защищаетъ канонической авторитетъ посланія къ Филимону, но и считаетъ крайнимъ безумiemъ обратное мнѣніе, будто оно напрасно включено въ канонъ¹⁾,

Боговдохновенность и каноничность посланія къ евреямъ такъ же бесспорны въ глазахъ св. Златоуста, какъ и его подлинность. Въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія выраженія его, обычно встрѣчающіяся въ истолкованіи посланія, какъ напр.: „мысли апостола произошли не отъ его разума, который прежде былъ такъ ничтоженъ и безсиленъ, что никакъ не превосходилъ разума простолюдиновъ, но отъ благодати Духа, которая являетъ свою силу чрезъ того, чрезъ кого хочетъ“²⁾. Отдѣльная изречѣнія изъ посланія къ евреямъ (ср. XIII, 4) предваряются у Златоуста иногда такъ: говорить апостолъ или лучше чрезъ него Самъ Христосъ³⁾. Съ другой стороны, авторомъ посланія называется именно ап. Павель⁴⁾. Если въ посланіи къ евреямъ апостоль не ставитъ своего имени, то онъ дѣлаетъ это по своему благоразумію. Такъ какъ евреи ненавидѣли ап. Павла, то, чтобы они, услышавъ въ началѣ посланія имя его, не отказались слушать далѣе, онъ мудро достигъ ихъ вниманія, скрывъ свое имя⁵⁾.

По поводу мнѣнія о существованіи кромѣ того, посланія къ лаодикійцамъ, св. Златоустъ на основаніи буквы св.

¹⁾ In ep. ad Thilim praef. 702—704.

²⁾ In ep. ad Hebr. I, 2 (LXII, 16).

³⁾ De vicg. 7 (M. XLVII, 538).

⁴⁾ Срав. напр. Ad Stagyr. III, 14 (XLVII, 494).

⁵⁾ In epist. ad Roman. h. I, 1 (M. LX, 395).

текста (ср. посл. Кол. IV, 16) приходитъ къ заключенію, что существовало не посланіе ап. Павла къ лаодикійцамъ, а скорѣе посланіе ихъ къ апостолу¹⁾.

Книга Апокалипсисъ не внесена Златоустомъ въ канонъ²⁾, вѣроятно, потому, что подлинное происхожденіе ея отъ апостола Иоанна, равно какъ и богодохновенность были еще предметомъ споровъ и сомнѣній въ церковныхъ кругахъ Антіохіи. Примѣчательна въ этомъ отношеніи осторожность Златоуста, который въ своихъ твореніяхъ не приводить цитатъ изъ Апокалипсиса.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In ep ad Colos. XII, 1 (M. LXI, 382).

²⁾ Срав. ero Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 317).

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БІБЛІИ.

(Продолжение) *).

VII.

Божественное вдохновение происходит чрезъ взаимодѣйствіе Бога и человѣка. Въ виду этого, для ближайшаго опредѣленія ученія Златоуста о боговдохновенности по ея существу необходимо изложить *взгляды его на божественного Вдохновителя и на личность св. писателя*.

Акты боговдохновенности не разграничиваются Златоустомъ строго огъ акта божественного Откровенія. Поэтому, свидѣтельства св. Писанія не усвояются имъ исключительно одному изъ трехъ божескихъ лицъ. Кромѣ того, точка зрѣнія Златоуста есть слѣдствіе его ученія о единствѣ Лицъ св. Троицы.

Въ своемъ изложеніи *догмата о трехъ лицахъ въ Богѣ* Златоустъ весьма умѣло, сознательно и авторитетно избѣгаетъ крайностей какъ „нечестиваго смѣщенія Савеллія“,¹⁾ такъ и „безумнаго раздѣленія Ария“²⁾. „Мы можемъ заградить входъ тому и другому, говорить Златоустъ, „такъ какъ исповѣдуемъ едипое Божество Отца, Сына и Святаго Духа, но притомъ въ трехъ Лицахъ“³⁾.

Савелліанизмъ сводилъ различіе Лицъ въ Богѣ къ разности въ наименованіяхъ. Въ противоположность Савеллію, Златоустъ учитъ о реальномъ значеніи этого различія.

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 8 за 1912 годъ.

¹⁾ De sacerdot IV, 4 (M. XLVII, 667).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

Какъ Сынъ называется Словомъ и однако—не безличенъ, но изъ этого наименования познается сродство Его съ Отцомъ, такъ и Духъ Божій называется не потому Духомъ, что Онъ—безличенъ, но вслѣдствіе сродства съ Отцомъ. Какъ Сынъ потому сообщаетъ намъ усыновленіе, что Онъ есть истинный Сынъ Отца, такъ и Духъ потому сообщаетъ памъ дарованія, что Онъ по природѣ божеское Существо ¹⁾. Отсюда проистекаетъ полная гармонія въ дѣйствованіи. То, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну. Сосущественный Отцу, Духъ сосущественъ и Сыну. Сынъ Самого Себя пожертвовалъ за людей; также точно, съ соизволенія Отца и Св. Духа, Онъ даровалъ человѣчеству сосущественаго Себѣ Духа, чтобы оживотворить міръ ²⁾.

Арианізмъ объяснялъ различіе Лицъ въ Богѣ въ смыслѣ разности самыхъ сущностей. Златоустъ учить, что божественные Лица въ Троицѣ—не раздѣльны. Ничто не раздѣляетъ Отца, Сына и Святаго Духа. Не раздѣляетъ протяженіе времени: прежде вѣковъ—Отецъ; прежде вѣковъ—Сынъ, сотворившій вѣка; прежде вѣковъ и Духъ Святый. Природа и сила божескихъ Лицъ—не раздѣльны: царствуетъ Отецъ, царствуетъ Сынъ, царствуетъ и Духъ Святый ³⁾. Совершенное согласіе, нераздѣльность и равночестность пребываютъ между Лицами св. Троицы ⁴⁾. Нераздѣльность простирается одинаково на свойства и дѣйствія Лицъ. Все совершаются Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ ⁵⁾. Поэтому, когда говорится объ Отцѣ, то не исключается Сынъ; когда говорится о Сынѣ, не исключается Духъ ⁶⁾. Сыну и Святому Духу принадлежитъ то, что присвоется Отцу. Одинъ даръ и одна власть у Отца, Сына и Святаго Духа ⁷⁾.

На основаніи вышеизложенныхъ взглядовъ и ученій о единствѣ и нераздѣльности Лицъ въ Богѣ св. Златоустъ 1887 года; изданіе на латинскомъ языке съ армянского оригинала).

¹⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. LV, 187).

²⁾ In Isa. XI, 2 (р. 151: по изданію мекитариевъ въ Венеціи 1887 года; изданіе на латинскомъ языке съ армянскаго оригинала).

³⁾ Orat. de divin. Trinitate: 7 (M. LVI, 510).

⁴⁾ Orat. in diem Pentycost. II, 2 (M. XLIX: 465).

⁵⁾ In Ioann. XXV, 3. (M. LIX, 150).

⁶⁾ Contr. anom. V, I (M. XLVIII, 737).

⁷⁾ In Ioann. LXXXVI, 3 (M. LIX, 471).

занія опредѣленнаго Лица, или же *какому-либо Лицу божескому* въ отдельности.

Въ началѣ съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ и др. Богъ *бесѣдовалъ Самъ* настолько, насколько это возможно было для людей, насколько имъ было возможно слышать слова Божіи. Но затѣмъ природа человѣческая, уклонившись ко злу, какъ бы удалилась въ далекую чужую страну. Тогда-то Богъ посыаетъ намъ св. Писаніе, возобновляя чрезъ письмо старую дружбу съ нами¹⁾. Именно Богъ открылъ чрезъ Моисея заповѣди въ законѣ²⁾; Богъ послалъ Писаніе, а Моисей только принесъ его людямъ³⁾. Богъ говорилъ, бесѣдовалъ, научалъ устами пророковъ⁴⁾, возвѣщалъ, говорилъ чрезъ пророковъ⁵⁾ и пр. Даже отдельныя слова и выраженія ветхозавѣтныхъ писателей усвояются Златоустомъ непосредственно Богу, какъ Имъ Самимъ избранныя и употребленныя⁶⁾. Так же и о писателяхъ Нового Завѣта, о св. апостолахъ Златоустъ учитъ: въ нихъ говоритъ Богъ⁷⁾; вождемъ ихъ является Самъ Богъ⁸⁾ и пр. Нерѣдко и о всѣхъ вообще писателяхъ обоихъ завѣтовъ ср. отецъ Церкви выражается: чрезъ пророковъ и апостоловъ бесѣдуетъ съ нами Богъ⁹⁾.

Болѣе опредѣленное значеніе имѣютъ тѣ случаи, когда въ качествѣ первовиновника св. Писанія вообще или отдельныхъ его мѣстъ называется Златоустомъ *какое-либо одно божеское Лицо*.

О первомъ Лицѣ св. Троицы обычно говорится: Отецъ

¹⁾ In Genes. Sermo I, 2 (M. LIV, 582).

²⁾ In Matth. LXXII, I (M. LVIII, 667).

³⁾ In Genes. I, 2 (M. LIV, 582).

⁴⁾ In Gen. cap. II; h. XV, I (M. LIII, 119); ibid.; III, 2; cap. I (M. LIII, 34); contr. anom. IV, 3 (M. XLVIII, 731); in Matth. LVIII, 4 (M. LVIII, 320).

⁵⁾ In Gen. Serm. I, 1 (M. LIV, 582); in verba apost. Rom. V, 3 (LI, 159); in illud 1 Cor. VII, 39—40; n. 2; de libello repudii (M. LI, 220); contr. anom. II, 5 (XLVIII, 716); in psalm. CXXIX, 3 (M. LV, 375).

⁶⁾ In psalm. III, n. 1 (M. LV, 36); in psalm. VI, 1 (M. LV, 71).

⁷⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁸⁾ In Matth. I, 6 (M. LVII, 20).

⁹⁾ In Ioann. LVIII, 4 (M. LIX, 320) и др.

свидѣтельствуетъ чрезъ Писанія ¹⁾), въ писаніяхъ содержится свидѣтельство Отца (ср. Иоан. V, 39) ²⁾ и т. п.

Гораздо чаще говорящимъ въ св. писателяхъ или чрезъ св. писателей представляется *Сынъ Божій Христосъ*. Именно Христосъ далъ законъ Моисею (Μωυσῆ ἀὐτὸς τὸν νόμον ἔδωκε) ³⁾. Давшій законъ есть Тотъ, Кто воплотился, а Воплотившійся есть Тотъ, Кто далъ законъ ⁴⁾. Христосъ послалъ пророковъ ⁵⁾ и говорилъ у пророковъ ⁶⁾. Словомъ, Христосъ основалъ Ветхій Завѣтъ ⁷⁾. Слѣдовательно, Онъ можетъ быть названъ Законодателемъ обоихъ завѣтовъ ⁸⁾. И донынѣ Христосъ какъ бы предстоитъ среди нась, такъ какъ говорить къ намъ чрезъ пророковъ и учениковъ Своихъ ⁹⁾. Евангеліе спасенія, евангеліе Христова царствія одинаково возвѣщается пророками и апостолами. Писанія тѣхъ и другихъ—это царская трапеза Христова ¹⁰⁾. Христосъ представляется говорящимъ и въ отдѣльныхъ писателяхъ Нового Завѣта. Самъ Единородный научаль высшимъ догматамъ ап. Иоанна, этого сына грома ¹¹⁾. Къ написанію евангелія этотъ апостолъ приступилъ побуждаемый именно Христомъ ¹²⁾. Еще характернѣе замѣчаніе Златоуста о книгѣ „Дѣяній“: „иे по-грѣшилъ тотъ, кто припишеть это твореніе Лукѣ; а когда я говорю: ему, разумѣю Христа“ ¹³⁾. Подобнымъ образомъ, говоря о составленіи посланія къ галатамъ, Златоустъ выражается такъ: „Когда назову Павла, то разумѣю Христа, потому что онъ движетъ душою Павла“ ¹⁴⁾.

¹⁾ In Ioann. XL, 3 (M. LIX, 233).

²⁾ Ibidem: (M. LIX, 233).

³⁾ Contra anom. X, 5 (M. XLVIII, 791).

⁴⁾ In. psalm. XLVI, 6 (. LV, 216).

⁵⁾ Hom. in Matth. XXII, 39 (M. LI, 37).

⁶⁾ Hom. in Matth. XXI, 23 (M. LVI, 423).

⁷⁾ Advers. iudaeos. demonstr... n. 2 (M. XLVIII, 815): τὴν Παλαιὰν

Αὐτὸς ἐνορθώετησεν.

⁸⁾ In Isa II, 4 (M. LVI, 182).

⁹⁾ In Ioann. XXXI, 5 (M. LIX, 312).

¹⁰⁾ Homilia de Legislatore; n. I (M. LVI, 397).

¹¹⁾ Contr. anom. IV, 3 (M. XLVIII, 730. 731).

¹²⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

¹³⁾ In Act. I, 1 (M. LX, 15).

¹⁴⁾ Adv. iudaeos: III, 4 (M. XLVIII, 866); ср. II, I (M. XLVIII, 858)

и друг.

Кромъ общецерковной идеи о Христѣ, *какъ Посредникъ* въ сообщеніи откровеній Бога - Отца людямъ, только что изложенное учение Златоуста основывается именно на догматѣ о нераздѣльности существа и дѣйствованія божескихъ Лицъ. „Для меня и для всякаго вѣрующаго, писалъ Златоустъ, остается твердымъ тотъ догматъ благочестія, что гдѣ представляется говорящимъ одинъ Отецъ, тамъ разумѣется вмѣстѣ Сынъ и Духъ Святой. Гдѣ говорить Сынъ, тамъ и власть Отца; гдѣ дѣйствуетъ Духъ Святый, тамъ дѣйствуетъ и Отецъ. Слава святой Троицы не раздѣляется, какъ не раздѣляется и учение истины“¹⁾. Съ точки зреанія этого „непоколебимаго правила вѣры“ тотъ человѣкъ, который имѣеть въ себѣ Духа Божія, имѣеть и Самого Христа. Христосъ находится всегда тамъ, гдѣ присутствуетъ Духъ²⁾ Власть Сына и Духа Святаго—одна и та же³⁾.

Нельзя не подмѣтить, однако, того факта, что выраженіями: „Христосъ говоритъ у пророка“⁴⁾ или „въ апостолѣ“⁵⁾, „Христосъ управляетъ и руководитъ душою апостола“⁶⁾ и т. п. Златоустъ обычно характеризуетъ *собственно откровенную дѣятельность Сына Божія. Богодохновенность же, какъ даръ писательства, усвоется Златоустомъ Духу Святому.* Св. отцу Церкви было хорошо известно учение о томъ, что домостроительство о людяхъ какъ бы раздѣлено между Богомъ—Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ⁷⁾. Первое Лицо, по учению Златоуста, есть Первоисточникъ божественнаго Откровенія, второе—сообщаетъ его людямъ, третье—усвояетъ чрезъ вдохновеніе. Отецъ говоритъ, Сынъ—возвѣщаетъ, Духъ Святый утверждаетъ⁸⁾.

Свойства Духа Божія, какъ непосредственнаго Вдохновителя св. писателей, указаны св. Златоустомъ обстоятельно, ясно и въ православно-церковномъ смыслѣ. Только безуміе еретиковъ можетъ поносить божеское достоинство Духа,

¹⁾ In Matth. XXI, 23; num; 5 (M. LVI, 422).

²⁾ In ep. ad Roman. XIII, 8 (M. LX, 519).

³⁾ In epist. Gal. I, 2 (M. LXI, 614).

⁴⁾ In Matth. XXI, 23; n. 6 (M. LVI, 423).

⁵⁾ In Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

⁶⁾ In psalmi. XLVI, 3 (M. LV, 212).

⁷⁾ Hom. in Pentecost I, 2 (M. XLIX, 456).

⁸⁾ In Matth. XXI, 23; n. 6 (M. LVI, 423).

оскорблять достоинство Его благодати ¹⁾. Духъ Божій не есть часть творенія ²⁾. Глаголавшій во пророкахъ и апостолахъ есть Богъ и Господь ³⁾. Этотъ Духъ имѣеть высочайшую власть, царскую сущность, ту же божескую силу, какъ Богъ-Отецъ и Сынъ Божій ⁴⁾. Духъ Божій—единосущенъ Отцу и Сыну ⁵⁾; у Кого же одна сущность, у Того, очевидно, одна самобытность ⁶⁾. Духъ Божій спрославляемъ Отцу, соизвѣстуетъ Сыну и, какъ таковой, обладаетъ всѣми божескими свойствами, каковы: божественное величие, царственное достоинство, недосягаемая слава, непостижимая сила ⁷⁾. Духъ Божій сроденъ Богу, какъ человѣческій духъ сроденъ человѣку, пребывая, однако, въ собственномъ Лицѣ ⁸⁾. Духъ Святый, поэому, съ точностью знаетъ сущес въ Богѣ, какъ человѣкъ знаетъ находящееся въ немъ самомъ ⁹⁾. Поэтому, какъ человѣческое знаніе—равно самому себѣ, такъ совершенное знаніе Духа—равно знанію Божію ¹⁰⁾.

Соответственно такому ученію о божествѣ Духа Святаго, Златоустъ и на вдохновеніе св. писателей смотритъ, *какъ на актъ божественный и сверхъестественный*. Богоодновенность постоянно представляется у св. отца Церкви непосредственнымъ и собственнымъ дѣломъ Духа Божія. Все сказано, все изречено въ божественныхъ писаніяхъ Духомъ Святымъ ¹¹⁾ По вдохновенію Духа Святаго написаны книги Ветхаго Завѣта. Такъ пророкъ Моисей былъ руководимъ наставленіями Св. Духа ¹²⁾ писалъ по внушенію благодати Духа ¹³⁾ по наученію Св. Духа (*ύπ̄ο τῆς τοῦ ἀγίου Πνεύματος διδασ-*

¹⁾ Orat. de div. Trinitate: n. 10 (M. LVI, 514); ср. in illud: 2 Cor. VII, 4 (M. XLI, 448).

²⁾ Contr. anom. V. 2 (M. XLVIII, 737).

³⁾ Orat. de divin. Trinit. n. 9 (M. LVI, 514).

⁴⁾ In 2 ep. ad Corinth VI, 2 (M. LXI, 439).

⁵⁾ Orat. in diem Pentycost. II, 2 (M. XLIX, 466).

⁶⁾ Ibidem: II, I (M. XLIX, 464).

⁷⁾ Orat. de divin. Trinitate: 5 (M. LVI, 507).

⁸⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. VL, 187).

⁹⁾ Contr. anom. V, I (XLVIII, 737).

¹⁰⁾ In epist. I ad Corinth. VII, 4 (M. LXI, 59).

¹¹⁾ In Ioann. XXXVI, I (M. LIX, 203) ср. h. L, I (M. LIX, 277).

¹²⁾ In Gen. cap. II (LIII, 122); hom. XV, 3.

¹³⁾ In Gen. XIV, 2; cap. II (M. LIII, 112).

захъя) ¹⁾, говорилъ Духомъ Святымъ ²⁾). Нерѣдко св. отецъ Церкви выражается въ вербально-динамическомъ смыслѣ, какъ напр.: „Духъ двигаетъ устами пророка Моисея ³⁾, сообщаетъ ⁴⁾, научаетъ ⁵⁾). Поэтому Моисей говорить не простыя слова, но слова Божіи, не свои слова, а слова Духа Святаго ⁶⁾). Пророческій писательскій даръ—также есть дѣло Духа Божія. „Все, что ни говорили пророки, они говорили по внушенію Духа“ ⁷⁾). Всякій пророкъ говорить именно по вдохновенію отъ Духа Святаго, говоритъ Духомъ Святымъ ⁸⁾). Духъ—это возбудитель пророческой силы; пророчество именно въ Духѣ имѣеть для себя основу ⁹⁾! Духъ дѣйствовалъ во пророкахъ и чрезъ пророковъ ¹⁰⁾, говорилъ устами пророковъ ¹¹⁾. Боговдохновенность составителей агиографовъ также представляется у Златоуста благодатнымъ даромъ Духа Божія. Давидъ, напр., духовной лирой своей возвѣщалъ то, что внушилъ ему Духъ Святый ¹²⁾). Блаженный пророкъ этотъ позналъ величія тайны премудрости Божіей именно благодаря тому, что былъ удостоенъ высокой степени благодати Духа ¹³⁾). Слова псалмовъ принадлежать собственно благодати Духа, а не Давиду ¹⁴⁾.

Въ *Новомъ Завѣтѣ* боговдохновенность св. писателей также усвояется Златоустомъ именно *третьему Лицу* божественной Троицы. Самъ Христосъ не оставилъ апостоламъ чего-либо писаннаго, но вмѣсто писаній, даровалъ имъ благодать Духа ¹⁵⁾). Слѣдовательно, св. апостолы говорили и пи-

¹⁾ Ibidem: XXI, I; cap. V и VI (M. LIII, 175); X, 3; cap. I (LIII, 85).

²⁾ Ibidem:—X, (LIII, 85); cap. I.

³⁾ In Gen. III, 2 (M. LIII, 34); cap. I.

⁴⁾ Ibidem: IV, 4; cap. I (M. LIII, 43).

⁵⁾ III, 3; cap. I (M. LIII, 35).

⁶⁾ Ibidem: XIV, I; cap. II, (LIII. III); XV, I; cap. II (M. LIII, 119).

⁷⁾ In Matth. XLI, 3 (M. LVII, 449).

⁸⁾ Hom. de div. Trinit. n. 9 (M. LVI, 513).

⁹⁾ Ibidem: 9 (M. LVI, 513).

¹⁰⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14) in Isa.: VI, 1; n. 2 (M. LVI, 100).

¹¹⁾ In Isa. LIII, 6—8 (по венеціанскому изданію мекитаристовъ 1887; п. 391).

¹²⁾ Orat. de divin. Trinitate; n. 9 (M. LVI, 513)

¹³⁾ In Genes. cap. I; h IV, 5 (M. LIII, 44).

¹⁴⁾ In psalm. CXLV, I; n 2 (M. LV, 520).

¹⁵⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 14).

сали не сами, по сила Духа чрезъ нихъ¹⁾). Такъ Матеей написалъ свое евангелие, исполнившись Духа Божія²⁾). Евангелистъ Іоаннъ, когда писалъ, имѣлъ свѣтъ не отъ себя самого, но отъ благодати Духа³⁾). Апостоль возглашалъ только то, что слышалъ отъ Духа⁴⁾). Въ немъ вѣщалъ именно Утѣшитель, вездѣсущій; Духъ святости, Духъ правый, владычествующій, руководящій на небеса, дающій очи другія, способныя видѣть будущее, какъ настоящe⁵⁾). Поэтому, когда мы читаемъ четвертое евангелие, то должны внимать не рыбарю, не сыну Заведея, а Тому, Кто вѣдаетъ глубины Божіи, Духу Святому, Который двигалъ лиру св. евангелиста⁶⁾). Подобнымъ образомъ и богодохновенность апостола языковъ постоянно возводится Златоустомъ къ Духу Святому, какъ истинной ея Первопричинѣ. Ап. Павель говорилъ и писалъ не по внушенню своего разумѣнія, но движимый благодатю⁷⁾). Изречения св. апостола, изложенные въ писаніяхъ его, суть дѣло благодати Духа⁸⁾). Посланія написаны ап. Павломъ, лучше же сказать: Духъ Святый провѣщевалъ ихъ чрезъ него⁹⁾). Такъ какъ голосъ апостольскій былъ движимъ Духомъ¹⁰⁾, то въ словахъ апостольскихъ преподаны намъ Утѣшителемъ божественные законы и опредѣленія¹¹⁾.

Изъ вышепизложенного легко видѣть, что если Златоустъ иногда и усвояетъ мысли и изречения св. писаній Богу Отцу или Богу-Сыну, то это дѣлается имъ съ точки зрѣнія догматического традиціоннаго ученія *о единствѣ существа божескихъ Лицъ*, съ одной стороны, и *о раздѣленіи* откровенной дѣятельности между тремя божескими Лицами,—съ другой. Безспорно, однако, что роль Духа Святаго въ составленіи св. писаній указана и описана св. отцомъ Церкви настолько

¹⁾ In Matth. XXXIII, 4 (M. LVII, 393).

²⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

³⁾ In Ioann. XL, 2 (M. LIX, 231).

⁴⁾ In Ioann. VII, 1 (M. LIX, 63).

⁵⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 27).

⁶⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁷⁾ In epist. I, ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58); in. Rom. XIV, 3 (M. LX, 527).

⁸⁾ De stat. ad. popul. Antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3 (M. LI, 187): n. 1.

¹⁰⁾ Hom. de presb. n. 3 (M. XLVIII, 696).

¹¹⁾ In illud: I Cor. VII, 39—40 (M. LI, 223); n. 4.

определенными и точными чертами, что едва ли может быть сомнѣніе въ томъ, что онъ смотрѣлъ на богохвальность какъ *на особенное, чрезвычайное и собственное дѣло третьяго Лица св. Троицы*. Принявъ же въ соображеніе состояніе догматической науки въ вѣкъ Златоуста и то обстоятельство, что онъ не имѣлъ повода излагать догматъ о богохвальности во всей его полнотѣ, вслѣдствіе ея самочевидной достовѣрности для вѣры современныхъ христіанъ, должно признать въ учени св. отца Церкви достаточную степень ясности и определенности.

VIII.

Въ качествѣ органовъ вдохновляющаго и просвѣщающаго воздействиѣ Духа Святаго, Златоустъ указываетъ людей *съ высокими качествами духа*.

Важнѣйшимъ условиемъ для богохвальности св. писателей выставляется у Златоуста *нравственная чистота ихъ душъ*. Для общенія съ Богомъ требуется красота души, а не красота рѣчи или изысканность слова. Душа получаетъ все, когда возглашаетъ угодное Богу ¹⁾). Благодать Духа сообщаетъ дары свои въ обиліи тогда, когда со стороны человѣка-писателя обнаружается пламенное желаніе и возбужденный умъ ²⁾). Истинно познавать величие Бога, насколько это возможно, могутъ только люди святы ³⁾). Св. писателей обоихъ завѣтovъ Златоустъ, дѣйствительно, называетъ *святыми* ⁴⁾, *блаженными* ⁵⁾ *дивными людьми* ⁶⁾). Характеризуя этихъ писателей, Златоустъ обычно отмѣчаетъ въ нихъ высоту нравственныхъ качествъ, благодаря которой была возможна и близость ихъ къ Духу Божию. Такъ Моисей былъ рабомъ Божіимъ, близкимъ другомъ Бога, вѣрнымъ Богу и пр. ⁷⁾. Сердце царя Давида прежде было очищено отъ грѣховъ благодатію Духа и только

¹⁾ In psalm. IV, 2 (M. LV, 42).

²⁾ In Genes cap. I; III, 1 (M. LIII, 32).

³⁾ In ps. CXXXIV, I (M. LV. 389).

⁴⁾ De mutatione nominum (Act. XI, 1) (M. LI, 119); in illud: 2 Cor. XI, 1 (M. LI, 301); in Matth. LXVIII, 4 (LVIII, 645) и др.

⁵⁾ De compunct. ad Demetrium monach. 1, 8 (M. XLVII, 405) и др.

⁶⁾ De divin. Trinit. 6 (M. LVI 509).

⁷⁾ In Ioann XIII, 1 (M. LIX, 85).

тогда могло производить „слово благое“ (ср. пс. LXVI, 2)¹⁾ Пророкъ Давидъ могъ творить и пѣть свои дивные псалмы только тогда, когда его умъ обновлялся и содѣлывался достойнымъ посѣщенія Св. Духа²⁾). Та же нравственная чистота и духовное обновленіе требовались для вдохновенія св. пророковъ. Въ качествѣ примѣра указывается Златоустомъ пророкъ Елисей. Когда цари убѣждали его предсказать будущее (4 Цар. III, 15), онъ потребовалъ человѣка умѣющаго пѣть. Святой Духъ сходилъ на Елисея во время пѣнія человѣка, свѣдущаго въ этомъ искусствѣ. Это отнюдь не свидѣтельствуетъ, по столкновенію Златоуста, будто Духъ Святой очаровывался красивыми звуками. Пѣніе только содѣйствовало подъему настроенія и обновленію пророческой души, дѣлая изъ нея храмъ Духа Святаго³⁾). Всѣ вообще пророки, какъ то: Моисей, презрѣвшій царскіе чертоги, Самуилъ, воспитывавшійся въ храмѣ Божіемъ, Елисей, Іезекіиль, оставившіе все, что имѣли, получали Святого Духа, имѣнно по обнаруженіи добродѣтели своей⁴⁾) Необходимость особенной душевной чистоты, какъ условія божественного вдохновенія, совершенно понятна. Будущее невозможно созерцать человѣку, прельщеному настоящимъ. Великія духовныя блага получаетъ только тотъ, кто земное почитаетъ какъ бы за тѣнь, за сновидѣніе. Отрѣшившись отъ настоящаго, души святыхъ пророковъ получали чрезъ это другія очи, способныя созерцать будущее. А отрѣшеніе это было именно дѣломъ собственныхъ усилий св. пророковъ, послѣ чего благодать Божія открывала имъ новыя другія очи для боговдохновенныхъ созерданій⁵⁾). Св. отецъ Церкви дѣлаетъ по сему предмету соотвѣтствующія разъясненія. Пока человѣческая душа вращается на землѣ, ее облегаютъ безчисленными цѣпями тѣло и тѣлесныя чувства. Но когда душа воспаряетъ, когда дѣятельность чувствъ направляется на ту же высоту, тогда сила духовной гармоніи истройной мелодіи охватываетъ душу⁶⁾.

¹⁾ In ps. XLIV, 1 (M. LV, 183).

²⁾ De Legistatore: I LIV, 402).

³⁾ De legislatore. n. 1 (M. LVI, 402).

⁴⁾ In Act. IV, 2, (M. LX, 44, 45).

⁵⁾ Ad Stelechium: II, 2 (M. XLVII, 413).

⁶⁾ Ibidem: II, I (M. XLVII, 412).

Нравственная чистота и отръщенность отъ всего земного, материального рассматривается у Златоуста въ качествѣ необходимыхъ условій богоодхновенности и въ періодъ Нового Завѣта. Простые люди содѣлались апостолами Христова благовѣстія не благодаря знаменіямъ. Чистая жизнь, любовь къ человѣчеству (ср. Ioan. XIII, 35), которыми св. апостолы просияли, содѣлали ихъ служителями Христа¹⁾. Только тогда когда апостолы оставили все, что было у нихъ, они сподобились Духа²⁾. Съ принятіемъ Духа, они измѣнились, стали выше всего плотского, такъ какъ, гдѣ является Духъ Святой, тамъ бренные становятся золотыми³⁾. Св. апостолы, дѣйствительно, содѣлались ангелами свѣта, служителями высшихъ дѣлъ⁴⁾. Они писали все не для суетной славы, не для возбужденія удивленія къ себѣ, какъ это дѣлали внѣшніе мудрецы, а для идеальныхъ цѣлей спасенія человѣчества⁵⁾. Поэтому, въ ихъ книгахъ обнаруживаются достойныя удивленія правдолюбіе, безпристрастіе и скромность⁶⁾.

Въ частности, *евангелистъ Иоаннъ* называется у Златоуста святымъ сосудомъ, возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ. Возлежа на персяхъ господнихъ, онъ какъ бы почерпалъ изъ нихъ божественные струи (*της θειας πηγῆς ἐκεῖθεν αριστερούς*)⁷⁾. *Евангелистъ Лука*, какъ и многіе христіане того вѣка, обладалъ чрезвычайными дарами Духа Божія⁸⁾. Апостолъ *Петръ* явилъ высочайшій образъ жизни. Онъ творилъ чудеса, превышающія естество (Дѣян. III, 2—6). Но высокой чести апостольства онъ удостоился не столько за свои знаменія, сколько за свою жизнь, за любовь, за пламенную ревность къ вѣрѣ (Иоанн. XXI, 13—17; Мате. XVI, 16—18).

Особенно часто Златоустъ останавливается на высокомъ нравственномъ обликѣ *апостола Павла* Душа великаго апостола—это цѣлый духовный рай⁹⁾. Въ душѣ этой—цѣлый

¹⁾ In inscriptionem. Actoram: u 8, 4 (L, 8283).

²⁾ In Act. VI 2 (LX, 44, 45).

³⁾ In Act. IV, 3 (M. LX 46).

⁴⁾ In Act. IV. 2 (M. LX, 45).

⁵⁾ De Laz. III, 2, 3, (M. XLVIII 994),

⁶⁾ In Ioan. XLVIII, 1 (M. LIX, 270); XVII- 3 (M. LIX, 112); XXIX, 2 (M. LIX, 168).

⁷⁾ Contr, anom. IV, 3 (M. XI.VIII, 730).

⁸⁾ In Act. 1, 2 (LX, 17).

⁹⁾ De laud. apost. Pauli: h. 1 (M. L, 473).

сънъмъ добродѣтелей¹⁾). Св. Павелъ больше всѣхъ людей показалъ насамомъ себѣ, каково—благородство человѣческой природы и къ какой добродѣтели способно существо наше²⁾). Душу апостола украшали мужество³⁾, превосходство ревности, сердечное благородство⁴⁾, смиренномудріе⁵⁾. Искримъ пламенемъ горѣла въ апостолѣ любовь ко Христу и всему человѣчеству⁶⁾). Величие апостола языковъ именно въ любви этой. Желѣзо, брошенное въ огонь, все дѣлается огнемъ. Такъ и апостолъ Павелъ, пылая огнемъ любви, весь сталъ любовю. Всю вселенную обнимала святая душа его, всѣхъ заключала въ себѣ⁷⁾). Такія свойства души апостола привлекли къ ней благодать Духа Божія. Даръ Духа обильно излился на апостола именно потому, что онъ хорошо очистилъ свою душу⁸⁾). Задавая вопросъ, отчего ап. Павелъ сдѣлался великимъ, Златоустъ, поэому, отвѣчасть на него такъ: самъ отъ себя и отъ Бога; отъ Бога потому, что самъ отъ себя⁹⁾.

Вышеизложенныя характеристики нравственныхъ свойствъ св. писателей Ветхаго и Новаго Завѣтovъ въ достаточной мѣрѣ освѣщають точку зрењія Златоуста на то, чѣмъ были эти писатели въ этическомъ отношеніи.

Точка зрењія Златоуста, однако, не была безусловной, недопускающей исключений. Св. отцу Церкви хорошо известны, хотя и рѣдкіе, немногіе, случаи богодохновенности лицъ нравственно недостойныхъ сего. Такъ пророчествовалъ Каїафа-первосященнікъ, хотя и былъ недостоинъ дара пророческаго. По истолковашю Златоуста, Каїафа говорилъ то, что самъ не разумѣлъ. Только устами его воспользовалась благодать. Но она не коснулась нечистаго сердца первосященника¹⁰⁾). Также предсказывали будущее, пророчествовали

¹⁾ In Genes, XI. 5 (M. LIII, 95); de laud. Pauli: II (M. L, 478).

²⁾ In inscriptionem Actorum: II, 4, 5, 6 (M. LX, 83—86).

³⁾ De laud. ap. Panli: II (M. L, 478).

⁴⁾ In 1 epist. ad Corinth, XXV, 4 (M. LXI, 210).

⁵⁾ De laud. ap. Pauli: h. VII, (M. L, 510).

⁶⁾ In ep. I ad Corinth. XXXII, 5 (M. LXI, 328).

⁷⁾ In Ioann. XXXI, 3 (M. LIX, 189).

⁸⁾ De laud. P. III (L, 486) cp. in Rom, praef. 2 (M. LX, 394).

⁹⁾ De laud. ap. Pauli: h. (M. L, 493).

¹⁰⁾ Ibidem: VII, (L, 510).

¹¹⁾ In Ioann. h. LXV, 1 (M. LIX, 361).

Навуходоносоръ, фараонъ, Валаамъ, не будучи достойны того¹⁾). Св. отець Церкви видѣтъ особую силу Духа именно въ томъ, что даже изъ лукавыхъ душъ человѣческихъ Онъ смогъ извлечь слова, полныя чуднаго пророчества²⁾). Въ то же время Златоустъ дѣлаетъ опытъ для объясненія того факта, почему Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго. Богъ обыкновенно присутствуетъ въ людяхъ недостойныхъ ради пользы многихъ. Богъ благоволилъ говорить съ Каиномъ ради Авеля, съ діаволомъ ради Іова, съ фараономъ ради Іосифа, съ Навуходоносоромъ ради Даниила, съ Валтасаромъ ради него же. Волхвамъ было откровеніе, и Каїфа пророчествовалъ ради достоинства священнаго сана, несмотря на то, что былъ убийцею Христа и недостойнымъ; можетъ быть, поэтому, и Ааронъ не былъ пораженъ проказою³⁾). Именно для цѣлей спасенія Богъ дѣйствуетъ чрезъ людей, хотя бы они были недостойны, сего. Для спасенія народа Богъ дѣйствуетъ чрезъ Валаама, человѣка нечестиваго (Числ. XXII), дѣйствовалъ чрезъ Іуду и чрезъ такихъ пророковъ, которымъ нѣкогда скажетъ: „незнаю васъ: отойдите отъ Меня всѣ дѣлатели неправды“ (ср. Лук. XIII, Мате. 27. VII, 23)⁴⁾.

Однако, всѣ вышеуказанные случаи отнюдь не уничтожаютъ общаго правила, по которому благодать Духа не дѣйствуетъ между нечестивыми⁵⁾). Духъ, по выражению Златоуста, отступаетъ отъ грѣшника какъ отступаѣтъ голубь, видя грязь⁶⁾). Для доказательства сего Златоустъ приводитъ слѣдующій примѣръ изъ библейской истории. Царь Озія совершилъ святотатство въ храмѣ господнемъ, за что былъ пораженъ проказою (2 Пар. XXVI. 16—21). Во все времена правлениія царя этого Господь не вдохновлялъ пророковъ, благодать Духа не дѣйствовала, между Богомъ и людьми была вражда. Со смертію Озіи уничтожилась причина нечистоты, прекратился Божій гнѣвъ, и пророческое вдохновеніе возвратилось. Этимъ именно Златоустъ объясняетъ, почему видѣніе славы Господа среди серафи-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem: M. LIX, 361.

³⁾ In epist. ad Coloss. III, 5 (M. LXII, 323).

⁴⁾ In ep. 2 ad. Timorph. II, 3 (M. LXII, 610).

⁵⁾ Cp. in Isa. IV, 6 (M. LIV, 128).

⁶⁾ In psalm. L, (MLV, 530).

мовъ пророкомъ Исаіей имѣло мѣсто только послѣ смерти нечестивца-царя (Иса. VI, 1) ¹⁾.

Если въ нравственномъ отношеніи св. писатели были людьми особаго избранія и святости, то въ *умственномъ отношеніи*, по большей части, то были люди простые, не-книжные, хотя и одаренные чрезвычайнымъ даромъ духовной мудрости.

Конечно, нѣкоторыє изъ св. писателей обладали *мирскою, светскою мудростью*. Такъ великий Моисей, воспитываясь въ царскомъ домѣ, былъ наученъ всей египетской премудрости (ср. Дѣян. VII, 22), былъ силенъ въ разумѣ (*εν λόγῳ=ibidem*) ²⁾. Царь Соломонъ былъ мудрѣмъ больше всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, былъ предметомъ удивлениія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ ³⁾). Ап. Павелъ былъ ученикомъ знаменитаго Гамаліила ⁴⁾. Совершенство, искусство въ словѣ великаго апостола были таковы, что даже невѣрующіе называли его Гермесомъ ⁵⁾. Поэтому, онъ былъ искусенъ и въ преподаваніи слова евангельскаго (*Θεος δὲ ὑπηρέτης τῷ πρόφεσιν*) ⁶⁾. Пророкъ Исаія обладалъ „выскимъ умомъ“ ⁷⁾.

Но свѣтское образованіе было достояніемъ *немногихъ*. Златоустъ справедливо видѣть особое устроеніе благодати Духа въ томъ обстоятельствѣ, что составители св. книгъ были именно люди простые и неученые: мытари, рыбари, дѣлатели палатокъ, пастыри овецъ, козъ и пр. ⁸⁾. Самъ великий Моисей, обнявшиі все любомудріе ⁹⁾, потомъ пренебрѣгъ царскою обстановкою, добровольно перешелъ къ глинѣ, къ дѣланію кирпичей ¹⁰⁾. Апостолъ языковъ также былъ чловѣкъ простой, занимался кожевеннымъ ремесломъ. Жилъ въ своей мастерской, работалъ долотомъ. Не обнаруживая крас-

¹⁾ In Isa. IV, 6 (M. LVI, 128).

²⁾ Hom. Cum. presb. fuit... (M. XLVII, 697. 698).

³⁾ Synops. Sacrae Script. (M. LVI, 370).

⁴⁾ In Act. XIV, 1 (M. LX, 111).

⁵⁾ In ep. ad Rom. praef. (M. LX, 392).

⁶⁾ De poenit. VII, 1, (M. XLIX, 323).

⁷⁾ In Isa. praef. (M. LVI, 11).

⁸⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994); in Matth. I, 6 (M. LVII, 20); in 1 Cor III, 4 (LXI, «8).

⁹⁾ Hom. I Cum presbyter fuit ordinatus; n. 3 (M. XLVII, 697. 698).

¹⁰⁾ Ibidem; cp. in illud: Act. IX, 4 (M. LI, 134); n. 2.

норъчія, онъ называлъ себя „невѣждою въ словѣ“ (ιδωτης τῶ λόγῳ) (2 Кор. XI, 6) 1). Даже возвышенный евангелистъ Иоаннъ былъ человѣкъ необразованный, некнижный²⁾ и пр.

Такихъ-то людей, *необразованныхъ по внѣшнимъ законамъ*³⁾, благодать Духа содѣлала мудрыми, сильными мыслью⁴⁾. Царь Давидъ чрезъ божественное вдохновеніе позналъ „безвѣстная и тайная премудрости“ (Ис. L, 8)⁵⁾. Въ писаніяхъ Исаи содержится море мудрости и глубина мысли⁶⁾. Евангелистъ Иоаннъ возвѣстилъ человѣчеству столь возвышенныя ученія, столь превосходныя правила жизни, такую мудрость, такое любомудріе, которыя, безъ сравненія, пре-восходятъ всѣ системы вѣнѣніи мудрецовъ⁷⁾. Апостолъ Павелъ проявилъ въ проповѣди и писаніяхъ своихъ изумительный умъ, совершенный разумъ, глубину мудрости, не-сказанное богатство любомудрія⁸⁾.

IX.

По вопросу о взаимоотношениіи божественнаго Вдохновителя и человѣка-писателя Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что вліяніе Духа Божія было преобладающимъ, господствующимъ. Если св. писатель и можетъ быть названъ со-ставителемъ св. книги, то это—постольку, поскольку „гово-рилъ въ Духѣ Божіемъ“ или: „поскольку Духъ Божій го-ворилъ въ немъ“.

Человѣческое, по представленію Златоуста, какъ бы за-слонялось въ св. писателяхъ божескимъ. Св. писатели *гово-рили не отъ самихъ себя, а по внушенію благодати Духа*⁹⁾. Лично отъ самихъ себя богодохновенные писатели ничего не сообщили. Именно вдохновеніе отъ божественной и пре-небесной благодати было источникомъ содержанія св. книгъ¹⁰⁾.

1) De laud. ap. Pauli: IV (M. L. 491); in ep. ad. Rom. prae. 2 (M. LX, 393).

2) In Ioann. II, 2 (LIX, 31).

3) In Matth. XXXIII, 1 (M. LVII, 389).

4) In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

5) In. Gen. IV, 5 (M. LIII, 44).

6) De proph. obseuv. I, 1 (M. LVI, 163).

7) In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30); II, 4 (LIX, 34. 35).

8) Hom. de Legislat. I (M. LVI, 398); de verbis ap.: Cor. IV, 13; n. I (M. LI, 290) и др.

9) In Gen. XIV, 2 (LIII, 112).

10) In psalm. VII, 11 (M. LV, 57); in Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

Для наученія рода человѣческаго св. писатели произносили своимъ языкомъ только то, что имъ внушала благодать Духа ¹⁾. Поэтому, слова св. писателей скорѣе должны быть усвоены божественному Вдохновителю, чѣмъ имъ самимъ. Изрекали слова, излагали повѣствованія, сообщали ученія и пр. не св. писатели, напр. Малахія ²⁾, ап. Павелъ ³⁾, Моисей ⁴⁾, Давидъ ⁵⁾, св. Матѳей ⁶⁾, но именно божественная благодать, Богъ, Духъ Божій, Христосъ чрезъ нихъ, посредствомъ ихъ усть ⁷⁾. Именно чрезъ Духа Божія св. писатели, напр. пророки, говорили то, что говорили ⁸⁾. Св. писатель только предоставлялъ свой языкъ, а благодать Божія ясно научаетъ чрезъ него человѣческій родъ ⁹⁾.

Роль св. писателя была, слѣдовательно, чисто служебной. Св. писатели не были сочинителями въ собственномъ смыслѣ, а только служителями божественного слова, такъ какъ не сами производили сказанное ими, но только послужили сказанному ¹⁰⁾. Когда ап. Павелъ разсуждаетъ о дѣвствѣ или бракѣ (ср. 1 Кор. VII, 10. 12), то не свои по-велѣнія, не человѣческія сужденія онъ излагаетъ, а узаконенія Самого Христа. Именно Христосъ излагаетъ законы, двигая душою ап. Павла ¹¹⁾. Возвышенные догматы евангелиста Іоанна также не имѣютъ въ себѣ ничего человѣческаго: это ученіе Духа ¹²⁾. Сила словъ евангелиста происходила не отъ человѣческой мысли, а отъ силы и благодати Духа ¹³⁾. Всю вселенную объялъ и наполнилъ гласомъ своимъ евангелистъ, такъ какъ языкомъ его двигала сила бо-

¹⁾ In. Genesin: IV, 2 (ЛIII, 41).

²⁾ De libello verudii: II, 2; п. 2 (М. LI, 220).

³⁾ De verbis ap.: XVI, 3 ер. ad Rom. (М. LI, 187); in Matth. XXIII, 1 (М. LVII, 307).

⁴⁾ In Gen. XX, 1 (М. LIII, 166).

⁵⁾ In psalm. CXLV, 2 (М. LV, 520).

⁶⁾ In Matth. I, 1 (М. LVII, 20); in Gen. XV, 2 (М. LIII, 120) cap. II; LIV, 2; cap. XXVII (М. LIV, 473).

⁷⁾ In Gen. VIII, 1; cap. 1 (М. LII, 78).

⁸⁾ In Math. XII, 3 (М. LVII, 449).

⁹⁾ In. Gen. XXI, 1 (ЛIII, 176).

¹⁰⁾ Hom. de lectione Actorum. п. 3 (М. LI, 101).

¹¹⁾ De virg. 12 (М. XLVIII, 541).

¹²⁾ In Ioann. II, 3 (М. LIX, 33); III, 1 (М. LIX, 38).

¹³⁾ In Ioan. III, 1 (М. LIX, 38).

жественной благодати 1). Съ точки зрењія Златоуста, состояніе богодохновенного писателя было состояніемъ подчиненія и зависимости. Служители Духа Божія, водимые и управляемые Имъ, зависятъ отъ власти Духа, а потому не могутъ быть всегда господами своей воли ²⁾.

Самый образъ выраженій Златоуста касательно божественного вліянія Св. Духа на св. писателя доказываетъ, что человѣкъ-писатель представлялся ему *простымъ орудіемъ высшей Силы*. Обычно св. отецъ Церкви пользуется для этого тремя оборотами. Иногда составитель изображается какъ субъектъ дѣйствія; божественное же вліяніе—силой дѣйствующей или первопричиной, почему обозначается чрезъ „*dativus causae*“ . Въ этомъ смыслѣ Златоустъ говоритъ: „апостоль написать это Духомъ“ ³⁾ или „иорокъ говоритъ это по дару пророческому“ ⁴⁾. Во-вторыхъ, Богъ называется у Златоуста Виновникомъ вдохновенія, а человѣческий составитель св. книги—Его орудіемъ, при чемъ употребляется „*genitivus instrumenti*“ съ предлогомъ (—обыкновенно: „*dia*“). Въ этомъ смыслѣ св. отецъ выражается: „человѣколюбивый Богъ говоритъ чрезъ пророка“ ⁵⁾. Такой же отгѣнокъ имѣютъ выраженія, въ которыхъ писатель является простымъ объектомъ и конечной цѣлью божественной дѣятельности, каковы напр.: „Духъ двигалъ эту лиру“ ⁶⁾, Духъ двигаль души евангелистовъ-писателей ⁷⁾ и др. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ взаимоотношеніе Бога и человѣка представляется подъ формой гармонического объединенія, какъ нѣчто цѣлое. Примѣромъ этого служить, напр., формула: „апостоль имѣть въ себѣ Христа говорящимъ“ ⁸⁾ и др.

Обращаясь къ болѣе подробному анализу той характеристики, которую даетъ Златоустъ кругу дѣятельности Бога и человѣка въ актѣ богоодхновенности, легко найти въ его учениіи *основные моменты* этого акта, каковы: побужденіе къ

1) *Ibidem*: I, 1 (M. LIX, 25)

2) In 2 ep. ad Cor. III, 3 (M. LXI, 408).

3) *De abstinentia secund. connub.* II, 1 (M. XLVIII, 611) и др.

4) In Genes. XV, 3 (M. LIII, 122); cap. II, 4 (LIII, 123) и др.

5) In Genes. cap. I, III, 2 (M. LIII, 34) и др.

6) In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26 и др.).

7) In Ioann. IV, 1 (M. LIX, 47).

8) *De virgin. n. 12* (M. XLVIII, 541, 542); *adv: anom. II, 5* (XLVIII, 716) и др.

составленію того или другого писанія, непосредственное руководство Св. Духа, предохраненіе отъ погрѣшностей и пр.

Возбужденіе къ писательскому богодохновенному творчеству было непосредственнымъ божественнымъ актомъ. Если именно люди простые, неученые сложили (*συνθεῖναι*) св. книги, то такъ устроила (*ωχούμητεν*) благодать Духа¹⁾. Слова Господа преданы письмени именно дѣйствіемъ благодати Духа²⁾ (*ἡ τοῦ Πνεύματος χάρις γραφῆ τοῦ τοῦ Κυρίου λόγους παραδοθῆναι πεποίηκεν*)³⁾. Касательно отдѣльныхъ писателей или св. книгъ моментъ внутренняго божественного побужденія обозначается иногда у Златоуста весьма рельефно. Напр., о Моисеѣ онъ говоритъ такъ: „Тотъ, Кто призвалъ небо и землю изъ не бытія въ бытіе, подвигъ и языкъ Моисея къ повѣствованію о нихъ“⁴⁾. Книга Двяній у него называется устроеніемъ Духа⁵⁾. Даже въ отдѣльныхъ частяхъ св. Библіи вліяніе божественного возбуждающаго дѣйствія—несомнѣнно. Не дѣломъ, напр., ап. Павла, а дѣломъ благодати Духа было то, что даже малозначительныя, повидимому, изреченія не только сказаны, но и изложены письменно (*οὐ τὸ λεχθῆναι μονοῦ, λέγω, ἀλλὰκαὶ τὸ γράψασθαι ἐντεθῆναι*)⁶⁾.

Но кромѣ внутренняго сверхъестественного побужденія къ писательству, Златоустъ, подобно другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, различаетъ еще *внѣшнія естественные побужденія* въ тѣхъ или другихъ подробностяхъ жизни, пуждахъ общества и внѣшнихъ поводахъ частнаго рода.

Если Духъ Божій былъ возбудителемъ писательской силы⁶⁾, то внѣпнія причины ставили предъ богодохновенными писателями болѣе или менѣе определенные задачи. Это Златоустъ прекрасно разъясняетъ въ исторіи паписанія четырехъ евангелій. Евангелистъ *Матвей* былъ возбужденъ къ составленію своей книги просьбой увѣровавшихъ іудеевъ, почему въ его евангеліи особенно настойчиво доказывается происхожденіе Христа отъ Авраама и Давида⁷⁾. Для еван-

¹⁾ De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994).

²⁾ De Laz. VII, 2 (M. XLVIII, 1048).

³⁾ In Gen. II, 2 (M. LIII, 28); срав. praef. in psalm. (M. LV, 533): h. de div. Trin. 9 (LVI, 513).

⁴⁾ In Act. III, 1 (LX, 34).

⁵⁾ De stat. I, 2 (LIX, 18).

⁶⁾ Hom. de div. Trinit. (M. LVI, 513).

⁷⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

гелиста *Марка* таковыи же внѣшнимъ поводомъ послужила просьба учениковъ въ Египтѣ ¹⁾). Третье евангелие предназначалось для Феофила: *ев. Лука* для удостовѣренія Феофила хочетъ дать „твѣрдое основаніе“ тому ученію, котораго онъ сдѣлался послѣдователемъ (I, 4) ²⁾). Наконецъ, *евангелистъ Иоаннъ* приступилъ къ своему труду побуждаемый Христомъ ³⁾), съ цѣллю раскрыть ученіе о божествѣ Христа, почему этотъ евангелистъ начинаетъ свое писаніе не съ земного, а прямо съ небеснаго ⁴⁾).

Дѣйствіе виѣшнихъ причинъ и поводовъ къ написанію особенно ясно обнаруживается въ исторіи *посланій ап. Павла*. (ср. 1 Кор. VII, 1). Апостоль языковъ вообще писалъ посланія, побуждаемый какою-нибудь причиной и цѣлью (*ibidem*) ⁵⁾). Такъ посланіе *къ римлянамъ* написано по требованію обстоятельствъ не только въ похвалу и поощреніе, но и для нравственной пользы римлянъ, потому что они имѣли нужду въ исправленіи посредствомъ посланія ⁶⁾). *Первое посланіе къ коринѳянамъ* почти во всѣхъ своихъ частяхъ находилось въ органической связи съ состояніемъ христіанской общины города Коринѳа; сѣдовательно, служило отзвукомъ современности. Посланіе было вызвано раздѣленіемъ коринѳской церкви на партіи, появленіемъ кровосмѣшника, участіемъ яѣкоторыхъ изъ христіанъ въ идоложертвенныхъ трапезахъ, обращеніемъ за разборомъ дѣлъ къ внѣшнимъ судилищамъ, нарушениемъ порядка на вечеряхъ любви, превозношеніемъ обладателей духовными дарованіями, неправильнымъ ученіемъ о воскресеніи тѣлъ (ср. 1 Кор. III, 4; V; I; VI, I; VIII, I; XI, 20; XII, I; XV, 12) и т. п. ⁷⁾). *Второе посланіе* было написано, напротивъ, съ цѣллю похвалить и принять коринѳянъ въ свое благоволеніе, потому что послѣ первого посланія они сдѣлались лучшими: отлучили соблудившаго отъ Церкви (2 Кор. II, 5, 6), благосклонно приняли Тита (2 Кор. VII, 15) и т. д. Совершенно естественно, что и

1) *Ibidem.*

2) *Ibidem.*

3) *Ibidem.*

4) In *Math. I, 3 (LVII, 17).*

5) In *ep. ad Rom. praef. (M. XL, 393).*

6) *Ibidem.*

7) In *I epist. ad Corinth; praef (M. LXI, II. 12).*

тонь второго послания, въ сравненіи съ первымъ, гораздо мягче: за исключениемъ рѣчи противъ высоко о себѣ мудрствовавшихъ христіанъ наѣ іudeевъ (2 Кор. XI, 12), посланіе—чуждо угрозъ и упрековъ¹⁾. *Посланіе къ ефесянамъ* исполнено весьма возвышенныхъ и необъятныхъ созерцаній, такъ какъ городъ Ефесъ былъ мъстожительствомъ для многихъ знаменитыхъ философовъ, каковы: Пифагоръ, Парменидъ, Зенонъ, Демокритъ, и граждане его были склонны къ глубокомыслю²⁾. *Посланіе къ филиппійцамъ* было вызвано беспокойствомъ ихъ о судьбѣ великаго апостола, находившагося въ Римѣ въ узахъ (ср. Филип. I, 13), къ которому они, по этой причинѣ, послали Епафродита (IV, 18)³⁾. *Посланіями къ фессалоникийцамъ* ап. Павелъ хотѣлъ замѣнить для нихъ недостатокъ своего личнаго присутствованія, въ которомъ они очень нуждались, такъ какъ лжеучители возмущали вѣру вѣкоторыхъ изъ нихъ неправильными мнѣніями о воскресеніи⁴⁾. *Первое посланіе къ Тимофею* было вызвано тѣмъ, что послѣднему была препоручена уже для управлѣнія отдѣльная церковь⁵⁾. Поэтому и чрезъ *второе посланіе* апостолъ утѣшаетъ Тимофея, можетъ быть, скорбѣвшаго, вслѣдствіе неисполненія апостоломъ своего обѣщанія посѣтить своего ученика лично и по случаю, съ другой стороны, принятія имъ въ то время епископской власти⁶⁾. *Посланіе къ Филимону* имѣло совершенно опредѣленный поvodъ въ судьбѣ раба Онисима, котораго ап. Павелъ препоручалъ его господину, чтобы этотъ послѣдній во всемъ его простилъ и принялъ, какъ уже возрожденаго⁷⁾.

Легко—видѣть, что вѣнчаниемъ причинамъ происхожденія св. писаній Златоустъ придавалъ важное и существенное значеніе. Но съ его точки зрѣнія, очевидно, эти *внѣшние* *пруды неразрывно соединялись съ внутренними побужденіями отъ Духа Божія*. Освященные Имъ, они производили то, что самыя писанія отвѣчали ис па временныя только потребности жизни, а на вѣчные запросы духа.

¹⁾ In 2 epist. ad Corinth. h. II, 1 (M. LXI, 383).

²⁾ In ep. ad Ephes. praef. (M. LXI, 9—10).

³⁾ In epist. ad Philipp. praef. (M. LXI, 179).

⁴⁾ In 2 ep. ad Thessal. praef. h. II (M. LXI, 469).

⁵⁾ In 1 ep. ad Tim. (LXI, 503); praef.

⁶⁾ In 2 ed. ad Timoph. h I (M. LXI, 600); n. I.

⁷⁾ In ed. ad Phil. praef. (M. LXI, 701).

На ряду съ божественнымъ побуждениемъ къ написанию какъ виѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, Златоустъ отмѣчаетъ и другой моментъ: *непосредственное руководство св. писателя Духомъ Святымъ во время самой писательской работы.* Такой именно смыслъ имѣютъ слова св. отца Церкви, напр., о псаломѣвцѣ Давидѣ: то, что онъ говорилъ, не было чѣмъ-либо человѣческимъ, но онъ возвѣщалъ небесное и духовное не отъ собственного изобрѣтенія, *а отъ божественного дѣйствія*¹⁾ или: изрекаемое имъ происходило не отъ человѣческаго усилія, но отъ божественного вдохновенія, которое возбуждало его²⁾). То же самое говоритъ Златоустъ и о пророческомъ вдохновеніи, напр. Исаї: такъ какъ вдохновенный пророкъ ничего отъ себя не привносить, то между пророческимъ вдохновеніемъ и естественнымъ предугадываніемъ такое же большое различіе, какъ между благоразуміемъ человѣческимъ и божественною благодатію³⁾.

На основаніи такого ученія о вліяніи Духа Божія на человѣка—писателя Златоустъ и различасть въ послѣднемъ *чувства и мысли естественного происхожденія отъ тѣхъ, которые происходятъ черезъ сверхъ-естественное вліяніе божественной Силы.* Вторая книга Царствъ сохранила, напр., слѣдующія слова царя Давида: „сберегите мнѣ отрока Авессалома“ (2 Цар. XVIII, 5). Седьмой псаломъ, напротивъ, содержитъ такое изреченіе: „упалъ въ яму, которую приготовилъ“ (пс. VII, 16). Если оба мѣста относятся не къ двумъ лицамъ, а къ одному, именно: къ Авессалому, то, по мнѣнію Златоуста, первое Давидъ могъ говорить по естественному побуждению природы⁴⁾, а послѣднее по вдохновенію Духа. Еще болѣе проявлялось это различіе между естественнымъ и сверхъестественнымъ въ тѣхъ случающихся, когда вдохновеніе соединялось съ откровеніемъ. У пророка Исаї есть изреченіе, приводимое ап. Павломъ въ посланіи къ коринѳянамъ, что Богъ уготовалъ любящимъ Его то, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, что не приходило на сердце человѣка (1 Кор. 2, 9; Иса LXIV, 4). Златоустъ задается по сему поводу вопросомъ: если св. про-

1) In psalm. XLIV, I (M. LV, 183).

2) In psalm. XLIV, I (M. LV, 183).

3) In Isa. III, 2 (M. LVI, 42).

4) In psalm. VII, 12 (M. LV, 100).

роки предвозвѣстили о будущемъ домостроительствѣ Божіемъ, то какъ же оно не входило на сердце человѣка и какъ же его не слыхало человѣческое ухо? Апостолъ, по истолкованію Златоуста, говоритъ о всемъ естествѣ человѣческомъ, а не о пророкахъ только. Пророки слышали божественные откровенія: по слуху пророческій пе былъ слухомъ человѣческимъ; не какъ люди слышали они, а какъ пророки. Слѣдовательно, пророческія откровенія, дѣйствительно, не входили на человѣческое сердце прежде, чѣмъ не восприняты были св. пророками. Но послѣ дарованія Духа сердце пророковъ было уже не сердцемъ человѣческимъ, а сердцемъ духовнымъ¹⁾. Въ другомъ случаѣ сверхъестественное вліяніе Духа на пророка обозначается Златоустомъ еще рѣшительнѣе: „пророчествующій говорить все отъ Духа, такъ что его дѣло есть всецѣло даръ“²⁾. Всѣ высокія свойства, обнаруживаемыя св. писателями въ своихъ книгахъ: премудрость, глубокомысліе, благоразуміе, опытность и др. произошли именно благодаря воздействию божественной благодати: виновникомъ ихъ былъ именно Св. Духъ. Если, напр. пророкъ Моисей обнаруживаетъ въ своемъ повѣствованіи удивительный разумъ, то источникомъ его было именно наученіе Духа (тоб ѿ Πνεѹпaтoс ſ, διбaзкaлa)³⁾. Въ готовности къ дѣятельности ничто не могло сравниться съ духомъ ап. Павла или лучше не съ его духомъ, а съ благодатію, которая въ немъ дѣйствовала и побѣждала все, такъ какъ онъ не самъ достигъ этого⁴⁾. Конечно, такое преобладающее вліяніе Духа Божія на человѣка-писателя не исключало, съ его стороны, источниковъ естественного знанія. Иногда св. писатели, какъ напр. составитель „Дѣяній“ и евангелистъ Іоаннъ, ссылались на свидѣтельства виѣшнихъ чувствъ (ср. Лук. I, 2; Іоанн. XIX, 35; Дѣян. X, 41). Но это дѣжалось для людей, которые были еще очень далеки отъ познанія Духа. На самомъ же дѣлѣ, внушенія Духа—точнѣе и основательнѣе свидѣтельства виѣшнихъ чувствъ, напр. зрѣнія, хотя и не для людей цвѣрующихъ⁵⁾.

¹⁾ In 1 epist. ad Corinth. VII, 3 (M. LXI, 58).

²⁾ In ep. I ad Corinth. XXXII, 2 (M. LXI, 265).

³⁾ In Genes. XXI, I; cap. V—VI (M. LIII, 176); XII, II; cap. II (M. LIII, 99).

⁴⁾ In ep. I ad Corinth. h. VI, I (M. LXI, 47).

⁵⁾ In Act. I, 2 (M. LX, 16. 17).

Характеризуя въ актѣ богодохновенности моментъ непосредственнаго руководствованія Духомъ св. писателя, Златоустъ иногда прямо обозначаетъ *содержаніе, предметъ внушеній Духомъ*. Это были: возвышенная истины вѣры, правила духовной жизни, события изъ исторіи міра и домостроительства спасенія людей. Такъ устами пророка Моисея человѣколюбивый Богъ научаетъ людей, каковъ былъ порядокъ творенія, Кто былъ Творцомъ всего, какъ произошла всякая вещь и т. д.¹⁾. Въ то время, какъ по соображеніямъ людей для спѣлости плодовъ необходимо голько дѣйствіе солнца, Св. Духъ чрезъ того же писателя научаетъ насъ, что земля до сотворенія небесныхъ стихій, по слову и повелѣнію Божію, произращала всякія сѣмена (Быт. I, 11. 12 и др.²⁾). Вообуждаемый Духомъ, пророкъ Давидъ провѣщвалъ о плѣненіи народа, его возвращеніи изъ плѣна, нравственномъ ученіи, о промыслѣ Божіемъ, о Христѣ и пр.³⁾. Ап. Павелъ, движимый Духомъ Божіимъ, созерцалъ что было отъ начала міра, что бываетъ каждодневно, что бываетъ съ каждымъ порознь, что со всѣми вмѣстѣ, что происходит явно и что втайне, созерцалъ домостроительство Единороднаго Сына Божія и будущія блага, неизмѣримую любовь Божію (ср. 1 Кор. IV, 4)⁴⁾. По вдохновенію Духа и ап. Іоаннъ любомудрствуешь о высшемъ бессмертномъ Существѣ, о бессмертіи и безконечной жизни, о будущемъ судѣ, о томъ, что—такое человѣкъ и что—міръ, что—такое порокъ и добродѣтель⁵⁾ и пр. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Златоуста, непосредственное вліяніе Духа Божія на св. писателя во время его работы имѣло самое существенное и въ высшей степени важное значеніе для этой работы, такъ какъ сообщало ей необходимый материалъ и чрезъ это опредѣляло ея направленіе.

Третій моментъ акта богодохновенности: руководствованіе св. писателей въ точномъ, вѣрномъ и благоприличномъ изложеніи мыслей Божіихъ также обозначенъ въ учениіи Златоуста. То, что излагалъ богодохновенный писатель, соб-

1) In Gen. Ш, 2 (M. LШ, 34); cap. I.

2) Ibidem: V, 5 (M. LШ, 52); cap. I.

3) In psalm. praeſ (M. LV, 533).

4) Ad Stelechium: II, 6 (M. XLVII, 419).

5) In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

ствено не было сочинениемъ его, а производилось божественною благодатю. Св. писатель служилъ какъ бы языкомъ для сей благодати, подобно грифелю въ рукахъ скорописца¹⁾. Здѣсь св. отецъ Церкви находитъ существенную разницу между обыкновеннымъ сочинительствомъ и боговдохновеннымъ писательствомъ. Когда писатель говоритъ отъ самого себя, то быстрота рѣчи встрѣчаетъ много препятствій. Такой писатель медлить, обдумывая, сочиняя, затрудняясь незнаніемъ, неувѣренностью. Когда же Духъ движетъ умомъ, тогда рѣчь изливается, течетъ съ великою стремительностью, какъ водяной потокъ²⁾. Обращая вниманіе на то, что въ немногихъ словахъ Писанія часто можно найти великое множество глубокихъ мыслей, Златоустъ объясняетъ такое свойство Писанія именно божественнымъ вліяніемъ. Рѣчь св. писателей—глубока потому, что содержать въ себѣ божественную благодать, которая именно и сообщаетъ блескъ, красоту самымъ словамъ³⁾. Отсюда же происходятъ возвышенный образъ представлений и идей св. книгъ⁴⁾. Даже форма изложенія, напр. фигулярные способы рѣчи, тропы пророковъ или четвертаго евангелиста, есть нарочитое устройение благодати Духа Божія, съ цѣллю привлечь вниманіе читателей и слушателей⁵⁾. Именно, благодаря руководству Духа Божія, св. писатели составляли свои писанія такъ, что они не погрѣшаютъ, что въ нихъ нѣть неправды, что они не могутъ противорѣчить одио другому⁶⁾.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что всѣ три главные момента акта боговдохновенности указаны и объяснены Златоустомъ съ достаточнью для его вѣка опредѣленностью.

Д. Леонардова.

(Продолженіе будетъ).

1) In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

2) In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 185).

3) In Genes. XXXVII, 1 (M. LШ, 341); cap. XV.

4) Cp. contr. anom. VII, 1 (M. XLVIII, 757); de proph obscur. n. 1 (M. LVI, 163, 165); de Melchised. I (M. LVI, 257); in Ioann. II, 1—2 (LIX, 29—32).

5) In. Ioann. XXXIV, 2 (LIX, 195).

6) De stat. ad popul. Antioch. II, 7 (XLIX, 44) и много другихъ.

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение) ^{*)}.

Х.

Роль человѣка—писателя въ актѣ божественнаго вдохновенія, конечно, представляется Златоустомъ *служебной, подчиненной, второстепенной*. Доказательствомъ этого можетъ служить рядъ *многочисленныхъ образовъ*, которыми пользуется антioхийскій богословъ для наглядного, конкретнаго изображенія отношеній между Духомъ Божіимъ и духомъ человѣческимъ.

Богъ и человѣкъ въ актѣ боговдохновенности, по мысли Златоуста, находятся въ такомъ же отношеніи, какъ *отправитель и вѣстникъ, господинъ и посланецъ*. „Богъ послалъ эти письмена, замѣчаетъ Златоустъ касательно писаній пророка Моисея, а Моисей принесъ“ ¹⁾). Послѣдній есть именно посланникъ, сходящій съ неба ²⁾.

Далѣе Златоустъ пользуется образами *музыканта и музыкального инструмента*. „Благодать Духа Святаго, выражается онъ, вмѣсто трубы, гуслей и флейты, употребляетъ уста святыхъ“ ³⁾. Давидъ возвѣщалъ духовной лирой то, что внушалъ ему Святый Духъ ⁴⁾.

Такіе же образы примѣняетъ Златоустъ и къ писателямъ Новаго Завѣта. Ап. Павель подобенъ *трубѣ*, и въ

^{*)} См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 9 за 1911 годъ.

¹⁾ In Gen. II, 2 (M. LIII, 29); сар. I.

²⁾ In Ioh. I, 1. 2 (M. LIX, 25, 26).

³⁾ In Matth. LXVIII, 4 (M. LVIII, 645).

⁴⁾ Hом. de div. Trinitate; п. 9. (M. LVI, 513).

дающей боевой сигналъ, лиръ, пріятно услаждающей людей и пр. ¹⁾). Душа евангелиста Иоанна, чрезъ которую возглашаетъ Духъ, подобна благозвучной, хорошо настроенной, украшенной драгоценными камнями и имѣющей золотыя струны лиръ ²⁾). Однажды, даже всю совокупность св. письменности двухъ завѣтовъ Златоустъ называлъ совершенной лирой, стройной цитрой, издающей собственно одну гармоническую пѣснь, хотя и въ различныхъ звукахъ ³⁾.

Нерѣдко взаимноотношеніе Св. Духа и св. писателя изображается Златоустомъ подъ образами тѣхъ тѣсныхъ, органически связанныхъ отношеній, которые существуютъ между человѣческою душою и орудіемъ человѣческой рѣчи, между мыслию и словомъ. Пророкъ предоставляетъ свой языкъ; благодать же Духа научаетъ чрезъ него родъ человѣческій ⁴⁾). „Уста, чрезъ которыхъ говорить Богъ, суть уста Божіи. Какъ эти вотъ уста суть уста души нашей, хотя собственно душа и не имѣть усть, такъ и уста пророковъ—Божіи ⁵⁾). Подобнымъ образомъ выражается Златоустъ и объ апостолѣ Павлѣ. Въ словахъ апостола слышится только голосъ Павла, а мысль, опредѣленіе (τὸ γότικα δε καὶ τὸ δόγμα) Христа, Который внутренно наставлялъ апостола ⁶⁾.

Особенно рѣшительный и сильный оттѣнокъ имѣютъ образы *трости и пишущей ею руки, грифеля и скорописца*. Въ этомъ отношеніи характерно—замѣчаніе Златоуста о пророкѣ Давидѣ: „Не трости приписывай письмена, а рукъ, держащей ее, т. е. не языку Давида, а благодати, движущей этотъ языкъ“ ⁷⁾). Вѣдь трость пишетъ только то, что приказываетъ рука, которая ее держитъ ⁸⁾.

Гораздо болѣе мягкий оттѣнокъ имѣютъ образы *сына и отца, слуги и отца и т. п.* Моисей, выражается Златоустъ, научился откровеніямъ Духа Святаго, какъ сынъ отъ отца ⁹⁾.

¹⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 1 (M. XLIX, 16 17).

²⁾ In Ioh. I, 1 (M. LIX, 26).

³⁾ In psalm. XLIX; 6 (M. LV, 249, 250).

⁴⁾ In Gen XXI, 1, (M. LIII, 176).

⁵⁾ In Act. XIX, 5 (M. LX, 156).

⁶⁾ Contr. iud II, 1 (M. XLVIII, 858).

⁷⁾ In Isa. I, I (M. LVI, 13).

⁸⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

⁹⁾ In Isa. XL, 25, 26: по изданію мекитаристовъ. Венеція. 1887; 274.

Говоря о писателѣ книги Дѣяній, св. отець Церкви замѣчаетъ, что собственно онъ былъ не отцомъ книги, а только служителемъ. Онъ не самъ произвелъ сказанное, а послужилъ сказанному¹⁾.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣми указанными образами въ достаточной мѣрѣ и съ достаточнouю силою выражается идея о *главенствѣ божественнаго Начала надъ силой человѣческой* въ актѣ божественнаго вдохновенія. Но едва ли возможно только на основаніи этихъ образовъ видѣть въ Златоустѣ представителя механической теоріи вдохновенія, которая усвояетъ св. писателямъ роль слѣпыхъ орудій божественной Силы.

Какъ у апологетовъ, такъ и у Златоуста образы трубы, лиры, цитры, пера, грифеля и т. п., именно вслѣдствіе *метафизического* своего значенія, не могли въ должной мѣрѣ соотвѣтствовать, покрывать собою понятіе о взаимоотношеніи Бога къ человѣку въ актѣ богоодохновенности. Риторическія выраженія, метафоры и фигуры обыкновенно наглядно и красиво описываютъ предметъ; но онъ отнюдь не имѣютъ цѣли съ научною точностью опредѣлить то или другое явленіе, описанное ими. Конечно, употребляя перечисленные образы, особенно: грифеля²⁾, трости³⁾, лиры⁴⁾, Златоустъ иногда поясняетъ ихъ какъ будто въ вербально-механическомъ смыслѣ, а именно: писатель не говоритъ ничего человѣческаго, ничего отъ человѣческаго усилия и т. д. Но замѣчательно, что обычно такъ выражается Златоустъ касательно такихъ частей Библіи, въ которыхъ излагается превышающія естественное разумѣніе человѣка истины божественного Откровенія, какъ напр.: мессіанскихъ пророчествъ Давида (пс. XLIV, 2—18), возвышенійшихъ догматовъ вѣры евангелиста Іоанна и пр.⁵⁾. Здѣсь, безъ сомнѣнія, было много мѣста—для вѣрющаго сознанія, но мало для самодѣятельности человѣческаго разсудка. Но известно, что въ св. Библіи—не мало другихъ истинъ, приобрѣтенныхъ св. писателями путемъ естественного познанія. О такихъ-то истинахъ

¹⁾ Hom. de lect. Actor. 3 (M. LI, 101).

²⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 185).

³⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁴⁾ In Ioan. I, 2 (M. LIX, 26).

⁵⁾ In Ioann. I, 2, (M. LIX, 26); cp. in Act. XIXI, 5 (LX, 156).

Златоустъ, напротивъ, выражается иначе: онъ были изречены, написаны подъ вліяніемъ Духа Божія по человѣчески (ἀνθρωπικῶς¹⁾).

Очевидно, сравненія св. писателей съ музыкальными орудіями, съ перьями заключаютъ въ себѣ мысль о преобладаніи божественнаго Вдохновителя надъ человѣкомъ-писателемъ. Но *преобладаніе не означаетъ подавленія* въ немъ индивидуальныхъ особенностей личной душевной жизни. Поэтому, вышеуказанные образы скорѣе должны быть разматриваемы какъ иллюстраціи къ часто повторяющимся у Златоуста формуламъ: научаетъ насъ писатель, лучше же сказать: Святый Духъ его устами; слова Духа, которая сообщила намъ благодать Божія его устами²⁾). Подобнымъ образомъ объ апостолѣ Павлѣ встрѣчается у Златоуста слѣдующее выраженіе: пишетъ апостолъ, лучше же (μᾶλλον δέ) не апостолъ, а благодать Духа провѣщиваетъ это посланіе³⁾ и пр.

Что касается образовъ *души и органа рѣчи, мысли и слова*, то они предполагаютъ тѣснѣйшее, внутреннее единеніе, полное и совершенное согласіе между Духомъ Божіимъ и духомъ человѣческимъ. Понятно, что такая гармонія—совершенно противоположна механическому пониманію боговдохновенности. Наконецъ, и взаимоотношенія сына и отца, слуги и господина скорѣе говорять о сознательномъ, преднамѣренномъ подчиненіи себя высшей волѣ, высшему авторитету, чѣмъ о ничтожной роли слѣпого орудія высшей Силы.

Златоустъ учить, что служители Духа Божія, подобно вѣрнымъ рабамъ, исполняющимъ приказанія своего господина, не имѣли надъ собою власти, руководясь и управляемыя голосомъ Духа Божія⁴⁾). Но такое состояніе для Златоуста вовсе не представлялось чисто страдательнымъ состояніемъ подавленности, даже уничтоженія въ человѣкѣ духовныхъ его свойствъ. Напротивъ, въ ученіи св. отца Церкви—не мало совершенно ясныхъ указаній на то, что въ боговдохновенныхъ писаніяхъ отпечатлѣваются индивидуальныя особенности каждого писателя, свойства его темперамента, настро-

¹⁾ In Genes. XXX, 3 (M. LIII, 277); ср. in Act. XLIX, 1 (LX, 337).

²⁾ In Gen. VII, 3, cap. I (M. LIII, 64); XX, 1; cap. IV (M. LIII, 166).

³⁾ Hom. in illud: ad Rom. XVI, 3; h. I, 1 (M. LI, 187).

⁴⁾ In epist. 2 ad Corinth. III, 3 (M. LXI, 408).

енія и переживанія его личнаго духа, чувствованія даннаго момента и т. п.

Св. писанія, по учению Златоуста, носятъ на себѣ *печать субъективности*. Изреченія, напр., книгъ ветхозавѣтныхъ служатъ изображеніями душъ ихъ составителей. Хотя Моисей и всѣ пророки уже давно умерли тѣломъ, но евреи имѣли ихъ, рѣ видѣ ихъ писаній (ср. „имутъ Моисея и пророки; Лук. XVI, 29). Когда мы смотримъ на изображенія своего сына или друга, то посредствомъ сихъ бездушныхъ изображеній припоминаемъ отсутствующихъ или умершихъ. Сами умершіе какъ бы присутствуютъ при пасъ. Тѣмъ болѣе мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, когда читаемъ божественное писаніе. Изреченія святыхъ въ св. книгахъ суть изображенія душъ ихъ¹⁾. То же самое говоритъ Златоустъ и о новозавѣтныхъ писателяхъ, напр. ап. Павлѣ. „Мы имѣемъ отъ ап. Павла святая посланія, которая въ точности изображаютъ намъ черты этой блаженной души“²⁾. Легко—замѣтить, что точка зрѣнія Златоуста на взаимоотношеніе свойствъ св. книгъ къ ихъ составителямъ существенно отлична отъ механическаго пониманія богоизбранности.

Но у Златоуста отмѣчаются и *личныя свойства св. писателей*, характеризующія ихъ индивидуальность. Моисей, напр., отличается краткостью и сжатостью разсказа³⁾. Исаія —это самый громогласный изъ пророковъ⁴⁾. Великая смѣлость, свобода рѣчи, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и большая ясность пророчества,—таковы свойства пророчества Исаіи⁵⁾. Различіе въ способѣ писанія, происходившее отъ вліянія субъективныхъ особенностей составителей, замѣчается и между четырьмя евангелистами. Четыре евангелиста, хотя и писали по вдохновенію одного Духа Святаго, но писали, однако, обо всемъ не одинаково⁶⁾. Въ мелочахъ между ними обнаруживается разногласіе. Кое-что они писали различно касательно мѣста и времени евангель-

¹⁾ Hom. in psalm. CXLV, 2 (M. LV, 521).

²⁾ In illud: ad Corinth. XI, I. 2 (M. LI, 303).

³⁾ Ad Stagyrium: II, 6 (M. XLVII, 457); ср. M. LVI, 334).

⁴⁾ Hom. II, 1; in Isa. VI, 1 (M. LVI, 108).

⁵⁾ In Isa. praeft. (M. LVI, II); ср. Рим. X, 20.

⁶⁾ In Matth. XXVIII, 1 (M. LVII, 350).

скихъ событий¹⁾. Очевидно, у четырехъ лицъ на одни и тѣ же события были различныя точки зрѣнія. По прекрасному выражению Златоуста, евангелисты сказали о многомъ сообща, но каждый изъ нихъ выбиралъ и пѣчто особое²⁾. Три первые евангелиста являются историками главнымъ образомъ земной жизни или человѣчества Христа³⁾. Напротивъ, сынъ грома, четвертый евангелистъ, соотвѣтственно свойствамъ своего возвышенного духа, бесѣдуетъ о небесныхъ догматахъ болѣе, нежели о чёмъ-либо другомъ⁴⁾. Первоверховный въ ликѣ апостоловъ, уста апостоловъ, столпъ Церкви, ап. Петръ—вездѣ пламенный и исполненъ дерзновенія⁵⁾. Между тѣмъ какъ апостолъ языковъ разливается какъ рѣка, ап. Петръ любить краткость⁶⁾. Въ свою очередь эти субъективныя свойства первоверховныхъ апостоловъ оказали вліяніе на стиль второго и третьяго евангелиста. Если евангелистъ Матѳея выдѣляется своею точностью, то ученикъ Петра Маркъ наблюдаетъ краткость; Лука, напротивъ, пишетъ вполнѣ, подражая ап. Павлу⁷⁾.

Особенно ярко отпечатывается личность *человѣка-писателя* въ посланіяхъ ап. Павла. При необычайныхъ дарованияхъ духа, ап. Павелъ былъ все же человѣкъ, имѣвшій естество, одинаковое съ нами⁸⁾. Святая душа, благосклонная, нѣжная, любвеобильная отображается въ Павловыхъ писаніяхъ⁹⁾. Обширна—земля, освѣщаемая лучами солнца; столь же велики—попеченіе, заботливость, широта сердца ап. Павла. Апостолъ немоществовалъ за немощныхъ, волновался за соблазняющихся (ср. 2 Кор. XI, 29) такъ, какъ не терзается внутренно мать о своемъ чадѣ, палимомъ горячкою¹⁰⁾. Отъ великой скорби, не со слезами только, а со многими слезами (2 Кор. 2, 4) написаны нѣкоторыя изъ посланій.

¹⁾ Ibidem: 1, 2 (M. LVII, 350); n. 4 (LVII, 18).

²⁾ In Matth. I, 2 (LVII, 17).

³⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

⁴⁾ In Ioh. II, 5 (M. LIX, 36).

⁵⁾ Hom. in parab. Matth. XVIII, 23—35 (LI, 20); in Matth. LIV, 1 (LVII, 532).

⁶⁾ In Matth. IV, 1 (M. LVII, 40).

⁷⁾ In Matth. IV, 1 (LVII, 40).

⁸⁾ In Rom. XXXII, 4 (M. LX, 682).

⁹⁾ In Gal. IV, 2 (M. LXI, 659).

¹⁰⁾ In Sen. XI, 7 (LIII, 97).

ній апостольскихъ. Иногда сердце великаго апостола было настолько стѣснено, подавлено печалью, что онъ по необходимости брался за перо, не будучи въ состояніи вынести цѣлаго облака печали¹⁾. Иныя посланія, какъ напр. къ галатамъ, исполнены великаго гнѣва; но это—не гнѣвъ безразсудной, не возмущеніе душевной страсти, а слѣдствіе чрезмѣрной любви, великой заботливости²⁾. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, апостолъ, какъ писатель, не вездѣ одинаковъ: иногда онъ пишетъ съ большимъ снисхожденіемъ, иногда съ большою свободою (ср. Рим. XIV, 1—2 и Кол. II, 20—23)³⁾. Въ своихъ посланіяхъ ап. Павелъ—разнообразенъ не изъ лицемѣрія. Подражая Господу, онъ былъ всѣмъ, что требовала польза проповѣди и спасеніе людей⁴⁾.

Внѣшнія особенности слога апостола языковъ, по учению Златоуста, также носятъ на себѣ *отпечатокъ его личности*. Какъ Исаія среди пророковъ, такъ ап. Павелъ среди апостоловъ былъ „громогласнѣйшимъ проповѣдникомъ истины“⁵⁾. Языкъ апостола ярче солнца⁶⁾; для апостола, какъ для воина, онъ былъ всѣмъ: лукомъ, копьемъ, стрѣлою и проч.⁷⁾; рѣчъ апостольская поражала противниковъ сильнѣе всякаго огня⁸⁾. Словомъ своего ученія апостолъ языковъ превзошелъ всѣхъ прочихъ апостоловъ⁹⁾. Въ посланіяхъ Павловыхъ евангельское слово преподается съ великимъ искусствомъ¹⁰⁾. Однако, со стороны вицѣней, рѣчь апостола сама по себѣ проста, ясна. Въ ней нѣтъ запутанности, неопределенности¹¹⁾. Иногда только въ ней проявляется нѣкоторая рѣзкость выраженій (2 Кор. X, 7)¹²⁾.

Что *механически-вербальная* теорія богоизбожденности

¹⁾ In ep. 2 ad Corinth. IV, 2 (M. LXI, 420).

²⁾ Gal. cap. I, 1 (M. LXI, 611); IV, 2 (LXI, 659).

³⁾ In ep. ad Rom. praef. n. 2 (LX, 393).

⁴⁾ De laud. apost. Paul. 5; V (M. L, 498).

⁵⁾ Adversus eos, qui apud se habent virgines introductas. n. 5 (M. XLVIII, 501).

⁶⁾ In ep. ad Roman. praef. 1 (M. LX, 392).

⁷⁾ In ep. 2 ad Corinth. XXI, 3 (LXI, 545).

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ In epist. ad Rom. praef. 1 (M. LX, 392).

¹⁰⁾ De poenit VII, 1 (M. XLIX, 323).

¹¹⁾ In ep. 2 ad Corinth. XXI, 4 (M. LXI, 545).

¹²⁾ Ibidem XXII, 1 (M. LXI, 547).

отнюдь не можетъ быть усвояема Златоусту, это очевидно. Нѣкоторыя сужденія и выраженія Златоуста даже подавали поводъ къ *совершенно обратнымъ предположеніямъ*, будто участіе человѣческой силы и способности въ написаніи Павловыхъ посланій имъ преувеличивалось. Златоустъ въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, выражается такъ: „ап. Павель говорить по-человѣчески; онъ не всегда руководится благодатію, по позволяетъ себѣ привносить нѣчто и отъ себя“¹⁾. Опираясь на эти и подобныя сужденія Златоуста, Толлукъ²⁾ и другіе протестантскіе богословы даже приписывали ему свободное пониманіе богодохновенности. Это, несомнѣнно, уже другая крайность. Въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, выраженія Златоуста берутся впѣ связи съ контекстомъ всей его рѣчи; во-вторыхъ, несправедливо относятся собственно къ писательской богодохновенности ап. Павла. Златоустъ касается рѣчи ап. Павла предъ іерусалимскимъ синедріономъ. Апостолъ зналъ, что большая часть его членовъ принадлежитъ къ сектѣ саддукеевъ, которые не признавали бессмертія души и будущаго воскресенія; другую же часть составляли фарисеи, принимавшіе то и другое. Посему, апостолъ заявилъ, что онъ—фарисей, сынъ фарисея, что его хотятъ судить за чаяніе воскресенія мертвыхъ (Дѣян. ХХІІІ, 6), и такое заявленіе произвело распрю въ синедріонѣ. Мы видимъ, что Златоустъ касается личности апостола только какъ человѣка, а не какъ писателя. Въ интересахъ обыкновенной самозащиты, апостолъ, дѣйствительно, „могъ привнести и привнесъ нѣчто отъ себя“, воспользовавшись собственнымъ знаніемъ настроенія и состава іерусалимскаго синедріона. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей миссіонерской дѣятельности, апостолъ не имѣлъ нужды въ нарочитомъ руководствѣ отъ Духа Божія. Ни малѣйшаго намека па то, что и писанія свои ап. Павелъ составляль какъ обыкновенный мірской писатель, въ словахъ Златоуста нѣть.

Признавая въ книгахъ св. писателей присутствіе чисто-личнаго, субъективнаго элемента, Златоустъ иногда совершенно опредѣленно обозначаетъ, въ чёмъ именно про-

¹⁾ In Act. XLIX, 1 (M. LX, 337).

²⁾ См. его: *Inspirationslehre*. Artikel I. Deutsche Zeitschvist. 1850; № 17; s. 129.

являлась дѣятельность мысли, чувства и воли св. писателей, при составленіи ими писаній.

Боговдохновенность была той высшей силой, которая *пробуждала* мысль вдохновляемаго лица. Самое сообщеніе даровъ благодатію Духа происходило тогда и тамъ, когда и гдѣ усматривался возбужденный умъ¹⁾. Вдохновляя человѣка, Духъ Святый оставлялъ сму сознаніе и даровалъ разумѣніе изрекаемаго²⁾. Въ доказательство дѣятельнаго состоянія ума у св. писателей, Златоустъ приводить слова псаломпѣвца: „уста мои изрекутъ премудрость и размышенія сердца моего—знаніе“ (ис. XLVIII, 4). Духовную свою пѣснь боговдохновенный псаломпѣвецъ называетъ размыщеніемъ, поученіемъ своего сердца“. Это—совершенно естественно. Псаломпѣвецъ обстоятельно размышлялъ о томъ, что принялъ отъ Духа и уже послѣ размыщенія сообщалъ это другимъ³⁾. Содѣйствіе псаломпѣвца состояло не въ изобрѣтеніи содержанія писанія, а именно въ духовномъ про никновеніи въ сообщенія и внушенія Духа Божія⁴⁾. Боговдохновенность, слѣдовательно, проявлялась въ словѣ и письмѣ уже послѣ предварительнаго и тщательнаго усвоенія преподаннаго свыше. Поэтому, Златоустъ и отмѣчаетъ обычно у св. писателей благоразуміе⁵⁾, мудрость⁶⁾, тщательность⁷⁾, точность⁸⁾, осмотрительность⁹⁾ и другія свойства, свидѣтельствующія о дѣятельномъ состояніи ихъ умственныхъ силъ. Иногда активность проявляется у св. писателей весьма выпукло. Достойны удивленія, напр., великое искусство и благоразуміе, съ какими ап. Павелъ разрѣшаетъ вопросъ о дѣвствѣ. Здѣсь апостолъ находился среди двухъ, необходимостей и противоположностей: представить собственную личность и не сказать о себѣ ничего лишняго. Однако, въ краткихъ словахъ (1 Кор. VII, 25) апостолъ до-

¹⁾ In. Sen. III, 1 (M. LШ, 32); сар. III.

²⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184).

³⁾ In psalm. XLVIII, 2 (M. LV, 225).

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ In ep. ad Rom. III, 1 (M. LX, 411).

⁶⁾ In Genes. XII, 1 (M. LШ, 99); XXXV, 8 (LШ, 331).

⁷⁾ In Genes. XIII, 1 (M. LШ, 106).

⁸⁾ In Senes. XXXVIII, 2 (LШ, 353); XXX, 1 (LШ, 274); XXIII, 1 (LШ, 198).

⁹⁾ In ep. ad Sal. II, 5 (M. LXI, 641).

стигъ того и другого¹⁾). У составителя книги Дѣяній само-дѣятельность проявлялась въ другихъ формахъ. Онъ многое сокращаетъ, соединяетъ различные времена, не распра- страняется въ разсказѣ и проч.²⁾.

Чувствованія св. писателей также находились въ со-стояній возбужденной активности. Такъ псалмопѣвецъ Да-видъ приходитъ въ изумленіе, погружаясь въ созерцаніе существа Божія (пс. VIII, 1—2 и др.)³⁾. Пророкъ Исаія (VII, 10—15) радуется, восторгается духомъ, провидя блага гря-дущаго мессіанскаго царства⁴⁾. Вполнѣ объятая Духомъ Бо-жіимъ, душа св. писателя часто изливалась въ словахъ сильнѣйшей любви и чрезвычайной радости⁵⁾. Иногда въ душѣ богоодхновеннаго писателя одновременно возникалъ цѣлый комплексъ религіозно-нравственныхъ чувствованій. Погружаясь въ неизмѣримое море премудрости Божіей, св. писатели не только удивлялись, но и недоумѣвали, испыты-вали страхъ (пс. CXXXXVIII, 14. 6; *ibidem*: ст. 8; CXLVI, 5; Иса. LIII, 8 и др.)⁶⁾. Нерѣдко цѣлые отдельы Библіи прони-кнуты однимъ господствующимъ чувствомъ. Такъ въ CVIII псалмѣ вся рѣчь составителя, исполненная проклятій, обна-руживаетъ въ немъ сильный и пламенныи гнѣвъ. Псаломъ заправленъ противъ нѣкотораго великаго грѣшника, вели-каго нечестивца; наказаніе его, выполненное величайшихъ бѣдствій, должно перейти на отца, мать и дѣтей (7—11)⁷⁾.

Такая же напряженная дѣятельность религіозно-нрав-ственныхъ чувствованій характеризуетъ и *писателей Нового Завѣта*. Примѣромъ этого можетъ служить ап. Павелъ. Одни мѣста его посланий проникнуты чувствами необыкновенной кротости, состраданія даже о такихъ людяхъ, которые нѣ-сколько разъ бичевали апостола, побивали камнями, связы-вали, жаждали его крови, ежедневно готовы были его рас-терзать (ср. Рим. X, 2)⁸⁾. Другія—полны тяжкихъ скорбей,

¹⁾ De virgin. 41 (M. XLVIII, 565).

²⁾ In Act. XXI, 1 (M. LX, 163).

³⁾ In psalm. VIII, 1 (M. LV, 107).

⁴⁾ In Isa. VII, 6 (M. LVI, 85).

⁵⁾ In psalm. CIX, 8 (LV, 276).

⁶⁾ Contr. anom. I, 4. 5 (M. XLVIII, 705. 706).

⁷⁾ In psal. CVIII, 1. 3 (M. LV, 258. 263).

⁸⁾ De laud. sancti Pauli: III (M. L, 483); ср. V (L, 499).

которыми раздиралось сердце великаго апостола (2 Кор. XI, 2. 7. 28 --31)¹⁾. Такія именно скорби испытывалъ могучій духъ великаго апостола, когда отверглись апостола асійскіе вѣрюющіе, когда уклонились отъ вѣры галаты, когда церковь Коринѳа раздѣлилась на части²⁾ и т. п. Наконецъ, трети мѣста Павловыхъ посланій—исполнены гнѣва и негодованія, подъ влияніемъ сильнѣйшей ревности о славѣ Божіей³⁾.

Богодухновенныи писатель не былъ *также и безвольнымъ, чисто страдательнымъ орудиемъ высшей Силы*. Человѣческая воля св. писателя только гармонически объединялась съ волею Божіей, но отнюдь не подавлялась или уничтожалась ею. Благодать Духа сообщается только тамъ, где есть пламенное желаніе ее воспринять⁴⁾. Не приудительно и безсознательно, а добровольно, съ полнымъ сознаніемъ богодухновенныи писатель предоставляетъ свой языкъ божественному Вдохновителю⁵⁾. Воля св. писателя и благодать Духа шли какъ бы навстрѣчу другъ другу⁶⁾. Слѣдовательно, богодухновенность была актомъ гармонического объединенія Духа божественнаго съ духомъ человѣческимъ. Гдѣ благодать Духа, тамъ не можетъ быть борьбы, противоположности, несогласія⁷⁾. Именно спокойствіе, благочиніе—приличны людямъ, наставляемымъ благодатию Духа⁸⁾. Воля св. писателей съ сознательною рѣшимостью подчинялась Духу Божію. Здѣсь не было и не могло быть поглощенія пизшаго начала высшимъ, а скорѣе возвышеніе, возбужденіе, приведеніе въ движение и пр.⁹⁾.

Даже *на высшихъ ступеняхъ богоодухновенности, въ формѣ пророчества, по учению Златоуста, человѣкъ отнюдь не былъ безволенъ*. Самый образъ и способъ взаимоотношеній Духа

¹⁾ In ep. 2 ad Corinþ. XXV, 2 (M. LXI, 571. 572); cp. in ep. ad Rom. XVI, 2 (LX, 550).

²⁾ Cp. 2 Кор. II, 4; XIII; Гал., 21; IV, 19 и друг.: ad Stag. III, 11 (M. XLVII, 487).

³⁾ In 2 ep. ad Cor. IV, 2 (LXI, 420. 421).

⁴⁾ In Gen. III, 1 (M. LIII, 32).

⁵⁾ In Gen. XXI, 1 (LIII, 176).

⁶⁾ De poenit. I, 9 (M. XLIX, 408).

⁷⁾ Hom. in paralyticum. 3 (M. LI, 53).

⁸⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

⁹⁾ In Gen. II, 2 (M. LIII, 28); cap. 1.

Божія и пророка, конечно, не объяснимъ словомъ. Желая хоть отчасти приблизить эту тайну къ человѣческому пониманію, Златоустъ пользуется для этого образомъ изъ видимой природы. Души пророковъ проникались сіяніемъ, свѣтомъ Духа, какъ чистая вода, освѣщаемая солнечными лучами. Но прежде, чѣмъ принять такой даръ Духа, пророческія души напередъ очищались собственною добродѣтелью ¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что и на высшихъ ступеняхъ богодохновенности свободы и напряженность волевой дѣятельности человѣка не прекращались.

Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ Златоустъ проводитъ различie между богодохновеннымъ пророкомъ и языческимъ прорицателемъ, мысль о дѣятельномъ состояніи первого выражена весьма отчетливо, благодаря именно противоположенію. Душою языческаго прорицателя овладѣвалъ бѣсь. Умъ прорицателя ослѣплялся, мысли помрачались. Человѣкъ говорилъ такъ, какъ флейта, издающая звуки. Напротивъ, Духъ Божій оставлялъ пророку разумѣніе изрекаемаго. Какъ врагъ человѣка, бѣсь дѣйствовалъ на человѣческую природу враждебно. Духъ Святой, наоборотъ, какъ благопопечительный и благодѣтельный, оставлялъ пророку сознаніе и пониманіе ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ дѣлаетъ различие между гаданіемъ и пророчествомъ. Когда кто-либо въ идолъскихъ капищахъ, одержимый нечистымъ духомъ, прорицалъ, то былъ увлекаемъ нечистымъ духомъ такъ, что не сознавалъ того, что говорилъ. Вообще гадателю, какъ бѣсноватому, свойственно находиться въ изступленіи, терпѣть принужденіе, насилие, увлекаться, неистовствовать. Напротивъ, пророкъ все говоритъ съ трезвою душою, съ здравымъ разсудкомъ: онъ вполнѣ сознаеть, что говоритъ. Въ то время какъ гадатели были плѣнниками, узниками злой силы, пророки пророчествовали съ разсудкомъ, съ совершенною свободою. Пророки были властны говорить и не говорить. Они не были принуждаемы; они сохраняли вполнѣ свою волю. Такъ Йона убѣгаетъ, Іезекіиль уклоняется, Іеремія отрицаєтся. Богъ ихъ не принуждалъ, но совѣтовалъ, убѣждалъ, угрожалъ, не помрачая разсудка. Производить помѣшатель-

¹⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

²⁾ In psal. XLIV, 1 (M. LV, 184).

ство, неистовство, помраченіе—дѣло бѣса. Богу же—свойственno просвѣщать, сознательно научать тому, чemu должно¹⁾.

Изъ только что приведенныхъ двухъ мѣстъ изъ творений Златоуста очевидно, что онъ *существенно отличалъ* пророческое вдохновеніе, какъ состояніе гармонического подъема духовныхъ силъ человѣка, отъ языческой мантиki, отъ поступленія Пиѳии, какъ состояніе мрачной подавленности, полной безсознательности, духовнаго ослѣпленія. Ясное сопаніе, трезвый умъ, совершенная свобода были для Златоуста безусловно необходимыми признаками истиннаго вдохновенія. Именно съ этой точки зрѣнія теряютъ механическій, пассивный отпечатокъ выраженія св. отца Церкви, напримѣръ: быть одержимымъ, плѣненнымъ Духомъ²⁾, быть обѣтаннымъ Духомъ³⁾, исполненнымъ Духомъ⁴⁾ и другія, взятые имъ изъ терминологіи самой Библіи.

Наконецъ, дѣятельное состояніе духа св. писателей доказывается самою *формою Библіи*, обязанною происхождѣніемъ своимъ снисхожденію Божію къ людямъ.

Божественное Откровеніе, изложенное въ Библіи, по учению Иоанна Златоуста, *обусловливается тѣми орудіями, чрезъ которыхъ оно сообщается*. Какъ люди своего вѣка, св. писатели дали въ своихъ книгахъ выраженіе болѣе чѣмъ извѣстныхъ ступеней истины. Знаніе увеличивалось, росло даже у тѣхъ, чрезъ которыхъ говорилъ Самъ Богъ. Кромѣ того, божественное Откровеніе *обусловливалось способностями тѣхъ людей, которымъ оно сообщалось и подавалось*. Когда Богъ говорилъ въ извѣстный періодъ исторіи, то Онъ говорилъ такъ, что люди современаго поколѣнія могли понять Его мысли, если они желали этого.

Въ св. Библіи Златоустъ находитъ немало случаевъ употребленія *антропоморфическихъ выражений*. Извѣстно, что оригенистические споры, произведшіе сильнаго волненія въ жизни Церкви, отчасти касались и библейскаго антропоморфизма. Нѣкоторые изъ необразованныхъ монаховъ Египта, съ фанатическою ненавистью къ спиритуализму Оригена,

¹⁾ In ep. 1 ad Corinth. XXIX, 1, 2 (M. XLI, 241, 242).

²⁾ In psalm. CIX, 8 (M. LV, 276).

³⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁴⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15) и др.

учили, что Богъ имѣть тѣлесный образъ¹⁾. Нѣкто Авдій сирійскій въ четвертомъ вѣкѣ основалъ даже аскетическую секту, ученіе которой, между прочимъ, состояло въ буквально-попиманіи сотворенія человѣка по образу и подобію Божію (ср. Быт. I, 26)²⁾. Въ противоположность такимъ крайностямъ, Златоустъ постоянно утверждаетъ, что языкъ Св. Писанія о Богѣ имѣть значеніе относительное, а не абсолютное. Въ одной изъ своихъ гомилій св. отецъ Церкви совершенно опредѣленно говоритъ о еретикахъ, искажающихъ бблейское ученіе обѣ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ (Быт. I, 26), желающихъ божественное называть человѣкообразнымъ. Св. отецъ Церкви справедливо называетъ крайнимъ безумiemъ низведеніе въ человѣческій образъ Того, Кто не имѣть образа, Кто неизмѣняемъ или же приданіе безтѣлесному чертѣ и членовъ тѣлесныхъ. Образъ Божій Златоустъ опредѣляетъ въ господствѣ человѣка надъ всѣмъ существующимъ на землѣ (ст. 26). Въ словахъ же бблейского текста онъ находитъ именно „сугкатазас“ къ человѣческому пониманію³⁾.

Подобнымъ образомъ Моисей говоритъ: „вдунулъ въ лицѣ его дыханіе жизни и сталъ человѣкъ душою живою“ (Быт. II, 7). Моисей, по истолкованію Златоуста, употребилъ столь грубый образъ рѣчи потому, что разсуждалъ съ людьми, которые не могли слышать его иначе, чѣмъ какъ это возможно намъ. Но мысль пророка—возвышенная: божественное вдохновеніе сообщило созданному изъ земли жизненную силу, образовало существо души, содѣяло душу дѣйствующей, т. е., имѣющей члены тѣла, какъ покорныя ей орудія⁴⁾.

Исторія о созданіи мира въ шесть дней также обязана своимъ происхожденіемъ снисхожденію человѣколюбиваго Бога къ человѣческому пониманію. Всесильная десница и безпредѣльная премудрость Бога не затруднились бы все создать и въ одинъ день, даже въ одно мгновенье. Но Богъ создалъ все сущее не для своей пользы: будучи вседоволенъ, Богъ ни въ чемъ не нуждается. Напротивъ, Богъ все творилъ по человѣколюбію и благости Своей, а потому тво-

¹⁾ Socrat. Hist. eccl. VI, 7.

²⁾ Epiph. Haer. LXX.

³⁾ In Gen. VIII, 3 (ЛШ, 72); cap. I.

⁴⁾ In Genes. II, XII, 5 (М. ЛШ, 103).

риль по частямъ (κατὰ μέρος). Въ этомъ смыслѣ Богъ устами блаженнаго пророка преподаетъ намъ ясное учение о творимомъ¹⁾.

То же снисхожденіе выражается въ словахъ Моисея о сотвореніи жены: „взялъ одно изъ ребръ его“ (Быт II, 21). Слова эти нельзя разумѣть грубо, по-человѣчески. Грубыя выраженія здѣсь употреблены приспособительно къ человѣческой немощи. Какъ бы мы могли узнать неизглаголанныя тайны Божіи, если бы Писаніе не употребляло подобныхъ словъ. Не должно останавливаться только на словахъ. Все, относящееся къ Богу, должно понимать благоприлично. Выраженія: „взялъ“ и другія подобныя употреблены ради нашей немощи²⁾.

Въ этомъ снисхожденіи къ человѣческому разумѣнію св. писатель былъ именно дѣятельнымъ, а не страдательнымъ органомъ Духа Божія. Говоря Духомъ, св. писатель все рассказывалъ сообразно, приспособительно къ слушателямъ³⁾. Это приспособленіе къ обычай человѣческому происходило именно оттого, что и рѣчь св. писателя была обращена къ людямъ⁴⁾. Слѣдовательно, здѣсь было со стороны писателя дѣйствие вполнѣ сознательное и преднамѣренное.

Въ связи съ учениемъ о состояніи духа св. писателя въ актѣ богодохновенности стоитъ учение о различіи въ ней степеней. Какъ Оригенъ, Златоустъ признаетъ это различіе, хотя и не развиваетъ свои взгляды по этому вопросу во всѣхъ подробностяхъ.

На верхней ступени стоитъ Христосъ. Какъ въ нѣкоторый храмъ, въ Него излилась вся полнота благодати. Ему не мѣрою даровалъ Богъ Духа (Иоан. III, 34). Въ то время какъ люди припяли благодать отъ полноты Его (Иоан. I, 16), Христосъ получилъ всецѣлую благодать. Во Христѣ—полнота благодати. Въ людяхъ же—только кашля этой благодати (ср. Иса. XI, 2, 3; Иоиль: II, 28)⁵⁾.

Далѣе существуетъ различіе въ степеняхъ богоодхно-

¹⁾ Ib. III, 3 (ЛШ, 35—36).

²⁾ In Gen. XV, 2 (ЛШ, 121).

³⁾ In Gen. IV, 3 (М. ЛШ, 29).

⁴⁾ In Isa. VI, 1 (М. LV¹, 69).

⁵⁾ In psalm. XLIV, 2 (М. LV¹, 186).

венности между писателями обоихъ завѣтovъ. Апостольское вдохновеніе не только стоитъ выше прочихъ дарованій, но какъ въ сосредоточіи содержитъ въ себѣ корни всѣхъ ихъ. Пророкъ не можетъ быть апостоломъ. Но апостоль непремѣнно есть пророкъ и, кромѣ того, обладаетъ многими другими дарами¹⁾. Апостольство, какъ служеніе, заключаетъ въ себѣ безчисленныя блага²⁾. Это—совершенно понятно, такъ какъ новозавѣтное время есть время высшаго любомудрія, великой благодати Духа³⁾.

Среди боговдохновенныхъ писателей одного и того же класса также было различіе. Въ Ветхомъ Завѣтѣ самою высшую степенью боговдохновенности обладали, конечно, св. пророки. Созерцаніе будущаго, часто отдаленнаго и таинственнаго, требовало всецѣлаго проникновенія вдохновляемаго божественною благодатію. Поэтому, Златоустъ называется пророковъ объятыми, исполненными Духомъ Божіимъ. Отсюда—необыкновенная ясность пророческихъ созерцаній, превосходившая достовѣрность даже чувственныхъ впечатлѣній. Въ смыслѣ имѣнно высшаго развитія божественнаго вліянія, Златоустъ часто говоритъ, что въ пророческихъ писаніяхъ не было ничего человѣческаго, не было никакой человѣческой мудрости. Все—божественно; все изречено божественною благадатію⁴⁾. Однако, и изъ пророковъ высшую ступень боговдохновенности имѣлъ Моисей. Другъ Бога, Моисей удостоился бесѣдоватъ съ Нимъ „лицомъ къ лицу“ (Втор. XXXVI, 10) въ то время, какъ другимъ пророкамъ откровенія подавались посредствомъ гаданій и сновъ. Слѣдовательно, Моисей былъ большимъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ⁵⁾.

Въ *Новомъ Завѣтѣ* Златоустъ дѣлаетъ различіе между евангелистами. Маркъ и Лука, какъ простые подражатели апостоловъ Петра и Павла, отображаютъ въ своихъ евангeliяхъ свойства того и другого⁶⁾. Четвертый евангелистъ

¹⁾ Hom. de utilit. lectionis Script. n. 3 (M. LI, 92).

²⁾ In epist ad Rom. I, 1 (M. LX, 396).

³⁾ De virginitate: n. 50. 84 (M. XLVIII, 573. 594); cp. in illud: I Cor. VII, 39—40 (LI, 219).

⁴⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13—15); cp. in Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

⁵⁾ In Act. IX, 4; n. 2 (M. LI, 134); in Act. IV, 2 (LX, 45).

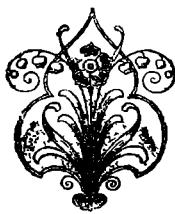
⁶⁾ In Matth. IV, 1 (M. LVII, 39—40).

возвышенностью своихъ догматовъ превосходитъ прочихъ. Не только люди, но даже ангелы, херувимы и серафимы чрезъ голосъ евангелиста Іоанна научились тайнамъ божественного Откровенія ¹⁾.

Наконецъ, по великому искусству преподавать евангельское слово изъ всѣхъ новозавѣтныхъ писателей *выдѣлялся ап. Павелъ*. Это—апостолъ по преимуществу ²⁾.

Д. Леонардо въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ In Iohann. I, 2; II, 5 (M. LIX, 26. 36).

²⁾ In ep. ad Roman. I, 1 (M. LX, 396); cp. praef. 1 (LX, 392).

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолжение) *).

XI.

Въ отношеніи *объема* боговдохновенности обыкновенно представителю той или другой экзегетической школы ставится вопросъ: защищалъ ли онъ крайне-вербальную теорію, въ смыслѣ диктовки св. текста, отъ предложенія до предложенія, отъ слова до слова Св. Духомъ, или же простирая божественное внушеніе только на мысли и идеи св. писаній, или же, наконецъ, ограничивалъ боговдохновенность только религиозно-нравственнымъ ученіемъ.

Суровые вербалисты приписываютъ Златоусту *крайніе взгляды*, главнымъ образомъ опираясь на его отдѣльные выраженія, что въ Библіи нѣть ничего лишняго, безцѣльного, что каждое изреченіе, каждое слово, даже слогъ Библіи—полны глубокаго значенія и т. д. Таковъ, напр., римско-католической богословъ *Шмидъ*, написавшій цѣлую монографію по вопросу о боговдохновенности 1). На противъ, протестантскіе ученые, напр. *Неандеръ* 2), *Алцогъ* 3), *Гергенретеръ* 4) и др. представляютъ Златоуста приверженцемъ ограничительного вдохновенія, т. е. ограничивающимъ объемъ бо-

*.) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 10 за 1911 годъ.

1) См. его. *De inspirationis bibliorum vi ac ratione*. Brixinae. 1885; p. 291 и др.

2) *Neander. Allgem. Geschichte der christl. Religion*. Band II, 503.

3) *Alzog. Patrologie*. Aufl. 4. 1888. 315.

4) *Ph. Hergenr  ter. Die antiochenische Schule*. W  rzburg. 1866; s. 70.

говдохновенности областью только въроученія и нравоученія. Эти ученые за точку отправленія берутъ сужденія св. отца Церкви о непогрѣшности Св. Писанія. Само собою разумѣется, что только объективное, беспристрастное изложеніе подлинныхъ сужденій и мыслей Златоуста дастъ возможность правильно опредѣлить его отношеніе къ вопросу о предѣлахъ богоизбранности.

Прежде всего богоизбранность Златоустъ простирается на содержаніе Библіи. Всюду въ божественномъ Писаніи онъ находитъ великое богатство, сокровище божественной премудрости. Ничего въ Св. Писаніи, по мысли Златоуста, нельзя проходить безъ вниманія. Сокровище, скрытое въ св. книгахъ, обязано своимъ происхожденіемъ именно тому, что св. писатели все говорили и излагали по внушенію божественного Духа. По этой причинѣ, даже приступать къ божественнымъ словамъ мы должны не иначе, какъ получивъ руководство свыше и просвѣщеніе отъ Духа Святаго. Даже въ простомъ перечисленіи именъ заключается сокровенное богатство мыслей¹⁾. Св. отецъ Церкви решительно возстаетъ противъ мысли, будто въ Библіи есть что-либо лишнее и сказанное безъ цѣли. Св. писатели не пишутъ ничего такого, что не заключало бы въ себѣ пользы. Людей, которые въ св. Библіи почитаютъ излишними не только имена, но и цѣлые книги, какъ напримѣръ книги Левитъ, Иисуса Навина и многія другія, Златоустъ называетъ нерадивыми, легкомысленными, недостойными неба. Гностиковъ же и манихеевъ, отвергшихъ ветхій завѣтъ и затѣмъ убавившихъ многое и въ Новомъ Завѣтѣ, по злому навыку, св. отецъ называетъ прямо безумцами. Вѣдь не только ветхій завѣтъ заключаетъ въ себѣ многое полезнаго, но и самое, повидимому, маловажное въ Писаніи не напрасно сказано²⁾. Несправедливо пренебрегать тѣми мыслями писаній, которыя кажутся маловажными: онъ также произошли отъ благодати Духа. А благодать Духа никогда не бываетъ маловажной, скучной. Напротивъ, она—велика, удивительна, достойна щедрости Давшаго. Какъ достоинство драгоценныхъ камней зависить не отъ тяжести составленного вещества, а отъ красоты, такъ и въ Св. Писаніи бы-

¹⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LШ, 175).

²⁾ In ep. ad Rom. XXXI, 1 (M. LX, 667-668).

вають краткія по формѣ изреченія, но великія по значенію ¹⁾.

Боговдоуновенность простирается Златоустомъ не только на истины религіозныя, но и на чисто историческія, научныя. Исторію происхожденія и творенія міра Моисей, напр., излагалъ не самъ отъ себя, но по внушенію благодати Духа ²⁾. Благодать Духа изложила и исторію патріарховъ ³⁾. Даже разсказы о преступлениі Рувима (ср. Быт. XXXV, 22), о прелюбодѣяніи Давида написаны съ опредѣленными цѣлями по божественному внушенію. „Если Духъ Святый не почелъ постыднымъ изложить всю эту исторію, то тѣмъ болѣе не должно намъ ее скрывать... Тѣ, которые скрываютъ паденіе Давида, весьма помрачаютъ добродѣтель этого мужа ⁴⁾. Касательно евангельской исторіи, изложеній св. Лукою, Златоустъ спрашиваетъ: есть ли это произведеніе только обыкновенная исторія и слово евангелиста развѣ не причастно Духа (*ὅμοιος τοῦ Πνεύματος ὁ λόγος*)? Отвѣтъ совершенно ясенъ и рѣшителенъ. То, что передали евангелисту бывшіе съ самаго начала „очевидцами и служителями Слова“ было отъ Духа ⁵⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что Златоустъ, вопреки Неандеру, Алцогу, Толлукку и др., отнюдь не принималъ теорію „ограничительного вдохновенія“

Однако, взгляды св. Златоуста на объемъ божественного вдохновенія были еще болѣе широкіе. Не только содержаніе, идея Св. Писанія производились имъ изъ боговдохновенности, но и самое изложеніе, самая форма ихъ, даже отдѣльные изреченія и слова. Такъ Златоустъ непосредственно приписываетъ Богу употребленіе отдѣльныхъ выражений въ законѣ пророка Моисея ⁶⁾). Также отъ Духа Святаго зависѣла и форма псалмовъ. Разнообразіе псалмовъ, ихъ размѣръ, краткость, продолжительность,—все это есть дѣло мудрости Духа ⁷⁾. Даже измѣненіе порядка рѣчи дѣ-

¹⁾ De stat. ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17. 18).

²⁾ In Gen. IV, 2 (M. LIII, 41); cap. 1.

³⁾ In Gen. LVII, 1; cap. XXX (M. LIV, 494).

⁴⁾ In Gen. LX, 2; cap. XXV (M. LIV, 522); in Matth. XXVI, 5 (M. LVII, 341).

⁵⁾ In Act. I, 2 (M. LX, 16).

⁶⁾ Hom. in Matth. XXI, 23 (M. LVI, 426); num. 7.

⁷⁾ In psalm. IX, 1 (M. LV, 121).

ляется псалмопѣвцемъ не напрасно, не случайно (Пс. CXL, 4) ¹⁾. Самыя малыя изреченія св. писателей произошли по вдохновенію Св. Духа, излились изъ обильнаго источника Духа Св. ²⁾.

Столь же широкій объемъ богоідохновести признаетъ Златоустъ и въ отношеніи писателей *Нового Завѣта*. Самое краткое, напримѣръ, изреченіе апостола Павла всегда исполнено благодати Духа ³⁾. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею (V, 23) апостолъ даетъ наставленіе касательно употребленія вина, ради частыхъ недуговъ. Уже въ вѣкъ Златоуста это мѣсто возбуждало недоумѣніе. Многимъ казалось, что вышеуказанное наставленіе не нужно, излишне. Недоумѣвали, почему апостолъ Павелъ не только далъ повелѣніе, но и запечатлѣлъ его письмами, начертавъ его въ посланіи, какъ бы на мѣдномъ столбѣ, которое притомъ было назначено для народнаго чтенія. Вопреки такого рода недоумѣніямъ, Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что наставленіе апостола—чрезвычайно полезно. Передача его чрезъ посланіе грядущимъ поколѣніямъ есть именно дѣло благодати Духа, а не апостола Павла. Свою утвержденіе Златоустъ обосновываетъ именно на глубокой вѣрѣ въ то, что и маловажныя, повидимому, мысли св. писаний происходятъ отъ благодати Духа, которая никогда не бываетъ малой и скучной, но великой и достойной щедрости Давшаго ⁴⁾. Даже краткія апостольскія привѣтствія, напримѣръ въ посланіи къ римлянамъ (XVI, 3), написаны подъ высшимъ вліяніемъ и потому исполнены глубокаго значенія. Свою мысль Златоустъ доказываетъ посредствомъ примѣра. Если кто получаетъ письмо отъ друга, то читаетъ не только содержаніе письма, но и привѣтствіе, какъ признакъ расположженія писавшаго. Тѣмъ болѣе ничего не можетъ быть написано лишняго въ посланіи, которое провѣщиваетъ апостолъ Павелъ, лучше же не Павелъ, а благодать Духа ⁵⁾. Не бесполезны и не лишены значенія также и родословныя, содержащіяся

¹⁾ In psalm. CXL, 6 (M. LV, 437).

²⁾ In Gen. XVI, 1 (M. LIII, 126); сар. II; ib. III, 1; сар. I (M. LIII, 32).

³⁾ De stat. XVIII, 2 (M. XLIX, 182).

⁴⁾ De stat. ad pop. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁵⁾ In ep. ad Rom. XVI, 3 (M. LI, 187); п. 1; hom. I.

въ свангеліяхъ¹⁾. Даже въ самыхъ вступленіяхъ въ ту или другую книгу часто изложены глубокія мысли: Христосъ движетъ душу св. писателя²⁾.

Доказывая, что въ Св. Писаніи даже, повидимому, маловажное (*тѣ микрѣ дохойута сіихъ*) не сказано напрасно и безъ цѣли³⁾, Златоустъ обозначаетъ *причины этого*. Духъ Святый, предвидѣвшій будущее, восхотѣлъ точностью изреченій предупредить внесеніе людьми въ церковные догматы собственныхъ соображеній и обуздать невоздержный языкъ дерзкихъ суесловъ⁴⁾.

Утверждая, *богодохновенность формы, порядка рѣчи св. писаний, отдельныхъ мѣстъ ихъ*, привѣтствій, вступленій, родословій, Златоустъ простираеть ее и *на отдельные слова св. писателей*. Въ Писаніи все изречено Духомъ Святымъ, и потому ничего не сказано безъ цѣли. Часто по одному слову, поэтому можно дойти до цѣлой мысли⁵⁾. Сокровище мысли заключается не только въ отдельныхъ изреченіяхъ, но и въ незначительныхъ, повидимому, словахъ св. книгъ⁶⁾. Причина въ томъ, что произносимыя св. Писателями слова суть изреченія божественныя⁷⁾, принадлежать собственно не писателямъ, а благодати Духа⁸⁾. Не должно почитать излишнимъ даже надписей, перечисленія именъ, счета лѣтъ и пр.⁹⁾. Въ качествѣ примѣра Златоустъ приводить хронологію жизни св. патріарховъ. „Мы яспо видимъ всю добродѣтель праотца Авраама, замѣчаетъ св. отецъ, когда узнаемъ, сколько прошло времени отъ дарованія ему обѣтованій, о потомствѣ до исполненія обѣтованій. Моисей, вдохновляемый Святымъ Духомъ, и показываетъ намъ это¹⁰⁾. Горячо защищаетъ Златоустъ св. книги также и противъ тѣхъ коварныхъ людей, которые, ваявъ въ руки божественныя книги и увидѣвъ въ нихъ счетъ времени, перечисленіе именъ и

¹⁾ In ep. ad Rom. XXXI, 1 (M. LX, 667).

²⁾ In illud: 1 Cor. I, 1; n. 3 (M. LI, 148).

³⁾ In ep. ad Rom XXXI, 1 (M. LX, 668).

⁴⁾ In Gen. XII, 2 (LIII, 100).

⁵⁾ In Ioann. L, I (M. LIX 277).

⁶⁾ In Geu X, 3 (M. LIII 85); cap. 1.

⁷⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁸⁾ In psalm. CXLV, 1; n. 2 (M. LV, 520).

⁹⁾ In illud: Rom. XVI, 3 (M. LI, 105).

¹⁰⁾ In Gen. XXXIX, I (M. LIII, 362).

т. д., говорили: „здесь только имена, и не быть ничего полезного“ Св., отецъ Церкви горячо защищаетъ какъ „ἀριθμὸν χρόνου“, такъ и „κατάλογον ὄντων“ св. Библіи. Если въ св. Библіи вѣщаєтъ Самъ Богъ, то какъ можно говорить, что въ ией есть что-либо бесполезное? Читатель долженъ со вниманіемъ останавливаться даже на простой надписи св. книги и изслѣдовать заключающееся въ ней богатство. Но не говоря о временахъ, именахъ и надписяхъ, великую силу въ Библіи имѣетъ даже прибавленіе одной только буквы. Такъ патріархъ Авраамъ сперва назывался Аврамомъ. Это имя означало человѣка — странника (*περάτης*). Потомъ патріархъ былъ переименованъ въ Авраама и сдѣлался отцомъ всѣхъ народовъ¹⁾. Даже надписаніе той или другой св. книги имѣть для Златоуста глубокое значеніе. Надписаніе, поставленное въ заглавіи сочиненія, дѣлаетъ извѣстнымъ его содержаніе. Для поясненія своей мысли Златоустъ пользуется двумя сравненіями. Голова дѣлаетъ вѣдомымъ остальное тѣло и лицо и служить къ его открытію. На царскихъ изображеніяхъ внизу, въ основаніи пишутся трофеи, побѣды, подвиги. Вверху же начертывается самое изображеніе царя съ надписью. Изъ исторіи апостольской извѣстно, что св. Павелъ, имѣвшій благодать Духа, не прошелъ безъ вниманія даже надписи на жертвеникѣ въ Аѳинахъ (ср. Дѣян. XVII, 23). Тѣмъ болѣе нельзя пренебрегать написанного Святымъ Духомъ²⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста находится немало мѣстъ, гдѣ утверждается богоодхновенность именно *отдельныхъ словъ* библейского текста. Евангелистъ Матѳей, напр., о предательствѣ Іуды искаріотскаго говоритъ: „τότε παρευθεὶς εἰς τῶν δώδεκα... πρὸς τοὺς ἀρχιερεῖς“ Св. Златоустъ обращаетъ особое вниманіе на обозначеніе момента времени („тогда“ = *τότε* = Мате. XXVI, 14), Зачѣмъ евангелистъ обозначилъ время, не просто сказавъ: „пошелъ“, не прибавивъ: „тогда пошелъ“? Говорящій Духомъ ничего не изрекаетъ напрасно, безъ причины. Слѣдовательно — и евангелистъ: онъ очевидно, хочетъ показать, что беззаконное дѣло совершилось какъ разъ въ такое время, когда одна молодая женщина обнаружила великую вѣру, послушаніе и благочестіе, возливъ миро па

¹⁾ In Isa VI, I; h. II, 1 (M. LVI, 110).

²⁾ In inscriptionem altaris et in princip. Actorum; 3 (LI, 71—72).

главу Господа изъ алавастроваго сосуда (ср. Мате. XXVI, 6—13; Лук. VII, 36—50¹⁾).

Дословное вдохновение усвояетъ Златоустъ и выражению пророка Исаи: „вокругъ Господа стояли серафимы“ (Иса. VI, 2). Не мѣсто здѣсь обозначено, по мнѣнію св. отца, словомъ: „вокругъ“. Духъ Святый благоволилъ этимъ словомъ показать, что даже серафимы не могутъ созерцать существа Божія, хотя и находятся къ нему ближе насть. Развивая эту мысль. Златоустъ говоритъ, что силы небесныя настолько лучше людей знаютъ непостижимость Божію, насколько онъ—чище, мудрѣе, прозорливѣе человѣческой природы. Сила лучей солнечныхъ извѣстна зрячимъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣпымъ. Также и непостижимость божескаго Существа. Однако, и серафимы покрывали свои лица, ограждались крыльями²⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Златоуста, даже отдѣльныя слова внушались Духомъ Святымъ св. Писателямъ, когда чрезъ таковыя слова выражалась какая-либо возвышенная догматическая идея.

Вербально вдохновлялся и четвертый евангелистъ. Онъ дословно писалъ и говорилъ то, что слышалъ отъ Духа (ср. I, 9), не испытывая болѣе ничего³⁾.

Даже *прибавка* небольшого, малоэпачительнаго, на первый взглядъ, союза дѣлается св. писателемъ не безъ основанія. Моисей, переходя къ исторіи сотворенія жены, пишетъ: „но для человѣка не нашлось помощника, подобшаго ему“ (Быт. II, 20). Союзъ здѣсь— вполнѣ умѣстенъ и необходимъ. Вѣдь слова пророческія—слова не простыя, а слова Духа Святаго. Поэтому, можно найти великое сокровище даже въ одномъ слогѣ⁴⁾.

Еще сильнѣе, въ смыслѣ вербального вдохновенія звучать отзывы Златоуста *o значеніи въ Біблії каждой отдельной буквы, іоты черты и т. п.* Въ этомъ отношеніи основной принципъ св. отца Церкви таковъ: въ Писаніи пѣть ни одного слова, ни одной черты, въ глубинѣ которыхъ не заключалось бы великаго сокровища⁵⁾. Этотъ принципъ Зла-

¹⁾ De praevaricatione Iude: II, 2 (M. XLIX, 384).

²⁾ Contr. Anom. III, 3 (M. XLVIII, 722).

³⁾ In Ioann. I, VII, 1 (M. LIX, 63).

⁴⁾ In Gen. XV 1 (M. LIII, 119); cap. II.

⁵⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. VI и V.

тоусть примѣняеть и къ отдельнымъ частямъ Библіи. Такъ, комментируя разсказъ Библіи о Каинѣ и Авельѣ, Златоустъ замѣчаетъ, что этого разсказа отнюдь нельзя проходить безъ вниманія. Все духовное таково по своимъ свойствамъ, что каждый слогъ, каждая даже черта заключаетъ въ себѣ нѣкоторое скрытое сокровище¹⁾). Даже простое привѣтствіе апостола въ посланіи къ римлянамъ открываетъ намъ глубокое море мыслей, такъ какъ въ св. писаніяхъ нѣть ничего лишняго, ничего неважнаго, хотя бы то была одна юта, одна черта²⁾). Легко—замѣтить, что во всѣхъ вышеприведенныхъ и подобныхъ выраженіяхъ Златоустомъ, въ сущности, воспроизводятся слова Самого Господа изъ нагорной бесѣды (Мате. V, 18) и пр. Св. отецъ Церкви дѣлаетъ изъ этихъ словъ только практическое примѣненіе, доказывая посредствомъ соотвѣтственнаго истолкованія дословное вдохновеніе тѣхъ или другихъ частей св. первотекста.

Конечно, рѣшительная заявленія Златоуста о глубокомъ значеніи слоговъ, буквъ и словъ Библіи разрушаютъ *въ самомъ основаніи* иллюзію *Неандера* и др., будто Златоустъ имѣлъ ограничительные взгляды на объемъ богоизбраненности. Но, съ другой стороны, самая безповоротность и прямолинейность такого рода заявленій послужили для *Ф. Шміда*³⁾ и др. поводомъ къ причисленію Златоуста въ разрядъ грубо-механическихъ вербалистовъ. Это, безъ сомнѣнія, обратная крайность.

Извѣстно, что теорія механически-вербального вдохновенія въ чистомъ видѣ была изложена и защищаема лютеранскими и реформатскими богословами XVII в.: *Квенштедтомъ*, *Голлаціемъ*, *Хемницемъ*, *Музеемъ*, *Боециемъ* и др. Благодаря этимъ ученымъ была, въ сущности, возрождена и подновлена старая схоластическая теорія. Согласно теоріи протестантской ортодоксіи XVII в. не только внешняя форма выраженія вообще, но и каждое отдельное слово, слогъ, пунктуація, интерпункція Библіи произошли отъ Духа Божія и притомъ особымъ, чрезвычайнымъ способомъ.

1) In Gen. XVIII, 4 (M. LIII 154); cap. IV.

2) De mutatione nomimurum: Rom. XVI, 3; n. 1 (M. LI, 187); cp. in Act. XI, I (L 119); n. 4.

3) Dr. Fr. Schmid, De inspirationis bibliorum vi ac ratione Brixinae; 1885; p. 291—297.

Златоустъ нигдѣ не выражаетъ столь крайнихъ мнѣній. Какъ *вербалистъ умѣренного типа*, онъ настаиваетъ *только на глубокомъ значеніи* въ Библіи каждого слова, слога и буквы, но вовсе не на чрезвычайномъ сверхъестественномъ ихъ происхожденіи, путемъ механическаго диктанта. Въ св. Библіи нѣть ничего, что было бы написано случайно, напрасно, безцѣльно. Напротивъ, все—полезно, все цѣлесообразно, знаменательно; всюду разлито море божественной мысли 1). Такова основная мысль умѣренно-вербальной теоріи Златоуста. Ни однимъ словомъ онъ не обмолвился на счетъ механическаго диктанта св. писателямъ отдельныхъ словъ, слоговъ, буквъ и знаковъ препинанія со стороны божественного Вдохновителя. Съ другой стороны, даже по отношенію къ письменнымъ памятникамъ человѣческаго происхожденія, поврежденныхъ временемъ, Златоустъ говорить о великому значеніи не только дать хронологіи, но нерѣдко даже одного слога 2). То же самое и притомъ съ большими правомъ Златоустъ утверждаетъ и о Св. Писаніи, „сложенномъ Духомъ Святымъ“ 3). Вообще же говорить о глубокомъ до мелочей проникновеніи св. Библіи божественной идеей далеко не значитъ производить и самую букву библейскаго текста изъ механической диктовки Духа.

Нельзя также забывать, что Златоустъ признаетъ *различие въ степеняхъ* богодохновенности св. писателей. Соответственно этимъ степенямъ, увеличивался или сокращался и объемъ собственно человѣческой работы св. писателя въ составленіи той или другой св. книги. Между тѣмъ крайние вербалисты типа Квенштедта, Хемница и др., представляя св. писателей *простыми копистами, писцами, секретарями Духа Святаго* 4), едва ли допускали какую-либо возможность подобнаго рода степеней.

Доказательства признанія Златоустомъ различія въ степеняхъ богодохновенности приведены выше. По дару богодохновенности апостолы превосходятъ пророковъ Ветхаго

1) In Gen. XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; III, 1 (M. LIII, 32); cap. I; XII, 2 (LIII, 100) и др.

2) In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175).

3) Ibidem.

4) Andr. Quenustedt. Theologia didactico-polemica. Vittenberg. 1696; p. 55; par. 1.

Завѣта. Даже большій изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы¹⁾. Собственно пророческое вдохновеніе Златоустъ также, вѣроятно, понималъ иначе, чѣмъ бого-вдохновенность св. историковъ. О пророкахъ Давидѣ, Исаїи и др. онъ учитъ, что они ничего человѣческаго не говорили,ничего—отъ собственного изобрѣтенія²⁾. Когда же идеть рѣчь о пророкѣ Моисеѣ и евангелистѣ Лукѣ, какъ св. историкахъ, Златоустъ говорить о вліяніи ихъ на форму и способъ изложенія (напр. сжатость, краткость рѣчи), на ихъ большую или меньшую самостоятельность въ сокращеніи подробностей событий, соединеніи вмѣстъ различныхъ временъ и т. д.³⁾. Съ этой точки зрењія, конечно, св. отецъ Церкви признаетъ различіе между историками-евангелистами въ изложеніи событий, касательно мѣста и времени ихъ совершеннія, въ передачѣ тѣхъ или другихъ словъ дѣйствующихъ лицъ⁴⁾ и пр. Повидимому, Златоустъ былъ склоненъ къ мысли о томъ, что и боговдохновенность одного и того же писателя не всегда была одинакова. Такъ возвышенное догматическое ученіе о вѣрѣ евангелистѣ Иоаннѣ излагалъ, по внушенію Духа, дословно, безъ иаслѣдованія (Іоанн. I, 9 и друг.)⁵⁾. Напротивъ, собственно исторические факты передавались имъ совершенно увѣренno, какъ подтвержденные его собственными свидѣтельствами, какъ очевидца (ср. XXI, 24. 25)⁶⁾. Можетъ быть, именно признаніемъ различныхъ степеней писательского вдохновенія объясняются различные наименованія боговдохновенности у Златоуста, каковы: божественное внушеніе, наученіе съ неба, управленіе Духомъ душою писателя и т. п.⁷⁾.

Такъ или иначе, но принятіе степеней боговдохновенности было бы грубымъ диссонансомъ со всей теоріей св. отца Церкви, если бы эта теорія допускала возможность превра-

¹⁾ Οὕτω καὶ Σαῦλ πρότερον μαρτυρηθεὶς ἀγαθὸς εἶναι τότε τὸ Πνεῦμα ἔλαλεν Αλλ οὐτως ουδεις. οὐδὲ ὁ με.ών τῶν προφητῶν Μωυσῆς: in Act. IV, 2 (LX, 44-45).

²⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 183); in Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

³⁾ Ad. Stag. II, 6 (M. XLVII, 457); in Act. XXI, 1 (LX, 163).

⁴⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16); I, 4 (LVII, 18); I, 2 (col. 17).

⁵⁾ In Ioann. II, 3 (LIX, 33); VII, 1 (LIX, 63).

⁶⁾ In Ioann. LXXXVIII, 2 (M. LIX, 480. 481).

⁷⁾ Ibidem. XIII, 2 (LIX, 88); V, 2 (M. LIX, 56) и др.

щенія св. писателей въ простыхъ секретарей, записывавшихъ въ свои книги диктовку небеснаго Учителя.

Въ столь сверхъестественномъ и въ то же время столь жизненномъ актѣ взаимодѣйствія Духа Божія и духа человѣческаго, каковымъ была богодохновенность, *невозможно*, конечно, отѣдѣлить то, что принадлежитъ собственно божественному *внушенію*, отъ того, что обязано своимъ происхожденіемъ *содѣйствію самого человѣка-писателя*. Какъ въ обыкновенномъ литературномъ произведеніи, такъ и въ Св. Писаніи слово и мысль, форма и идея настолько тѣсно соединены между собою, что механическое разграничение ихъ другъ отъ друга невозможно. Какъ лучшій представитель антиохійской школы, высоко цѣнившій историко-грамматический смыслъ св. текста и логическое взаимоотношеніе мысли, Златоустъ, конечно, необходимо долженъ быть прийти къ убѣждѣнію, что каждый слогъ, каждая частица, каждая черта въ словѣ Божіемъ находятся на своемъ мѣстѣ и исполнены глубокаго значенія.

Златоустъ, далѣе, существенно расходится съ представителями механически-верbalныхъ теорій и въ своихъ взглядахъ *на состояніе вдохновляемаго Духомъ Божіимъ человѣка-писателя*. Суровые вербалисты, называя св. писателя кощистомъ, секретаремъ Духа Святого, предполагаютъ этимъ безучастное отношеніе его къ механической записи внушаемыхъ и диктуемыхъ свыше словъ и мыслей. Съ точки зрѣнія Голлація, Боеція и др. было бы непослѣдовательностью говорить объ индивидуальныхъ особенностяхъ кругозора, стиля, изложенія того или другого писателя. По ученію Златоуста, напротивъ, даже на высшихъ ступеняхъ богодохновенности, напр. у пророковъ, сознаніе и пониманіе сохрашаются Просвѣщаемый и сознательно научаемый Богомъ, пророкъ все говорилъ съ трезвою душою, здравымъ разсужкомъ и совершенною свободою¹⁾. Вопреки мертвящему вербализму схоластиковъ, Златоустъ признавалъ именно человѣчески-индивидуальный характеръ богодохновенныхъ книгъ. Поэтому, онъ и называлъ пророческія и апостольскія

¹⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184); in 1 Cor. XXIX, 1. 2 (LXI, 241. 242)

писанія точними изображеніями блаженнихъ душъ составителей ихъ¹⁾.

Златоустъ, конечно, различалъ вдохновеніе предметное отъ вдохновенія, дословнаго, вдохновеніе мысли отъ вдохновенія слова. Это особенно ясно выражено въ истолкованіи имъ первого посланія къ фессалоникійцамъ (1 Фес. IV, 14 и друг.). Ап. Павелъ говоритъ въ пророческомъ духѣ о сошествіи Господа съ неба при гласѣ архангела и трубы Божіей, послѣ котораго воскреснутъ мертвые во Христѣ, а оставшіеся въ живыхъ будуть, вмѣстѣ съ первыми, восхищены въ облакахъ въ срѣтеніе Господа (1 Фес. IV, 16. 17). Касаясь этого мѣста, Златоустъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: апостоль все вообще изрекалъ Духомъ; но то, что онъ теперь говоритъ, онъ слышалъ отъ Бога дословно (ρητῶς²⁾). По предположенію Златоуста, также таинственно апостоль воспринялъ сказанное въ бесѣдѣ съ ефесскими старѣйшинами изреченіе Господа: „блаженнѣс давать, нежели принимать“ (Дѣян. XX, 35)³⁾, хотя въ другомъ мѣстѣ склоняется къ иному предположенію, что послѣднее изреченіе могло быть передано апостолами безъ письмени или же было выведено изъ всего ученія Христа путемъ умозаключенія⁴⁾. Но несомнѣнное признаніе Златоустомъ вербального вдохновенія не даетъ основаля понимать выраженія Златоуста: „ни одинъ слогъ, ни одна юта, ни одна черта не написаны въ Писаніи напрасно“, въ смыслѣ крайне-грубаго и бездушнаго вербализма старыхъ и новѣйшихъ сколастиковъ. Послѣдніе говорятъ не только о вдохновеніи словъ, какъ необходимыхъ средствъ для выраженія богоодѣніи словъ по ихъ материальной сторонѣ, о самой диктовкѣ словъ такихъ, а не другихъ. Златоустъ же усвояетъ Духу Божію отдѣльныя слова или слоги не потому, что они материально суть именно эти слова, именно эти слоги, а потому, что въ нихъ содержится определенный смыслъ, выражена глубокая божественная идея. По крайней мѣрѣ, о св. евангелистахъ св. отецъ Церкви совершеенно определенно говоритъ, что однѣ и тѣ

¹⁾ In psalm. CXLV, 2 (M. LV, 521); in 2 Cor. XI, 1. 2 (L, 303).

²⁾ In ep. ad Thess. VII, 1 (M. LXII, 439).

³⁾ Ibidem

⁴⁾ In Act. XLV, 2 (LX, 316).

божественные мысли они выражали различными словами и оборотами рѣчи¹⁾. Слѣдовательно, словесная форма, словесная окраска, стиль св. писаній зависѣли отъ самихъ св. писателей, служили выраженіемъ ихъ человѣческой индивидуальности.

Наконецъ, должно прибавить, что Златоустъ не могъ признавать вербально богодохновенной ту греческую *версію Ветхаго Завѣтъ*, которую онъ обычно пользуется въ своихъ комментаріяхъ. Онъ хорошо сознавалъ, что въ этой версіи не было воспроизведенъ отъ слова до слова, отъ слога до слога оригиналъ еврейскій первоtekстъ слова Божія²⁾.

Все вышеизложенное приводитъ къ естественному заключенію, что Златоустъ былъ типичнымъ представителемъ того умѣреннаго вербализма, который имѣть для себя точку отправленія не въ механической диктовкѣ Св. Духомъ отдѣльныхъ словъ и изреченій, а въ *органической, духовной связи въ Библіи слова и мысли*.

XII.

Въ связи съ ученіемъ о предѣлахъ богодохновенности Св. Писанія стоитъ вопросъ о внутренней сущности ея, выражющейся въ разныхъ родахъ смысла Св. Писанія.

Въ этомъ отношеніи Златоустъ, подобно другимъ отцамъ Церкви, различаетъ въ св. Библіи два главные смысла: *буквальный и таинственный*. Но какъ въ первомъ онъ различаетъ частные виды: собственно *буквальный и переносный*, такъ во второмъ—смыслы *духовный, типический, моральный, аналогический* и др.

Многоразличіе смысла, составляющаго существо богодохновенности Библіи, часто указывается Златоустомъ какъ *принципіально, основоположительно*, такъ и *практически, въ частныхъ случаяхъ истолкованія*. Иное въ Писаніи, по учению Златоуста, должно понимать такъ, какъ сказано, а иное —въ смыслѣ переносномъ. Пророкъ Исаія, напр., говоритъ: „волкъ будегъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ“ (Иса. XI, 6), разумѣя будущее царство Мессіи. Смысь словъ—не буквальный, а переносный: не волковъ, не агнцевъ мы должны разумѣть здѣсь, а нравы людей, представляемые подъ видомъ

1) In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

2) Ср. напр. in Gen. IV, 4 (M. LIII, 43).

безсловесныхъ. Иное въ Писаніи, далѣе, должно быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: чувственномъ и духовномъ. Исторія, понимаемая въ смыслѣ буквальному, говорить намъ о сыне Авраама, приносимомъ въ жертву (ср. Быт. XXII). Но въ то же время мы разумѣемъ здѣсь и нечто болѣе возвышенное таинственное; а именно: крестную жертву¹⁾. Также и исторія объ агнѣ египетскомъ предначертываетъ образъ страданій Господа²⁾. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ Златоустъ различаетъ именно два главные смысла слова Божія: смыслъ буквальный, чувственный и духовный, типическій.

Какъ воспитанникъ антіохійской экзегетической школы, Златоустъ, конечно, простираетъ богодохновенность главнымъ образомъ на смыслъ буквальный, историко-грамматическій. Это—смыслъ простой, ясный, легко понимаемый; онъ содержитъся главнымъ образомъ въ книгахъ историческихъ, дидактическихъ и въ историческихъ отдѣлахъ и частяхъ книгъ пророческихъ³⁾. Въ отношеніи къ буквѣ Златоустъ держится совершенно противоположной точки зрѣнія, не жели Оригенъ. Между тѣмъ какъ великій александриецъ находитъ обыкновенно въ видимыхъ несообразностяхъ простой буквы побужденіе къ аллегоризированію, Златоустъ именно при помощи историко-грамматического пониманія находитъ въ той же самой буквѣ источникъ для вѣрнаго разрѣшнія затрудненій.

Историко-грамматический смыслъ, по теоріи Златоуста, есть дословное пониманіе исторического содержанія (*исторіа*) слова Божія, объясненіе предметовъ, дѣйствій и событий, въ немъ описываемыхъ, по точному содержанію (*κατὰ ρητὸν, ὡς εἰρητα*), по чувственному ихъ проявленію (*αἰσθητῶς*) и пр.⁴⁾. Средствами для определенія историко-грамматического смысла св. текста служатъ обычные способы изслѣдованія языка, примѣняемые къ изученію литературныхъ произведеній вообще: лексикографія отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраже-

¹⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 209).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Златоустъ, какъ и другие антіохійцы, обыкновенно буквальный смыслъ называетъ точными наименованіями.

⁴⁾ См. такого же рода определенія въ слѣдующихъ мѣстахъ: in psalm. XLIV, 9 (M. LV, 198); ibidem: n. 10 (M. LV, 198) и др.

ній, грамматическія особенности стиля, изслѣдованіе словесныхъ формъ и ихъ построенія, указаніе связи въ контекстѣ рѣчи, сравненіе данныхъ словъ и выраженій съ синонимическими и даже противоположными имъ и т. д.¹⁾). Различеніе главнаго отъ второстепенаго, темы отъ ея доказательства, основанія отъ вывода и пр. составляеть логической моментъ буквальнаго пониманія Библіи²⁾). Диадактическій же моментъ заключаеть въ себѣ опредѣленіе взаимоотношения книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтovъ, разрѣшеніе кажущихся противорѣчій отдѣльныхъ мѣстъ Библіи, изслѣдованіе параллельныхъ мѣстъ ея и т. д.

Особенно обширное примѣненіе имѣеть буквальное истолкованіе въ отношеніи такихъ частей Библіи, которая излагаютъ намъ исторію народа Божія. Въ ней сообщается намъ много повѣствованій о царяхъ и воинахъ, о государствахъ и семьяхъ, словомъ, о всевозможныхъ положеніяхъ жизни общественной и частной. Величайшую пользу приносять намъ эти повѣствованія³⁾, если только будемъ изслѣдовать ихъ тщательно и точно⁴⁾). Буквально понимаемая исторія не только достойна богоизбраннаго пророка, но еще болѣе человѣколюбія Бога⁵⁾). Аллегоризировать такія мѣста Библіи, гдѣ содержится явно исторической смыслъ, не только бесполезное, но и прямо опасное занятіе. Надмѣваясь своимъ краснорѣчіемъ и внѣшнею мудростью, нѣкоторые, напримѣръ, стали брезгать миѳологіями, обольщать простыхъ слушателей, говоря, что рай, о которомъ говорить св. Библія, былъ не на землѣ, а на небѣ (ср. Быт. II, 8). Причина—въ томъ, что такие люди стали мудрствовать не такъ, какъ написано⁶⁾.

Буква св. Писанія служить основаниемъ для высшаго пониманія. Нѣкоторыя слова Писанія должно понимать такъ, какъ они сказаны. Относительно же другихъ необходимо духовное разсмотрѣніе, духовное созерцаніе (*τὰ μὲν γὰρ ἔστι καὶ*

¹⁾ См. въ качествѣ примѣра истолкованіе понятія: „*οἰοι ἀνθρώπων*“; in ps. IV, 3 (M. LV, 46) и др.

²⁾ In psalm. XI, 3 (M. LV, 147) и др.

³⁾ De David. et Saul I, 7 (M. LVI, 686).

⁴⁾ De poen. IV, 2 (M. XLIX, 301).

⁵⁾ In Isa. I, 22; I, 7 (M. LVI, 23).

⁶⁾ In Gen. XIII, 3; cap. II (M. LVI, 108. 109).

Чеснота). Когда, напр., Моисей говоритъ о сотвореніи Богомъ неба и земли (Быт. I, 1), то его слова имѣютъ буквальное значеніе. Напротивъ, когда книга Притчей говоритьъ объ „источникѣ воды“ и о „Любезной лани“ (V, 17—19), слова книги необходимо понимать иначе, нежели какъ они сказаны. Здѣсь рѣчь уже о другомъ: о цѣломудренномъ обращеніи съ женой, о чистотѣ супружескаго сожитія¹⁾.

Надъ голой буквой св. текста возвышается *иносказаніе, аллегорія* (*ἀλληγορία*). Но иносказаніе Златоуста существенно отличается отъ иносказанія Оригена. У Оригена аллегорія часто превращается въ произвольную игру воображенія. Златоустъ, наоборотъ, утверждаетъ, что желающіе иносказанія не должны, руководясь необузданымъ произволомъ, блуждать и носиться повсюду. Пользоваться иносказаніемъ, иносказательнымъ образомъ рѣчи должно по указанію самаго Писанія²⁾.

Наличность аллегорического смысла, по учению Златоуста, опредѣляется *известными признаками*. Сама Біблія обычно указываетъ, когда и какія именно мѣста имѣютъ смыслъ переносный. Мы не можемъ здѣсь распоряжаться его законами по произволу³⁾. Съ другой стороны, употребляя аллегорію, Писаніе часто указываетъ и ся значеніе. Исаія, напр., излагаетъ притчу о виноградникѣ, поясняя, что въ ней разумѣется домъ Израилевъ „любимое насажденіе Господа Саваофа“ (V, 7). Пророкъ Іезекійль рисуетъ образъ великокрылого орла, который прилетѣлъ на Ливанъ и оборвалъ вершину кедра. Смысль образовъ указывается самимъ пророкомъ: орелъ—это вавилонскій царь; кедръ же—царь и князья іудейскаго народа (XVII, 12)⁴⁾. Аллегорія, далѣе, подтверждается точнымъ излѣдованіемъ каждого слова св. текста, и сопоставленіемъ новозавѣтныхъ параллелей (ср. Иса. II, 2 съ Гал. IV, 4 и Еф. I, 10 и др.)⁵⁾ Аллегорія, наконецъ, подтверждается приложеніемъ сказаннаго къ самымъ

1) „Елень любви и жребя твоихъ благодатей, да бесѣдуешь тебѣ.....; источникъ твоего воды да будетъ тебѣ твой“ (Пр. V, 17—18).

2) In Isa. V 3 (M. LVI 60).

3) Ibidem.

4) Срав. Иса VIII, 7; Притч. V, 18, 19 и др.

5) In Isa. II, 1 (M. LVI, 29)

событиямъ¹⁾). При аллегорическомъ истолкованіи, смыслъ св. Писанія опредѣляется не по чувственному начертанію св. текста, а по мысли, по идеѣ самаго образа; не поточному тексту, а по скрытому въ немъ понятію²⁾.

Слѣдовательно, по учению Златоуста, аллегорія *возникаетъ* всякий разъ, когда Писаніе соединяетъ съ образомъ выраженнымъ субъектомъ рѣчи нѣсколько образныхъ предикаторовъ. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ продолжительная метафора. Всякий разъ, когда опредѣляется иносказательный смыслъ, вложенный Духомъ въ рѣчи св. писателя, необходимо должны быть принимаемы во вниманіе текстъ даннаго мѣста, контекстъ рѣчи, библейское словоупотребленіе, собственное истолкованіе Писанія и пр. Для Златоуста аллегорія въ сущности была тѣмъ же самымъ историко-грамматическимъ истолкованіемъ только въ его трудахъ отправлениі. Доцкая аллегорію, Златоустъ не подрываетъ значенія буквального смысла, потому что обычно связываетъ ее съ аккомодацией, столь необходимой для назиданія вѣрующихъ³⁾. При всемъ томъ, Златоустъ *оспариваетъ аллегорію, какъ методъ*, какъ средство для отысканія въ простой и голой буквѣ Библії мистическихъ глубинъ, духовныхъ тайнъ, когда для этого нѣть основанія въ точномъ текстѣ слова Божія. Подобно Діодору тарсійскому, Златоустъ справедливо полагалъ, что александрийская манера аллегоризированія ведеть къ совершенному разрушенню смысла историко-грамматического и превращаетъ аллегорію въ противоположность „духовному истолкованію“⁴⁾. Какъ выше было сказано, александрийская аллегорія въ крайнихъ своихъ формахъ представлялась Златоусту необузданнымъ позывомъ людей всюду блуждать и носиться своею мыслью⁵⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста встрѣчается немало примѣровъ, когда онъ выражаетъ *свое нерасположеніе* къ беспочвенному аллегоризированію. Однимъ изъ таковыхъ служить истолкованіе моисеева описанія четырехъ рѣкъ рая. Лю-

1) In Isa. II, 2 (M. LVI, 28).

2) In psalm. XLVI, I (M. LV, 209) и др.

3) Отсюда—выраженіе *φριδέειν, μετακομίζειν, ἀλληγορεῖν*.

4) Извѣстно, что Діодоръ тарсійскій даже написалъ специальный трактать: „Τις διαφορὰ θεωρίας καὶ αλληγορίας“.

5) In Isa V, 3 (M. LVI, 60).

бящіе говорить отъ своей мудрости не допускаютъ ни того, что рѣки рая дѣйствительпо суть рѣки, ни того, что воды—точно воды. „Но мы, замѣчаетъ св. Златоустъ, не станемъ внимать этимъ, людямъ; заградимъ для нихъ слухъ напѣть, а будемъ вѣрить божественному Писанию, слѣдя тому, что въ немъ сказано“ (Быт. II, 10) ¹⁾. Иногда же св. отецъ Церкви, упоминая о такомъ или другомъ мнѣніи аллегористовъ, не считаетъ даже нужнымъ опровергать его, по причинѣ очевидной непримлемости. Аллегористы, напр., говоря о хитонѣ Христа и пользуясь словами евангелиста: „весь тканый сверху“ (Иоан. XIX, 23), полагали, что рѣчь здѣсь идетъ о Распятомъ, какъ имѣвшемъ божество свыше. Антіохійцы, строго держась почвы историко-грамматического пониманія, справедливо видѣли въ данномъ мѣстѣ простое описание рода и вида хитона. Становясь всесцѣло на эту послѣднюю точку зрѣнія, Златоустъ приводитъ простую историко-археологическую справку о способѣ тканья одеждъ въ Палестинѣ изъ двухъ вмѣстѣ сложенныхъ кусковъ матеріи и па этомъ основаніи дѣлаетъ предположеніе, что своимъ описаніемъ евангелистъ хочетъ показать бѣдность и простоту Христа даже въ одеждахъ ²⁾.

Ограничиваю аллегорію довольно точноюми предѣлами, св. отецъ Церкви отличаетъ отъ нея библейскій типъ (*ò тópos*), Аллегорія содергитъ въ себѣ собственно простой облеченный въ образную рѣчь смыслъ. Типъ же совмѣшаетъ въ себѣ исторію и образъ. Въ фигуральномъ способѣ рѣчи образъ заключенъ въ словахъ, въ типическомъ же—извѣстное лицо, предметъ, событие служатъ прообразами будущаго. Пророчество посредствомъ типа есть пророчество событий; другое же пророчество есть пророчество посредствомъ словъ ³⁾. Различіе между ними такое же, какъ между смысломъ достовѣрнымъ и предметнымъ. Такъ какъ Богъ открывается и предсказываетъ не только посредствомъ словъ, но также чрезъ события и предметы, то оба происходящіе отсюда смысла св. Писания одинаково достовѣрны, не допускаютъ двусмысленности и вдохновлены Духомъ Божіимъ. Оба смысла, какъ аллегорическій, такъ и типическій облечены въ образы.

¹⁾ In Gen. XIII, 4 (M. LIII, 110); cap. II.

²⁾ In Ioann. LXXXV, I. 2, (M. LIX, 461).

³⁾ De poenit VI 4 (M. XLIX, 320).

Но эти образы—неодинакового свойства, хотя тотъ и другой смыслы суть виды одного и того же „духовнаго пониманія“

Типический смыслъ съ особымъ обиліемъ разлитъ Духомъ Божіимъ въ *книгахъ Ветхаго Завѣта*. Необходимымъ для него базисомъ служить именно дословный смыслъ св. текста¹⁾. Однако, этотъ высшій смыслъ, предначертанный въ описанныхъ богодохновенными историками лицахъ и событияхъ, весьма отличенъ отъ простой буквы. Это—нѣчто другое, сокровенное по мысли. Буква указываетъ на типъ такъ же, какъ знакъ на обозначаемое имъ, какъ образъ на отображеніе, какъ прообразъ на свое подобіе. Типъ не двойникъ, такъ сказать, смысла буквального, но смыслъ именно самаго исторического явленія, события, предмета. Притомъ же типъ не влагается въ богоодхновенное Писаніе произвольно, но по внѣшнимъ и внутреннимъ основаніямъ извлекается изъ него путемъ „духовнаго изслѣдованія“ Слѣдовательно, типическое истолкованіе не должно быть вынужденнымъ, не должно заключать въ себѣ какой-либо настяжки²⁾. Этимъ обоснованіемъ на подлинномъ текстѣ типический смыслъ существенно отличается отъ произвольной игры въ аллегорію у александрийцевъ.

Однако, *типический смыслъ отличенъ и отъ аллегоріи*, попимаемой въ слыслѣ антіохійской школы. Типъ не заключаетъ въ себѣ простого смысла образной рѣчи; типический смыслъ есть смыслъ двойственный: онъ основывается какъ на буквѣ исторіи, такъ и на образѣ события или дѣйствія³⁾. Пророкъ Исаія, напр., пишетъ: „какъ овца, веденъ онъ былъ на закланіе и какъ агнецъ, предъ стригущимъ его безгласенъ“ (ЛШ, 7) Здѣсь смыслъ иносказательный; это пророчество словомъ. Авраамъ, вмѣсто Исаака, дѣйствительно принесъ въ жертву овца, запутавшагося рогами. Такъ какъ чреазъ это дѣйствіе предуказана жертва искупительная, то здѣсь—смыслъ типической, здѣсь пророчество—дѣломъ⁴⁾. При типическомъ истолкованіи въ подлинномъ значеніи

¹⁾ Поэтому-то Златоустъ обыкновенно предпосыпаетъ смыслу типическому-истолкованіе историко-грамматическое; срав. In Sen VI, 3 (M. ЛШ, 662).

²⁾ См. (M. LI, 368).

³⁾ De poenit. VI, 4 (M. XLIX 320)

⁴⁾ Ibidem.

(τὸ κείμενον) принимаются какъ слова св. текста, такъ и образъ, ими выраженный (τὸ ἐξ αὐτοῦ δηλούμενον). Точкою отправленія служить именно исторія. Св. Писаліе, напр., говоритъ: какъ Моисей вознесъ змія" (Іоан. III, 14) и пр. Это, дѣйствительно, необходимо принимать какъ исторической фактъ. Но въ то же время здѣсь разумѣется прообразъ Христа¹⁾.

Само собою понятно, что различіе, указываемое Златоустомъ между типомъ и аллегоріей, господствовало и было общепринято въ его вѣкъ. Въ Новомъ Завѣтѣ замѣчается нѣчто другое: вслѣдствіе общаго признака, а именно: изобразительности, оба понятія иногда весьма тѣсно между собою сближаются. Ап. Павелъ, напр., въ рожденіи двухъ сыновей у Авраама одного-отъ рабы, другого-отъ свободной видѣть предызображеніе двухъ завѣтовъ (ср. Гал. IV, 24-27; Быт. XVI, 15; XXI, 3). Здѣсь, по мнѣнію Златоуста, апостолъ, противъ обыкновенія, назвалъ образъ иносказаніемъ. Очевидно, св. апостолъ хочетъ здѣсь сказать, что исторія описываетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго взгляда, но выражаетъ также нѣчто другое²⁾.

Существенной чертой типа, по учению Златоуста, служить *сходство его съ антитипомъ*, параллельное,figуральное и символическое отношеніе къ предызображаемому лицу или событию. Если нѣть такого сходства, то и типъ отсутствуетъ. По этой причинѣ даже притчу Златоустъ называетъ типомъ и образомъ³⁾. Типъ не есть полная истина по только части истины; не исполненіе, а темное изображеніе, тѣнь истины⁴⁾.

Златоустъ наглядно объясняетъ, въ чёмъ состоитъ *различие между прообразомъ и истиной*. Въ первоначальной картинѣ, на которой еще темными чертами нарисованы царское изображеніе, царскій престолъ, копьеносцы, враги связанные и поверженные, мы еще не можемъ различить въ тѣняхъ, какой именно царь нарисованъ. Это до тѣхъ поръ, пока настоящія краски, наложенные на картину, не изобразятъ лица царя, не сдѣлаютъ его яснѣйшимъ. Отъ картины первоначальной эскизной, прежде наложенія настоящихъ

1) In psalm IX, 4 (LV, 127).

2) In Gal. IV, 4 (M. LXI, 662).

3) In psalm XLVIII, 2 (M. LV, 25); ср. Евр. XI, 17.

4) In Gen. LXI, 3 (M. LIV, 529).

красокъ, не возможно требовать всего. Так же точно не можетъ быть точного и полнаго представлениі истины въ прообразѣ ея. Однако, образъ не долженъ быть совершенно чуждъ истины. Иначе онъ не былъ бы образомъ. Онъ не долженъ также и быть равенъ истинѣ: иначе онъ будетъ самою истиной. Образъ имѣтъ свои, болѣе или менѣе определенные предѣлы. Онъ долженъ имѣть въ себѣ одно, а другое—оставить истинѣ. Такъ переходъ чрезъ Чермное море, напримѣръ, есть типъ крещенія. Между этимъ типомъ Ветхаго Завѣта и таинствомъ Нового Завѣта—слѣдующія параллели: водная стихія тамъ и здѣсь, море и купель, избавленіе отъ Египта и освобожденіе отъ идолослуженія, потопленіе фараона и египтянъ—отверженіе діавола и по-гребеніе ветхаго человѣка. Но образъ—не равенъ истинѣ: въ лицѣ Моисея евреи имѣли только предводителя и во имя его не крестились. Христіане же крестятся во имя Христа, получая чрезъ это крещеніе безчисленныя духовныя блага. Изъ этого примѣра достаточно ясно открывается великое превосходство истины предъ прообразомъ ея¹⁾.

При такомъ отношеніи истины къ типу, совершенно понятно, что послѣдній бываетъ выраженъ въ Св. Писаніи *неясно, темно, загадочно*. Поэтому, тѣпъ обладаетъ свойствами сокровенности, таинственности, духовности, возвышенности. Соединеніе типа съ пророчествомъ есть дѣло особаго Прорицанія божественнаго²⁾. Такъ какъ типическія лица и события съ самаго начала были именно предызображеніями съ пророческимъ содержаніемъ, то и примѣненіе ихъ, какъ доказательствъ, не могло быть аккоммодацией къ сходнымъ обстоятельствамъ³⁾.

Наиболѣе широкое примѣненіе имѣтъ типъ въ *св. письменности Ветхаго Завѣта*. Въ этомъ отношеніи ветхозавѣтная Библія справедливо можетъ быть названа книгой символовъ, типовъ „*кэт' ёху*“. Златоустъ указываетъ множество типовъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Наиболѣе употребительны у него слѣдующіе: Ной какъ типъ Христа; голубь—образъ Духа Святаго; оливковая вѣтвь—благости Божіи; Лія и Рахиль—типы еврейской синагоги и Церкви

¹⁾ In illud: 1 Cor. X, 1; n. 4 (M. LI, 247. 248).

²⁾ De obscur. proph. I, 7 (M. LVI, 174).

³⁾ См. in Gen. LXI, 3 (M. LXI, 529).

Христовой: Иосифъ—типъ Христа; купина, горѣвшая и несгоравшая—прообразъ тѣла Христова, бывшаго мертвымъ, но недержанного смертью (Исх. III); Раавь—блудница и Руфь—моавитянка—типы Церкви, возвышенной любовію Христа; манна—прообразъ божественной трапезы и пріобищенія таний; алтарь съ горящими углами въ пророческой книгѣ Исаии—образъ и подобіе новозавѣтнаго алтаря¹⁾ и др.

Златоустъ, кромѣ того, находитъ немало въ собственномъ смыслѣ типовъ въ *Новомъ Завѣтѣ*. Такъ бѣгство Святого Семейства изъ Палестины (Мате. II, 13—15) прообразовало отверженіе іудеевъ; принятіе же его въ Египтѣ—призваніе язычниковъ²⁾. Входъ Господа въ іерусалимъ былъ исполненіемъ пророчества Захарія (IX, 9); по вмѣстѣ съ тѣмъ—типомъ для будущихъ событий царства Божія (Мате. XXI, 1—5)³⁾. Ликованія младенцевъ и отроковъ (XXI, 15—16) предвозвѣщали судьбу язычниковъ, ранѣе безмолвствовавшихъ, а потомъ вдругъ съ вѣрою начавшихъ вѣщать великія истины Откровенія⁴⁾. Раздрание завѣсы храма іерусалимскаго (Мате. XXVIII, 51) предуказало его будущее запустѣніе⁵⁾. Когда ап. Павелъ говорить о тайнѣ беззаконія, уже находящейся въ дѣйствіи⁶⁾ (2 Тесс. II, 7), то этимъ представляеть типъ антихриста, въ лицѣ Нерона⁶⁾.

Высшимъ родомъ: „*θεωρία*“ является смыслъ *анагогіческій*. Анагогія (*ἀναγωγή*) состоять въ томъ, что св. Писатель, руководясь божественными внушеніями, дѣлаетъ таинственные указанія на развитіе домостроительства спасенія людей во времени и вѣчности⁷⁾. Когда смыслъ св. Писания опредѣляется „*κατ’ ἀναγωγήν*“, то истолкователю приходится воз-

¹⁾ De poenit. VIII, 2 (M. XLIX, 339); synop. lib. Genes. (M. LVI, 322); in Gen. LXI, 3 (M. LIV, 528); in 1 Cor. XXXVIII, 3 (M. LXI, 325); de poen. VII, 5 (M. XLIX, 330, 331); in Matth. III 4 (M. LVII, 36); in ep. 1 ad Cor. XXXVIII, 3 (M. LXI, 325); in illud: 1 Cor. X, 1 (M. LI, 248—249); ср. non esse desperandum: n. 4 (L, 968); hom. in seraph. 3 (M. LVI, 138, 139 и др.).

²⁾ In Matth. VI, 2 (M. LVII, 85, 87, 89).

³⁾ In Matth. LXVI, 2 (M. LVI, 627—629).

⁴⁾ In Matth. LXVII, 1 (M. LVIII, 633),

⁵⁾ In Matth. LXXXVIII, 2 (LVIII, 777).

⁶⁾ In ep. 2 ad Thessal. II, 7; h. 4 (M. LXII, 485).

⁷⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171); ср. in psalm. XLVI, 1. (M. LV, 209).

вышаться надъ простымъ историко-грамматическимъ смысломъ и доходить до пониманія духовнаго ¹⁾). Исходя изъ того, что смыслъ переносный не вытѣсняетъ смысла историко-грамматического ²⁾), но или содержится съ ними рядомъ или возвышается надъ нимъ ³⁾), такъ что и самое истолкованіе бываетъ двоякимъ ⁴⁾), Златоустъ утверждаетъ, что по существу дѣла аналогія можетъ имѣть и имѣть совпаденіе съ типомъ. Поэтому, одно и то же истолкованіе Златоустъ называетъ иногда типическимъ, иногда аналогическимъ ⁵⁾.

Происхожденіе аналогического смысла Златоустъ связываетъ съ самимъ вдохновеніемъ св. писателя. Такъ псаломнѣцу было свойственно предсказывать будущее, говорить неясно, въ смыслѣ аналогическомъ именно какъ пророку ⁶⁾. Смыслъ аналогической происходилъ непосредственно изъ божественной благодати, изъ наитія Духа Святаго на св. писателей ⁷⁾. Впрочемъ, отысканіе и опредѣленіе смысла аналогического должны быть производимы съ большою осторожностью, чѣмъ слабѣе въ томъ или другомъ случаѣ основанія для оправданія этого смысла. Въ томъ случаѣ, когда аналогической смыслъ представляется произвольнымъ, Златоустъ обыкновенно отвергаетъ его ⁸⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In psalm, XLVI, 1 (M. LV, 209).

²⁾ In psalm. CXLVII, 3 (M. LV, 483).

³⁾ In psalm IX, 4 (M. LV, 126, 127).

⁴⁾ In psalm. XLIV, 7 (M. LV, 194).

⁵⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171).

⁶⁾ In psalm. CXLVIII, 4 (M. LV, 484).

⁷⁾ In psalm. XLIII, 3 (M. LV, 171).

⁸⁾ In psalm. CXLIX, 2 (M. LV, 494).

УЧЕНИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНО- ВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Окончаніе *) .

XIII.

Ученіе о боговдохновенности Біблії, въ изложениі Іоанна Златоуста, было бы неполнымъ, если не присоединить къ нему, въ качествѣ необходимой составной части, замѣтъльныхъ опытовъ его по изслѣдованію и примиренію разногласій, открывающихъ читателямъ при поверхностномъ чтеніи св. Писанія.

Особое вниманіе посвящаетъ Златоустъ изслѣдованію разногласій, открывающихъ въ четырехъ евангеліяхъ. Вопросъ о томъ, не переходятъ ли различія между евангелистами въ противорѣчія, исключающія другъ друга, имѣлъ въ глазахъ св. отца Церкви особую важность, потому что евангеліе, по ученію его, всегда должно быть въ рукахъ христіанъ, всегда должно быть предметомъ благоговѣйнаго ихъ почитанія¹⁾. Главпѣйшими источниками для изложенія „гармонистики“ Златоуста служать двѣ гомиліи его: *первая — на евангеліе отъ Матвея и гомилія о разглабленномъ, спущенномъ чрезъ кровлю²⁾.*

По поводу взглядовъ, изложенныхъ въ первой гомиліи Іоанна Златоуста на евангеліе отъ Матвея, Фёрстеръ держится такого мнѣнія: хотя Златоустъ говоритъ только „о разногласіи кажущемся“ (δοκοῦσι διαφωνίᾳ), но изъ контекста ясно, что „кажущимся“ онъ называетъ собственно существ-

^{*}) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 11 за 1911 годъ.

¹⁾ In Ioann. III, 3 (M. LIX, 296).

²⁾ In Matth. I; n. 2. 3. 4 (M. LVII, 16—18); in paralyt. n. 3. 4 (M. LI, 53. 54).

вование между евангелистами неразрешимыхъ противорѣчій; относительно же мѣстъ малой важности онъ вовсе не отвергаетъ возможности противорѣчій¹⁾. Другіе богословы, напр. известный патрологъ Алзогъ²⁾, воздерживаются отъ вполнять опредѣленныхъ заключеній по этому вопросу, такъ какъ „гармонистика“ Златоуста будто бы не производить впечатлѣнія безспорного разрѣшенія поставленной проблемы. Правильное пониманіе точки зренія Златоуста, безъ сомнѣнія, возможно только при объективномъ изложеніи его гармонистики.

Евангелисты часто обличаются въ разногласіяхъ. Но это и есть величайшее доказательство истины³⁾. Такова— главная мысль всей гармонистики Златоуста.

Прежде всего, конечно, необходимо выяснить, каковъ— смыслъ и каково—употребленіе слова διαφωνία (разногласіе) у Златоуста. Выраженіе „говорить различно“ у Златоуста не обозначаетъ рѣшительную противорѣчность, а только разнообразіе въ передаваемомъ разсказѣ. Когда, напр., два евангелиста говорять объ одномъ и томъ же чудѣ Христа различно въ подробностяхъ, но, однако, такъ, что рассказы ихъ другъ другу не противорѣчатъ, а только взаимно дополняютъ, то происходитъ „διαφωνία“⁴⁾. Выраженія: „ἐναντίως εἰπεῖν, μαχομένοις εἰπεῖν, κατ ἀλλήλων στῆραι“ и пр., напротивъ, употребляются св. отцомъ Церкви о дѣйствительныхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ⁵⁾. Терминъ же διαφωνεῖν (=разногласить) имѣеть у Златоуста значеніе среднее между „ἐναντίως εἰπεῖν“ и „διαφόρως εἰπεῖν“ („сказать противорѣчivo“ и „сказано различно“). Одинъ разъ Златоустъ совершенно опредѣленно называетъ „διαφωνία = разногласіе именно наличность разнообразія въ разсказахъ въ противоположность противорѣчію. „Многіе, говоритъ онъ, написавъ много книгъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, не только разногласили, но

¹⁾ См. его „Chrysostomus in seinem Verhaltniss zur antiochen. Schule“. Gotha. 1869. Seit 41.

²⁾ I. Alzog. Crundrisz der Patrologie oder der alt. christl. Litaturgeschichte. Freiburg. 1888. Auflage 4. Seit: 315.

³⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16).

⁴⁾ In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

⁵⁾ IbIdem.

и противорѣчили другъ другу. Инос вѣдь дѣло сказать различно, другое—сказать противорѣчivo¹⁾.

Разногласія евангелистовъ (διαφωνοῦντες ἐλέγχουσαι), далѣе, понимались Златоустомъ именно въ смыслѣ простыхъ между ними различий. Если бы рѣчь шла о неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, то Златоустъ, безъ сомнѣнія, не могъ бы находить въ нихъ „величайшаго доказательства истины“. Этого мало: въ различіи евангельскихъ разсказовъ онъ находить вѣрнѣйшій признакъ безпристрастія, правдолюбія ихъ составителей. Какъ бы уступая противникамъ евангелій, а на самомъ дѣлѣ пользуясь возраженіемъ съ ихъ искусственнымъ риторическимъ пріемомъ, Златоустъ говорить, что различіе между евангелистами—кажущееся, въ мелочахъ²⁾. Допускаемое имъ разногласіе только исключаетъ дословное совпаденіе между евангелистами³⁾. Тотъ, кто обвиняетъ евангелистовъ за разногласіе, дѣлаетъ ничто иное, какъ заставляетъ ихъ говорить одними и тѣми же словами и употреблять одинъ и тотъ же способъ выраженія⁴⁾. Даже различіе въ обозначеніи временъ и мѣсть событий не заключаетъ въ себѣ дѣйствительного противорѣчія, а только указываетъ па „различіе въ разсказѣ“⁵⁾.

Другимъ основаніемъ, на которомъ Златоустъ построяетъ свою гармонистику, служить *раздѣленіе содержанія евангелій на главное (τὰ κεφ\u0302αλ\u0302а) и менѣе важное (τὰ μικρ\u0302а)*. Въ главномъ—разногласіе безусловно исключается. Въ главномъ, которое заключаетъ въ себѣ основаніе нашей жизни и утверждаетъ проповѣдь, евангелисты не разногласятъ нигдѣ даже въ маломъ. Но во второстепенномъ разногласіе—возможно. „Если и есть у евангелистовъ какія разногласія, этимъ ясно обнаруживается сила Духа, которая убѣждаетъ людей, чтобы они, держась необходимо нужнаго, никакъ не потерпѣли вреда отъ мелочей⁶⁾.

Вышеуказанное раздѣленіе содержанія евангелій на двѣ части, конечно, отвѣчаетъ самой *природѣ дѣла*. Злато-

¹⁾ Ibidem: n. 4 (M. LVII, 18).

²⁾ Ibidem: (M. LVII, 16).

³⁾ Ibidem: n. 4 (col. 18).

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 16).

⁶⁾ Ibidem.

устъ съ настойчивою рѣшительностью утверждаетъ со согласіемъ евангелистовъ въ главномъ. Это—совершенно естественное разногласіе ихъ въ предметахъ вѣроученія и нравоученія—гораздо важнѣе, чѣмъ въ историческихъ подробностяхъ евангельскихъ разсказовъ. Однако, выраженіе Златоуста: „нисколько не потерпить вреда отъ мелочей“ отнюдь не доказываетъ, будто онъ допускалъ въ евангеліяхъ дѣйствительную возможность противорѣчій, въ отношеніи историческихъ подробностей. Если бы это было такъ, то Златоустъ въ другомъ мѣстѣ не могъ бы сказать: это различіе „нисколько не вредитъ истинѣ сказанного“¹⁾. Слѣдовательно, именно въ мелочахъ онъ предполагалъ „кажущееся разногласіе“, существенно отличая его отъ противорѣчія. Именно, касательно такого рода мелочей Златоустъ обычно совѣтуетъ своимъ слушателямъ не смущаться, не считать за ошибку, не изумляться и т. п.²⁾. Примѣромъ такого рода разногласія въ мелочахъ Златоустъ выставляетъ различіе евангелистовъ въ повѣствованіи о благовѣстіи ангела (ср. Матея I, 19—21; Лук. I, 26—38). Извѣстно, что евангелистъ Лука упоминаетъ о благовѣстіи Маріи, а св. Матея о благовѣстіи Іосифу. Различіе оказывается совершенно мнимымъ, такъ какъ было и то и другое. Разрѣщая такъ недоумѣнія читателей, Златоустъ справедливо прибавляетъ: „не нужно оставлять безъ вниманія этихъ мелочей „(οὐδὲ γὰρ ταῦτα δεῖ τὰ μικρὰ παρατρέχειν³⁾.

На основаніи вышеизложенного получается возможность выяснить, въ чёмъ заключается основная точка здѣсь Златоуста на разногласія между евангелистами, поскольку она изложена въ его первой гомиліи на Матея. Дѣйствительныхъ противорѣчій у евангелистовъ не можетъ быть не только въ отношеніи предметовъ вѣроученія и нравоученія, но также и въ отношеніи историческихъ разсказовъ. Различіе въ представлениі жизни и чудесъ Христа выводится Златоустомъ изъ особыхъ намѣреній Духа Святаго. За ранѣе прескѣкая подозрѣніе касательно вымысла, Духъ Святый допустилъ евангелистовъ сходно и согласно описать чудеса Спасителя. Духъ Святый, однако, устроилъ

¹⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 16).

²⁾ In Matth. LXX, 3. (M. LVIII, 658).

³⁾ Contr. апом. VIII, 4 (M. XLVIII, 773).

такъ, что одинъ изъ евангелистовъ опускалъ одно, другой — другое. Здѣсь и дано очевидное доказательство, что евангелія написаны ими безъ дурного умысла, безъ приготовления, не по соглашенію и не изъ угощенія кому-либо. Все въ нихъ, поэтому, выражаетъ безыскусственную истину¹⁾. Примѣромъ различнаго отношенія евангелистовъ къ пользованію материаломъ можетъ служить притча о богатомъ и Лазарѣ. Притчу эту изложилъ только евангелистъ Лука (XVI, 19—31); прочие—опустили. Изъ евангелій очевидно, что одно изъ словъ Христа изложили всѣ четыре евангелиста, другое—каждый особо. Вслѣдствіе этого, и чтеніе прочихъ евангелистовъ было необходимо и совершенство ихъ согласія стало яснымъ. Если бы всѣ евангелисты сказали о всемъ, то одинъ бы могъ научить всему, и не всѣмъ бы внимали прилежно. Напротивъ, если бы всѣ они обо всемъ говорили различно, то въ ихъ согласіи не было бы совершенства. Поэтому, о многомъ сказали всѣ вообще евангелисты, о другомъ—каждый особо²⁾.

Третьимъ доказательствомъ согласія евангелій Златоустъ считаетъ *отношеніе къ нимъ еретиковъ*. Однѣ ереси приняли все, что сказано въ евангеліяхъ. Очевидно, онѣ не сдѣлали бы этого, если бы между евангеліями были несогласіе и противорѣчіе: въ послѣднемъ случаѣ достаточно было бы ограничиться тою частью, которая была согласна³⁾. Другія ереси, напротивъ, приняли только часть евангелій, отдѣливъ ее отъ прочихъ. Однако, именно этой частью онѣ и были изобличены. Слѣдовательно, даже отдѣльныя части евангелій обнаруживаютъ сродство съ цѣлымъ тѣломъ, что доказываетъ совершенное отсутствіе въ евангеліяхъ противорѣчій⁴⁾. Такая гармонія евангелій обусловливалаась именно божественной силой все производящей и совершающей⁵⁾.

Кромѣ гомиліи на евангеліе отъ Матѳея, согласіе евангелистовъ между собою служитъ предметомъ *гомиліи о разслабленномъ*. Мысли Златоуста здѣсь изложены съ болѣшей

¹⁾ In quatriduanum Lazarum (M. L, 641).

²⁾ De Laz. I, 6 (M. XLVIII, 970).

³⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

⁴⁾ Ibidem: (col. 18).

⁵⁾ Ibidem.

ясностью и послѣдовательностью, чѣмъ въ первой гомиліи, гдѣ развитіе темы прерывается отступленіями въ сторону.

Вопросъ о согласіи евангелистовъ, по мысли Златоуста, *весьма важенъ*. Во первыхъ, отъ такого или иного разрѣпнія его зависитъ достовѣрность самыхъ евангелій, а слѣдовательно, и ученіе къ христіанской истинѣ вообще. Во вторыхъ, вопросъ этотъ имѣтъ апологетической интересъ, въ отношеніи іудеевъ, язычниковъ и многочисленныхъ еретиковъ¹⁾.

При изслѣдованіи различій въ евангельскихъ разсказахъ о разслабленномъ, весьма важно рѣшить: *одно ли лицо — разслабленный*, о которомъ говорить евангеліе отъ Матея (IX гл.), и человѣкъ, болѣвшій тридцать восемь лѣтъ, о которомъ разсказываетъ четвертое евангеліе (V гл.)? При тождествѣ того и другого присутствіе дѣйствительнаго противорѣчія несомнѣнно.

Язычники, іudeи, еретики, дѣйствительно, на основаніи этихъ и подобныхъ мѣстъ упрекали евангелистовъ въ противорѣчіяхъ и разногласіяхъ. Но Златоустъ рѣшительно отвергаетъ это, при чемъ свое отверженіе выражаетъ въ такой отрицательной формѣ, которая не допускаетъ никакого исключенія.

Въ то же время Златоустъ указываетъ и *основаніе полнаго согласія* евангелистовъ въ ихъ богодохновенности. Лица писателей—различны, а благодать, двигавшая душу каждого изъ нихъ, была одна. А гдѣ благодать Духа, любовь, радость и миръ, тамъ нѣть борьбы, противоположности, несогласія и какого-либо разногласія²⁾. Подобныя мысли развиваются Златоустъ и въ посланіи къ Титу (I, 7—9). Не только ап. Павелъ, но и апп. Петръ, Іаковъ, Іоаннъ,—весь ихъ сонмъ согласны, единодушны между собою. Какъ въ одной лирѣ струны различны, но гармонія одна, такъ и въ сонмѣ апостоловъ: различны—лица, но ученіе—одно, потому что—одинъ Художникъ, Духъ Святый, Который приводилъ въ движеніе ихъ души (ср. I Кор. XV, II)³⁾. Слѣдовательно, по ученію Златоуста, отсутствіе борьбы и противорѣчій между

¹⁾ In paralyticum per tectum demissum; п. 3 (M. LI, 53).

²⁾ Homil. in paralyt. per tectum demissum: 3 (M. LI, 53).

³⁾ Homil. in laud. Ignat. 2 (M. L, 588).

евангелистами обусловливается тѣмъ, что Первовиновникъ св. Писанія есть Богъ, Который не можетъ Самъ Себѣ противорѣчить.

Задавая вопросъ, *не различно ли рассказали* нѣкоторые изъ четырехъ евангелистовъ о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ событія, Златоустъ для разрѣшенія этого вопроса предлагаетъ объясненіе логического закона противорѣчія. Иное дѣло—сказать различно и иное—сказать противоположно. Между евангелистами, конечно, различіе существуетъ; но это различіе по существу таково, что „не производить ни разногласія, ни борьбы“. Въ данномъ случаѣ было бы, дѣйствительно, великое противорѣчіе, если бы разслабленный при купели быль однимъ и тѣмъ же лицомъ съ тѣмъ, который былъ описанъ тремя святыми евангелистами.

Двумя примѣрами Златоустъ разъясняетъ, что значитъ говорить различно и что значитъ говорить противорѣчиво. Евангелистъ Иоаннъ разсказываетъ, что Самъ Христосъ несъ крестъ (XIX, 17); три же прочіе,—что несъ Симонъ киринейскій (Матѳ. XXVII, 32; Марк. XV, 21; Лук. XXIII, 26). Такъ какъ было то и другое, то противорѣчія нѣтъ. Самъ Господь несъ, когда вышли изъ преторія; Симонъ же взялъ отъ Него крестъ и несъ, когда пошли далѣе. Такое же различіе между евангелистами замѣчается въ описаніи случая съ распятymi разбойниками. Евангелистъ Матѳей разсказываетъ, что хулили Христа оба разбойника (Матѳ. XXVII, 44), ев. Лука, напротивъ, передаетъ, что одинъ разбойникъ заграждалъ уста тому, кто поносилъ (XXIII, 39—41). Здѣсь, по предположенію Златоуста, также могло быть и, дѣйствительно, было то и другое: сначала оба разбойника поступали нечестиво: затѣмъ начались знаменія: поколебалась земля, распались камни, скрылось солнце; одинъ изъ разбойниковъ, подъ вліяніемъ знаменій, перемѣнился, сдѣлался благороднѣйшимъ и, познавъ Распятаго, исповѣдалъ Его царство¹⁾.

Исходя изъ понятій о различіи и противорѣчіи рѣчи, Златоустъ выражаетъ и опредѣленное заключеніе касательно различій въ евангеліяхъ. Нѣкоторыя изъ евангельскихъ повѣствованій, повидимому, возбуждаютъ подозрѣніе въ противорѣчіи, но, въ дѣйствительности, противорѣчія не ока-

¹⁾ In regalit. n. 3 (M. LI, 54).

зываются. По большей части, происходить какъ то, что разсказываетъ одинъ евангелистъ, такъ и то, что передаетъ другой. Но время—не одно и то же: одинъ евангелистъ сказалъ о томъ, что было прежде, другой—что было послѣ¹⁾.

Повѣствованія евангелистовъ о разслабленномъ *оправдываютъ* такое заключеніе. Если бы разслабленный четырехъ евангелій былъ одинъ и тотъ же, между евангелистами оказалось бы, несомнѣнно, большое противорѣчіе (*πολλὴ η μάχη*). Однако, всякий споръ, всякое недоразумѣніе исчезнутъ, если разслабленныхъ было двое²⁾. Многіе признаки мѣста, времени, обстоятельствъ и способа исцѣленія доказываютъ, что разслабленные евангелій Матея и Іоанна были различныя лица. Одинъ былъ исцѣленъ въ яѣкоторомъ домѣ города Капернаума; другой—при водной купели Іерусалима. Одинъ получилъ исцѣленіе въ яѣкоторый другой день, а не въ субботу, вслѣдствіе чего іудеи негодовали не по причинѣ дня исцѣленія, а по другому основанію. Другой же разслабленный сталъ здоровымъ именно въ день субботы (Іоан. V, 9), а это и привело зрителей въ негодованіе. Согласно евангелію Матея разслабленный былъ принесенъ ко Христу ближними своими (ІХ, 2), которые, по ев. Марку, даже спустили его чрезъ кровлю (Марк. II, 4). Евангеліе же Іоанна намъ разсказываетъ совершенно другое: Самъ Христосъ приходитъ къ больному, потому что онъ не имѣлъ ни одного человѣка, который бы ему помогъ (Іоан. V, 7). У Капернаумскаго разслабленного Христомъ напередъ была исцѣлена душа (ІХ, 2), и потомъ исчезло разслабленіе; у разслабленаго іерусалимскаго, наоборотъ, прежде души было избавлено отъ болѣзни тѣло (Іоан. V, 14)³⁾.

Въ твореніяхъ Златоуста встречаются, далѣе, многочисленные опыты гармоніи, сравненія и примиренія различныхъ мѣстъ св. текста. Эти опыты могутъ служить важнѣйшимъ доказательствомъ, что въ Св. Писаніи, происшедшемъ чрезъ божественное вдохновеніе, не можетъ быть нераэрѣщимыхъ противорѣчій. Особенно богатый материалъ въ этомъ отношеніи даетъ комментарій Златоуста на первое евангелие. Но

¹⁾ In paralyt. n. 4 (M. LI. 54).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Homil. in paralyt. per tectum demissum; n. 4 (M. LI. 54).

разрозненные замѣчанія встрѣчаются и въ другихъ его твореніяхъ.

Обычно опыты согласованія отдѣльныхъ мѣстъ св. текста у Златоуста принято подраздѣлять на два класса: одни примираютъ менѣе важныя историческія различія, другіе—касаются предметовъ вѣры и нравственной жизни.

Первый классъ обнимаетъ собою многія событія евангельской исторіи. Такъ разсказы евв. Матея и Луки (I, 19—21 и Лук. I, 26—38) о благовѣстіи ангела Пресвятой Дѣви и Іосифу объясняются Златоустомъ именно въ смыслѣ „разногласій какущихся“ (*διαφωνας δοκούσαι*)¹). Таковъ же методъ согласованія евангельскихъ повѣствованій о возвращеніи св. семейства въ г. Назаретъ (Мате. II, 22 и Лук. II, 39). По словамъ св. Матея, Іосифъ пошелъ въ Назаретъ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе отъ ангела: ев. Лука, напротивъ, представляетъ дѣло такъ, что Іосифъ и св. Дѣва сдѣлали это сами собою, когда исполнили въ Йерусалимѣ все, что требовалось закономъ объ очищеніи. Златоустъ рѣшительно утверждаетъ, что евангелисты говорятъ о двухъ событіяхъ, о двухъ возвращеніяхъ св. семейства на родину. Одно совершилось до бѣгства въ Египетъ, другое—послѣ бѣгства²).

Евв. Матея и Лука, далѣе, различаются одинъ отъ другого въ повѣствованіи о чудесномъ исцѣленіи слуги сотника. По ев. Матею, самъ сотникъ лично просить Господа объ исцѣленіи слуги (VIII, 5—9). Въ евангеліи же св. Луки разсказывается, что просьба была передана чрезъ іудейскихъ старѣйшинъ и друзей (VII, 3—4; 6—8). Разногласіе и здѣсь только вѣнчшее, по видимости (*ά δοκεῖ διαφωναν ἐμφαίνει*). Въ самомъ дѣлѣ, оба евангелиста совершенно сходятся въ характеристикахъ сотника, какъ человѣка съ добрымъ расположениемъ духа, имѣвшаго достойное мнѣніе о Христѣ. Весьма вѣроятно, что самъ сотникъ лично приходилъ ко Христу, послѣ того какъ послалъ друзей. Евангелисты же не разногласили между собою, но восполняли другъ друга³).

Таково же по существу объясненіе различія евангелій въ повѣствованіи объ исцѣленіи тещи ап. Петра. Евангелистъ Маркъ совершенно точно обозначаетъ моментъ чуда: „го-

¹⁾ Homil. in Matth. IV, 5 (M. LVII, 45).

²⁾ In Matth. IX, 4 (M. LVII, 180).

³⁾ In Matth. XXVI, 2 (M. LVII, 336).

рячка тотчасъ оставила ее (I 31). Первый же евангелистъ объ этомъ совершенно умалчиваетъ (VIII, 14, 15). Не говорить опь даже о томъ, что о больной просили Христа, какъ передаютъ второй и третій евангелистъ (Марк. I, 30; Лук. IV, 38). Разногласія и здѣсь никакого яѣтъ. Одно происходитъ отъ краткости повѣствованія, другое, напротивъ, отъ полноты ¹⁾). Отсюда слѣдуетъ естественный выводъ: опущеніе евангелистами подробностей событія, напр. въ порядкѣ времени, (Лук. VIII, 22; Матѳ. VII, 23; Марк. IV, 35) отнюдь не свидѣтельствуетъ о существованіи между ними разногласія ²⁾).

Иногда различіе между евангелистами сводится просто къ различію въ образѣ повѣствованія. Евангелистъ Лука, напр., разсказываетъ объ одномъ бѣсповатомъ въ странѣ гадаринской (VIII, 27, ср. Марк. V, 2). Между тѣмъ въ первомъ евангеліи упоминается два (VIII, 28). Съ точки зрењія строго логического закона, противорѣчіе было бы тогда, если бы ев. Лука, сказавъ объ одномъ бѣсноватомъ, присоединилъ, что другого не было. Между тѣмъ евангелистъ упомянулъ только о самомъ лютѣшемъ изъ бѣсноватыхъ, который въ яности расторгаль узы и оковы, блуждая по пустынѣ ³⁾).

Другія различія устраниются путемъ правильнаго истолкованія ихъ. Между первымъ и третьимъ евангелистомъ, напр., различіе во времени, когда совершилось событіе Пребображенія Господня. Одинъ говоритъ: „по прошествіи дней шести“ (Матѳ. XVII, 1); другой: „дней чрезъ восемь“ (Марк. IX, 28). Но Златоустъ решительно отвергаетъ всякую возможность въ данномъ случаѣ противорѣчія. Напротивъ, здѣсь — совершенное согласіе. Евангелистъ Лука разумѣлъ и тотъ день, когда Господь говорилъ Своимъ ученикамъ о крестныхъ страданіяхъ (ср. Лук. IX, 22—27) и тотъ, когда возвель учениковъ Своихъ на гору (IX, 28). Евангелистъ же Маркъ считаетъ только шесть дней, прошедшіе въ промежуткѣ ⁴⁾.

Первый и второй евангелисты, далѣе, допускаютъ различіу въ сообщеніи о законнике. По разсказу первого, вопросъ

¹⁾ Ibidem. XXVII, 1 (M. VLI, 344).

²⁾ In Matth. XXVIII, 1 (M. LVII, 350).

³⁾ Ibidem: XXVIII, 2 (M. LVII, 352—353).

⁴⁾ In Matth. LVI, 1 (M. LVIII, 549).

о заповѣди быть заданъ законникомъ, какъ бы для искушения Господа (Мате. XXII, 35); по словамъ же второго евангелиста, все поведеніе, да и самый разумный отвѣтъ законника справедливо заслужили похвалу Господа (Марк. XII, 3). Здѣсь также легко предположить совершенное согласіе между св. писателями. Первоначально, вопросъ законника имѣлъ, вѣроятно, характеръ искушеннія. Но затѣмъ отвѣтомъ своимъ, что ближняго онъ любитъ больше всесожженій, законникъ вполнѣ заслужилъ отъ Господа похвалу¹).

Къ мелочнымъ различіямъ (Ѣ *τικρά*) Златоустъ относигь различія въ параллельныхъ евангельскихъ повѣствованіяхъ *объ изгнаніи торжниковъ изъ храма*. Слова Христа къ торжникамъ передаются первымъ и четвертымъ евангелистомъ неодинаково. Въ первомъ евангеліи Христосъ говорить: „вы сдѣлали домъ Мой вертепомъ разбойниковъ“ (Мате. XXI, 13; ср. Иса. LVI, 7; Іер. VII, 11); въ четвертомъ же: „не дѣлайте домомъ торговли“ (ІІ, 16). Происхожденіе различія дѣлается совершенно понятнымъ, если припомнить, что Христосъ изгопялъ торжниковъ два раза: въ началѣ проповѣди и предъ крестными страданіями, при чемъ въ послѣдній разъ могъ употребить и болѣе сильныя выраженія, чѣмъ въ первый²).

Въ такомъ родѣ, путемъ искуснаго и нерѣдко глубокаго экзегесиса, св. Златоустъ объясняетъ различія въ евангельскихъ разсказахъ *объ отречениіи ап. Петра, о просьбѣ матери сыновъ заведеевыхъ*, о предсмертной жаждѣ Господа на крестѣ (Мате. XXVII, 34. 69—75 и Марк. XIV, 66—71; Мате. XX, 21 и Марк. X, 38; Мате. XXVII, 34 и Иоанн. XIX, 30) и др.³.

По учению Златоуста, богоодѣйственность совершенно исключаетъ возможность какихъ-либо противорѣчій писателей самихъ съ собою и другъ съ другомъ.

Для доказательства первого можетъ служить разсказъ ев. Луки *о видѣніи ап. Павлу близъ Дамаска*. Въ одномъ случаѣ передается, что сопровождавшіе ап. Павла слышали голосъ (Дѣян. XXII, 9); въ другомъ,—что не слышали (XXII,

¹⁾ Ibidem: LXXI, 1 (M. LVIII, 662).

²⁾ In Ioann. XXIII, 2 (M. LIX, 140).

³⁾ In Matth. LXXXV, 2 (LVIII, 759); Contr. Anom. VIII. 4 (XLVIII, 773; in Matth. LXXXVII, 1 (M. LVIII, 770).

9). Противорѣчія нѣть: было два голоса—ап. Павла и Самого Господа; не было слышно именно второго ¹⁾). Также нѣть самопротиворѣчія въ словахъ ап. Павла о цутешествіи въ Македонію во второмъ посланіи къ Коринеянамъ и въ первомъ. Мнимое самопротиворѣчіе св. апостола устраниется несомнѣннымъ желаніемъ его прийти къ Коринеянамъ ²⁾).

Въ качествѣ примѣра того, какимъ образомъ Златоустъ устранилъ мнимыя противорѣчія писателей другъ другу, можно указать на два мѣста изъ ветхозавѣтной Библіи. Въ книжѣ Іова находится слѣдующая фраза: „ὁ κρεμάσας τὴν γῆν ἐπὶ οὐδενὸς“ (XXVI, 7). Напротивъ, псалмопѣвецъ поетъ: „ἐν τῇ γῇ οὐ Αὐτὸν τὰ πέρατα и „επὶ θαλασσῶν ἐθεψελίωσεν αὐτὴν τῆς γῆς“ (XCIV, 4; XXIII, 2).

По своему обыкновенію и касательно этихъ мѣстъ Златоустъ высказывается часто повторяемое свое мнѣніе: *противорѣчіе между писателями —кажущееся, а на самомъ дѣлѣ — большее согласіе* (δοκεῖ μὲν ἐναντία ταῦτα ἔνυκται, πολλὴν δὲ ἔχει τὴν συμφωνίαν). Въ самомъ дѣлѣ, выраженія богодохновенныхъ писателей „стоять на водахъ“ и „висѣть ни на чемъ“ тождественны по смыслу. Изреченіе же: „въ Его руки глубины земли“ заключаетъ въ себѣ только мысль о силѣ Божіей, промышляющей обо всемъ, поддерживающей и носящей тѣло земли ³⁾).

Изъ вышеизложенного явствуетъ, что для Златоуста всѣ предполагаемыя противорѣчія въ Библіи суть, „разногласія мнимыя“ (δοκοῦσαι διαφωνᾶσι). Различія писателей въ историческихъ подробностяхъ произошли совершенно естественно изъ отношенія обычно къ двумъ разнымъ событиямъ (ἀφότερα γέγονεν). Краткость или полнота повѣствованія, субъективное различіе въ способѣ рассказа также въ весьма значительной мѣрѣ влияли на происхожденіе различій. Такъ или иначе, т. е. могутъ ли быть признаны экзегетической наукой опыты „гармонистики“, предложенные Златоустомъ, объективно неоспоримыми или не могутъ, искренность его соб-

¹⁾ In Act. XLVII, 2 (M. LX, 328).

²⁾ In epist. 2 ad Corinth. III, 2 (M. LXI, 408): намѣревался къ вамъ прийти.. и чрезъ васъ пройти въ Македонію (2 Кор. I, 15–16) и въ другомъ мѣстѣ: „я приду къ вамъ, когда пройду Македонію, ибо я иду чрезъ Македонію“ (1 Кор. XVI, 5).

³⁾ De stat. ad popul. Antioch. IX, 4 (M. XLIX. 108).

ственной глубокой вѣры въ невозможность дѣйствительныхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій между богоуздновенными составителями св. книгъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Второй классъ различій между св. писателями касается собственно религіозной или догматической области. Предварительно изложепія взглядовъ Златоуста и на этотъ классъ различій, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что онъ съ одинаковой энергией отвергаетъ предположеніе о неразрѣшимыхъ различіяхъ въ св. текстѣ, идетъ ли рѣчь объ историческомъ повѣствованіи или же о религіозно-догматическомъ ученіи. Въ этомъ случаѣ все внимание антіохійского богослова устремлено вовсе не на то, чтобы опредѣлить, къ какому классу — къ исторіи или къ догмату — необходимо отнести то или другое мѣсто Библіи, а именно на то, находится ли это мѣсто въ противорѣчіи съ другими или не находится. Безусловная невозможность противорѣчій въ словѣ Божіемъ, независимо отъ характера его содержанія, — вотъ главный предметъ доказательствъ Златоуста.

По отношенію къ Лицу Христа, повидимому, обнаруживается разногласіе между тѣми частями св. Библіи, особенно евангелій, гдѣ говорится о Его Божествѣ, и тѣми, которые изображаютъ Его человѣческое самоуничиженіе. Такъ, съ одной стороны, евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что Сынь, подобно Отцу, оживляетъ, кого хочетъ (V, 21): съ другой, что Онъ молился Отцу, когда было нужно это совершилъ (XI, 41—42). Повидимому, обнаруживается „*μάχη καὶ πόλεμος*“. Но они исчезнутъ, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи причинъ такого рода изреченій о Христѣ. Какъ современниковъ, такъ и потомковъ Христосъ хотѣлъ удостовѣрить въ томъ, что Онъ — не тѣнь, не призракъ, а дѣйствительная Истина и Жизнь. Кромѣ этого, и сами слушатели, вслѣдствіе немощи, пе въ состояніи были усвоить возвышенаго догматического ученія. Когда Христосъ говорилъ, что-либо высшее человѣческой природы, то слушатели Его смущались и соблазнялись. Когда же, напротивъ говорилъ что-либо уничиженное и человѣкообразное, то приѣзгали къ Нему и принимали Его ученіе. Было бы несогласно съ человѣколюбиемъ Божіимъ постоянно употреблять высшія вы-

раженія и чреаъ это отвратить всѣхъ отъ ученія¹⁾). Слѣдовательно, двойственность выраженій о Христѣ, употребляемыхъ евангелистами, имѣеть ту же причину, какъ и двойственность дѣйствій Самого Господа. Господь былъ облеченъ истинною плотію, но иногда оставляя Свою плоть одиночкою, безъ собственного Божескаго содѣйствія, чтобы показать ея немощь, внушить увѣренность въ ея человѣческой природѣ. Въ другихъ же случаяхъ, напротивъ, Господь какъ бы прикрывалъ плоть Своимъ Божествомъ, чтобы показать, что Онъ не былъ простымъ человѣкомъ. Если бы Господь постоянно показывалъ дѣйствія только человѣческія, могли бы подумать, что Онъ былъ простой человѣкъ. Равно какъ, если бы Онъ постоянно совершалъ свойственное Божеству, то не повѣрили бы ученію о домостроительствѣ. Разнообразя и перемѣшивая слова и дѣла, Христосъ предупреждалъ чрезъ это безуміе Павла Самосатскаго, Маркіона, Манихея и др.²⁾. Не только несобразности, но и противорѣчія окажутся въ словахъ св. писаній, если мы будемъ слушать ихъ просто, поверхностно и невнимательно³⁾.

Въ такомъ же духѣ разъясняются различія между св. писателями въ комментаріяхъ Златоуста въ случаяхъ, соприкасающихся съ областью нравоученія. Христосъ, напр., заповѣдуетъ Своимъ ученикамъ не говорить ничего лишняго въ молитвѣ (Мате. VI, 7). Апостолъ же Павелъ призываетъ христиацъ къ молитвѣ непрестанной (Рим. XII, 12; 1 Сол. V, 18). Сообщеніе евангелиста Матея и призыва ап. Павла совершенно согласуются въ томъ, что Христосъ и апостоль Его заповѣдуютъ творить молитвы краткія, но частыя⁴⁾. Поневидимому, находятся между собою въ большомъ противорѣчіи сообщенія евангелистовъ о словахъ Господа къ Мареѣ касательно многопопечительности (ср. Лук. X, 14; Мате. VI, 34) и постоянныхъ увѣщанія ап. Павла христиацъ къ дѣятельной жизни (1 Фесс. IV, 10; Еф. IV, 28; Дѣян. XX, 34; 1 Кор. IX, 18 и др.). Какъ въ другихъ, такъ и въ этомъ случаѣ Златоустъ ставить цѣллю показать, что въ словѣ Божіемъ противорѣчія нѣтъ. Попеченіе и трудъ—не одпо и то же.

¹⁾ Contr. anom. VII, 3 (M. XLVIII, 759).

²⁾ Contr. anom. VII, 6 (M. XLVIII, 766).

³⁾ Ibidem: VIII, 1 (XLVIII, 769).

⁴⁾ De Anno sermo II, 2 (M. LIV, 646).

Не пещись не значить не трудиться, но значить не привязываться къ житейскимъ вещамъ, не заботиться о покоѣ завтра, но считать такую заботу дѣломъ лишнимъ. Можно трудиться и не собирать ничего назавтра, можно трудиться и ни о чёмъ не заботиться. Св. апостолъ заповѣдаетъ даже не просто заниматься дѣломъ, но такимъ трудомъ, чтобы была возможность и подать другому что-либо (1 Фесс. IV, 10; Еф. IV, 28). Иной, дѣйствительно, трудится, чтобы подать нуждающемуся. Так же и слова Христа относятся собственно не къ труду и занятію дѣломъ, а къ тому, что надобно знать время для труда; Господь хочетъ сказать Марѳѣ, что времени, опредѣленного для слушанія, не должно употреблять на дѣла плотскія¹⁾.

Въ одномъ мѣстѣ комментарія на псалмы Златоустъ, по своему обыкновенію, остроумно, наглядно и глубокомысленно объясняетъ, почему и какъ именно „мнимыя противорѣчія“ между св. писателями, особенно евангелистами, *разрѣшаются полнымъ согласіемъ*. Въ то время, какъ евангелисты Матеѣй, Лука и Маркъ свои писанія начинаютъ съ воплощенія (ср. напр. Мат. I, 1), евангелистъ Іоаннъ начинаетъ прямо съ Божества Христа (I, 1—14). Повидимому, какое можетъ быть согласіе въ противоположномъ? Однако, жизнь, природа и исторія разрѣшаютъ недоразумѣніе. Въ медицинѣ иногда случается врачу употреблять противоположныя дѣйствія. Однако, онъ дѣйствуетъ вполнѣ согласно съ самимъ собою, потому что имѣеть въ виду только одно: здоровье больного. Въ природѣ лѣто—противоположно зимѣ; но цѣль того и другого времени года одна и та же, а именно: созреваніе, возрастаніе плодовъ. Весь миръ, далѣе, состоить изъ противоположностей, несмотря на то, что великая стройность, существующая благу людей, видна въ немъ. Наконецъ, пріемѣръ противоположности даетъ намъ и евангельская исторія. Христосъ шелъ путемъ противоположнымъ, нежели Креститель (Лук. VII, 33—34). Но оба, хотя и противоположными дѣйствіями, достигали собственно одной цѣли: спасенія людей. То же необходимо сказать о порядкѣ повѣствованія евангелистовъ, о божествѣ и воплощеніи Господа. Евангелистъ Іоаннъ вполнѣ согласенъ съ прочими, хотя идетъ

¹⁾ In Ioann. XLIV, 1 (M. LIX, 249).

путемъ другимъ, въ сравнениі съ ними. Таковъ именно законъ постепенного развитія Божественнаго Откровенія. Сообщая догматы, предписания и заповѣди, Богъ постепенно возводилъ родъ человѣческій отъ чувственныхъ образовъ къ духовнымъ понятіямъ. Когда слово евангельское еще не было посвящено, то внушилось учение о воплощеніи, начиная съ болѣе чувственного и вещественнаго. Когда же это учение вполнѣ утвердилось, стало благовременно восходить и выше ¹⁾). Слѣдовательно, противоположность евангелистовъ состояла не въ дѣйствительномъ между ними противорѣчіи въ исторіи или въ догмѣ, а только въ различномъ методѣ описанія богочеловѣчества Христа-Спасителя.

XIV

Соединяя въ одно цѣлое мнѣнія и сужденія Златоуста по отдѣльнымъ вопросамъ, составляющимъ содержаніе догмата о богодохновенности, можно изложить все учение его въ нижеслѣдующихъ тезисахъ:

1. Св. Библія есть Писание божественное, богодохновенное, божественная философія, слово и законъ Св. Духа.
2. Въ Библіи изложены для людей божественные мысли, слова, изреченія, опредѣленія, глаголы высочайшаго Царя.
3. Важнѣйшимъ доказательствомъ богодохновенности Библіи служить ея дивное возрождающее и освящающее дѣйствіе на души людей. Источникъ такого дѣйствія именно въ силѣ и благодати Духа. Въ этомъ смыслѣ въ св. Библіи предложена духовная лѣчебница для людей, врачающая ихъ духовныя раны посредствомъ небесныхъ глаголовъ.
4. Что души св. писателей были исполнены Духа Святаго и божественной благодати, это доказывается необыкновеннымъ успѣхомъ, быстрымъ распространеніемъ въ мірѣ св. книгъ, въ связи съ возвышенностью изложенныхъ въ нихъ догматовъ вѣры и превосходствомъ правилъ жизни.
5. Божественный авторитетъ Библіи подтверждается также непреоборимой силою Божіихъ опредѣленій, могущественнымъ дѣйствиемъ словъ Божіихъ, выразившихся въ точномъ исполненіи богодохновенныхъ пророчествъ какъ въ періоды Ветхаго и Нового Завѣта, такъ и въ исторіи св. Церкви Христовой.

¹⁾ In psalm. XLIV^v, 8 (M. LV, 195).

6. Такъ какъ все божественное Писаніе изречено Духомъ Святымъ, то въ немъ ничто не сказано безъ цѣли; цѣль же обоихъ завѣтovъ одна: исправленіе людей.

7. Внушая людямъ въ немногихъ словахъ божественное любомудріе, св. Біблія, благодаря обитающей въ ней благодати св. Духа, превосходитъ всѣ произведенія мірской литературы, поэзіи, философіи, науки ясностью, удобопонятностью, пестинностью и идеальпою высотою ученія.

8. Одинъ Богъ, одинъ и тотъ же Духъ Святый говорить въ св. писаніяхъ обоихъ завѣтovъ, такъ что между ними господствуетъ полное согласіе; различы — слова, но мысли — согласны. Біблія, посему, есть какъ бы одинъ цѣльный организмъ.

9. Какъ богодохновенное Писаніе, Біблія носить на себѣ печать особенной, духовной красоты; именно божественная благодать сообщаетъ блескъ и красоту словамъ св. Бібліи.

10. Содержаніе Бібліи — неисчерпаемо — глубоко. Въ самомъ краткомъ изреченіи ея находится великая сила и несказанное богатство мыслей. Это — источникъ неизсякаемый, не имѣющій предѣла, обильно наполняемый и изливаemый Духомъ Святымъ.

11. Заключая въ себѣ безпредѣльное море божественной мысли, св. Біблія въ иѣкоторыхъ своихъ частяхъ, особенно въ пророчествахъ, отличается иѣкоторою прикровенностью. Это свойство Бібліи обусловливается какъ внутренними причинами, наприм.: возвышенностью ея вѣроученія, аккомодацией къ неопытности современниковъ, приточностью рѣчи, педагогическою цѣлью, существомъ пророческаго вдохновенія вообще, такъ и внѣшними, каковы: глубокая древность св. книгъ, трудность еврейскаго языка, неясность переводовъ и т. п.

12. Вообще же содержаніе Бібліи въ достаточной мѣрѣ вразумительно, и, если понимать его съ разсужденіемъ, то ни одно слово Писанія не покажется труднымъ.

13. Не имѣя обычая говорить обо всемъ подробно, св. Писаніе отличается краткостью, точностью выраженій, яснѣшимъ различеніемъ предметовъ и бесприострастіемъ повѣствованій.

14. Богодохновенность дѣлаетъ Біблію непогрѣшимымъ источникомъ истины. Писаніе само по себѣ неложно,

не говорить неправды, не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго.

15. Какъ слово, обращенное къ людямъ, св. Писаніе обязано своимъ происхожденіемъ снисхожденію Бога по причинѣ человѣческой немощи. Божественное Писаніе обо всемъ говоритъ по-человѣчески и по снисхожденію къ намъ.

16. Такъ какъ слова Господа дѣйствіемъ благодати Духа для того и преданы письмени, чтобы дать людямъ предохранительныя врачевства противъ страстей, то и чтеніе богодохновенныхъ писаній, какъ откровеніе неба, безусловно необходимо и полезно, содѣйствуетъ праведности поведенія и чистотѣ жизни. Небреженіе о слышаніи слова Божія вѣдетъ даже къ потерѣ человѣческаго достоинства.

17. Богодохновенность простирается на оба отлѣла св. письменности; Сынъ Божій былъ Законодателемъ обоихъ Завѣтovъ. Одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ. Одинъ и тотъ же Духъ, напр., двигалъ устами Давида и дѣйствовалъ на душу ап. Павла.

18. При единствѣ божественнаго происхожденія, Ветхій Завѣтъ, однако, имѣлъ значеніе только подготовительной ступени къ Новому Завѣту, уступая ему первенство въ славѣ, въ благодатномъ дѣйствіи на человѣка, въ самомъ способѣ сообщенія откровеній, подъ покровомъ типовъ и прообразовъ.

19. Новый Завѣтъ есть эпоха высшаго любомудрія, великой благодати Духа. Христосъ возвысилъ человѣчество до высочайшихъ догматовъ, удостоивъ его великихъ тайнъ богоопознанія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ никто, даже больший изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы.

20. Канонъ ветхозавѣтныхъ писаній раздѣляется Златоустомъ на три класса и основанъ всецѣло на древне-еврейской традиції, съ тою особенностью, что книга Іисуса, сына Сирахова, на ряду съ тремя книгами Соломона, причисляется антіохійскимъ богословомъ къ канону писаній нравоучительныхъ.

21. Въ канонъ писаній Нового Завѣта Златоустъ не включаетъ второго посланія ап. Петра, второго и третьяго посланія ап. Іоанна, посланія ап. Іуды и Апокалипсиса.

22. Первовиновникомъ божественныхъ откровеній, свидѣтельствованныхъ въ св. писаніяхъ, по учению Злато-

уста, былъ Богъ-Отецъ. Но посредникомъ въ сообщеніи этихъ откровеній человѣческому роду является Сынъ Божій, божественный Логосъ, Христосъ. Именно Воплотившійся далъ законъ Моисею, послалъ пророковъ, говорилъ чрезъ нихъ, управляя душами апостоловъ и пр.

23. Самая же богодохновенность есть собственное дѣло Духа Божія. Въ Божественныхъ писанияхъ все сказано, все изречено Духомъ Святымъ. Пророкъ Моисей, напр., говорилъ не простыя слова, но слова Божіи, не свои слова, а слова Духа Святаго (*αὐτὸν τὸν πνεῦματα εστιν ἀπόλετος, ἀλλὰ τοῦ πνεύματος*). Апостолъ Павелъ писалъ Духомъ, преподавалъ определенія благодати Духа (*Πνεύματι ἐγράψε; ἐδώκεν τῷ τοῦ Πνεύματος χάριτος τάς ἀπόφασείς*) и пр.

24. Органами Духа Святаго были люди высокихъ нравственныхъ качествъ, люди святой жизни. Пророки Ветхаго Завѣта получали Духа Святаго именно послѣ обнаруженія своей добродѣтели. Св. апостолы были ангелами свѣта, служителями высшихъ дѣлъ; душа апостола языковъ была какъ бы цѣлымъ духовнымъ раемъ и пр.

25. Въ отношеніи ума одни изъ св. писателей, какъ пр. Мопсей, царь Соломонъ, ап. Павелъ и др., были научены свѣтской мудрости. Другие же—по большей части—были людьми неученными по внѣшнимъ законамъ, иногда простыми рыбарями и пастырями, певѣждами въ словѣ (*ἰδιῶται τῷ λόγῳ*).

26. Вліяніе Божественного Вдохновителя на человѣка-писателя было преобладающимъ. Св. писатель только предоставляя свой языкъ, а благодать Божія научала чрезъ него родъ человѣческій. Составителемъ св. книги св. писатель былъ постольку, поскольку говорилъ въ Духѣ Божіемъ или поскольку Духъ Божій говорилъ въ немъ.

27. Въ глубоко-тайственномъ дѣйствіи Духа Божія на св. писателя Златоустъ различалъ, въ качествѣ главнѣйшихъ моментовъ, внутреннее или внѣшнее возбужденіе къ составленію того или другого писанія, непосредственное руководствованіе въ этомъ составленіи и точное, безошибочное, обусловленное именно богодохновенностью изложеніе божественныхъ мыслей св. писателемъ.

28. Именно Духъ Святый былъ возбудителемъ писательской силы. Дѣломъ благодати Духа было то, что даже

сказаны устно, но и письменно изложены. Изрекаемое св. писателемъ происходило не отъ его человѣческаго усилия, но отъ возбуждавшаго его божественнаго вдохновенія, благодаря чему, Писаніе не могло говорить неправды (*λογοθεῖτης* Граff).

29. Человѣкъ—писатель, въ отношеніи Духа Святаго, былъ служебнымъ, подчиненнымъ органомъ. Духъ Божій, по образному сравненію Златоуста, пользовался св. писателемъ, какъ отправитель—вѣстникомъ (*ἄγγελος*), господинъ—посланцемъ (*πρεσβευτής*): благодать Духа Святаго пользовалась устами святыхъ, какъ музыкантъ—трубами, гуслями, флейтами; душа св. писателя, чрезъ которую возглашалъ Духъ, подобна была лирѣ, имѣющей золотыя струны и т. п.

30. Боговдохновенность, однако, не подавляла въ св. писателъ индивидуальныхъ особенностей его личной душевной жизни. Въ св. писаніяхъ всюду отпечатываются свойства темперамента, душевныя пастроенія, чувствованія св. писателей.

31. Стиль св. книгъ служить какъ бы отображеніемъ душъ ихъ составителей. Моисей, напр., кратокъ, пр. Исаія—громогласенъ, смѣлъ, ап. Петръ—всегда пламенный, исполненный дерзновенія. Евангелисты: Матеей—точенъ, Маркъ—любить краткость, Лука пишетъ пространнѣе, Іоаннъ—возвышенъ, апостолъ Павель разливается какъ рѣка и пр.

32. Боговдохновенность была той высшей силой, которая пробуждала мысль св. писателя. Духъ Божій сообщалъ дары Свои тогда и тамъ, когда и гдѣ усматривался возбужденный умъ, при чёмъ вдохновляемое лицо сохраняло сознаніе и разумѣніе; св. писатель обстоятельно размышлялъ о томъ, что принималъ отъ Духа.

33. Чувствованія св. писателей также находились въ состояніи возбужденной дѣятельности. Всецѣло обゝятая Духомъ Божіимъ, душа св. писателя часто изливалась въ словахъ свѣтлаго восторга, сильнѣйшей любви, чрезвычайной радости, глубокаго изумленія, пламенного гнѣва и т. п.

34. Въ отношеніи воли человѣка-писателя, боговдохновенность не была актомъ поглощенія начала низшаго Началомъ высшимъ, а'напротивъ, сознательнымъ подчиненіемъ человѣческаго божескому, возвышеніемъ, возбужденіемъ, приведеніемъ въ движение (*παρορμητικ*, *ἐνέργεια*, *κίνησις*).

35. Существуетъ различіе въ степеняхъ боговдохновен-

ности какъ между св. писателями обоихъ Завѣтovъ, такъ и между св. писателями одного завѣта и даже одного и того же класса. Такъ апостольское вдохновеніе—выше пророческаго, какъ заключающее въ себѣ корни прочихъ дарованій: пророкъ не можетъ быть апостоломъ, но апостолъ всегда есть и пророкъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ пророки, какъ люди всецѣло одержимые, обѣтые, исполненные Духомъ, стоять выше другихъ писателей. Но и среди пророковъ высшее мѣсто принадлежитъ другу Бога Моисею. Въ Новомъ же Завѣтѣ евангелистъ Иоаннъ превосходитъ всѣхъ прочихъ своею возвышенностью, а ап. Павелъ, по искусству преподавать евангельское слово, является апостоломъ по преестественному.

36. Боговдохновенность имѣеть весьма широкій объемъ, простираясь не только на религіозно-нравственное учение Библіи, но и на историческія сообщенія. Даже въ простомъ перечисленіи св. писателями именъ заключается сокровенное богатство мыслей. Благодать Духа изложила и исторію патріарховъ. Духъ Святый съ опредѣленною цѣлью не почелъ постыднымъ изложить даже исторію преступленія Рувима (Быт. XXXV, 22), прелюбодѣянія царя Давида и пр.

37. Боговдохновенность обнимала и форму св. писаній. Разнообразіе, напр., псалмовъ, ихъ размѣръ, краткость или продолжительность суть дѣло мудрости Духа.

38. Вліяніе Духа Святаго простидалось и на отдѣльныя изреченія, въ которыхъ облекалась боговдохновенная мысль св. писателей. Духъ Святый, предвидя будущее, восхотѣлъ точностью изреченій предупредить внесеніе въ церковные догматы людьми собственныхъ соображеній и обуздать незадержанный языкъ дерзкихъ суеслововъ.

39. Въ смыслѣ вербальномъ, все въ Писаніи изречено Духомъ Святымъ, ничего безъ цѣли не сказано, такъ что по одному слову часто можно дойти до цѣлой мысли. Не должно почитать излишними даже надписаній, перечисленія именъ, счета лѣтъ, простого къ кому-либо привѣтствія.

40. Въ Писаніи нѣть даже ни одного слова, ни одной черты, въ глубинѣ которыхъ не заключалось бы великаго сокровища.

41. Однако, вербальное вдохновеніе вовсе не предполагаетъ механической диктовки слововъ, словъ и выражений

Духомъ Святымъ, а скорѣе—органическую связь въ св. писателя содержанія и формы, идеи и слова, мысля выраженій.

42. Въ этомъ именно смыслъ Златоустъ учить однѣ и тѣ же божественные мысли св. писатели выражали различными словами и оборотами рѣчи, что пророческія апостольскія писанія были точными изображеніями составителей ихъ, что просвѣщаемые Духомъ св. писательно, съ трезвою душою, здравымъ разсудкомъ вершенною свободою говорили то, что получали свыше время богоизбранности.

43. Смыслъ св. Писанія—многоразличенъ. Иное должно понимать такъ, какъ сказано, иное—въ смыслѣ первого, иное же—двоюко: чувствено и духовно.

44. Основой пониманія св. Писанія служить смѣшанный, историко-грамматический, который предполагаетъ дословное пониманіе исторического содержанія Божія, объясненіе предметовъ, дѣйствій и событий поному ихъ содержанію, по чувственному ихъ проявленію.

45. Надъ головой возвышается иносказаніе, горючіе; но аллегорической смыслъ опредѣляется только указанію самого Писанія. Само Писаніе обычно указываетъ когда и какія именно мѣста имѣютъ аллегорической смыслъ, что мы не можемъ распоряжаться законами естества.

46. Отъ смысла аллегорического отличенъ смыслъ птическій. Въ то время какъ аллегорія содержитъ въ смыслѣ простой, только облеченный въ образную рѣчническій смыслъ есть смыслъ двойственный. Онъ освается какъ на буквѣ истории, такъ и на образѣ событий дѣйствія.

47. Высшимъ родомъ духовнаго пониманія являемъ аналогоія (*ἀναγογία*), имѣющая мѣсто тогда, когда богоизбранный писатель дѣлаетъ таинственный указапія по строительство спасенія людей во времени и вѣчности вытѣсняя смысла историко-грамматического (*οὐ λογιστὴν ἱστορίαν μη τέλοτο*), аналогоія или содержится съ нимъ домъ, или возвышается надъ нимъ, такъ что самое изложение дѣлается двоякимъ.

Д. Леонардовъ

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, и всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
<http://www.axion.org.ru>

На сайте Вы сможете:

- ✓ **получить подробную информацию о новоизданных книгах,**
- ✓ **бесплатно закачать электронные версии многих книг (их текст легко читать, копировать и использовать на любом компьютере),**
- ✓ **заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).**

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru